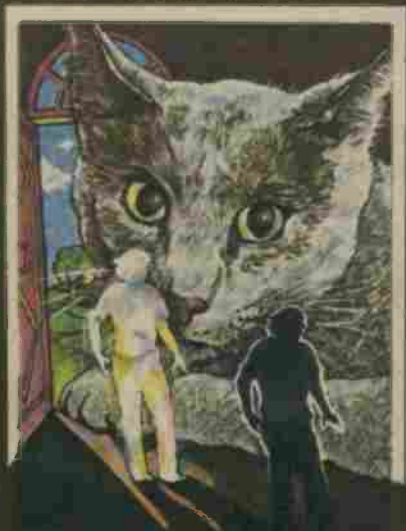


V
249904

ДВЕРЬ В ЛЕТО



Роберт Хейнлейн

science fiction
фантастика

The Door into Summer

ROBERT A. HEINLEIN

A Signet Book
New American Library, Inc.
New York

V
249904 91-3763

~~NEW YORK~~

~~D. C. 1940~~

~~Aug 1992~~

91
| |
| |
| |
| |
| |

91-3763

Роберт Хейнлайн

ДВЕРЬ В ЛЕТО

Перевод с английского
Ф.Б. Сарнова

Москва "Мир" 1990

Хейнлайн Р.

Дверь в лето: Пер. с англ. — М.: Мир, 1990. — 203 с.

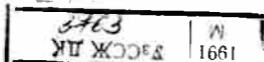
ISBN 5-03-002232-5

Известный американский писатель, Роберт Хейнлайн (1907—1988), по образованию военный моряк, служил в авиации, позже работал архитектором, геологом.

В его романе «Дверь в лето» современный читатель столкнется с уже известными ему фантастическими «трюками» («замораживание» человека, путешествия во времени и др.). Но, как и всякого настоящего писателя, Хейнлайна интересуют не столько трюки, сколько человеческие взаимоотношения — дружба, любовь, верность, бескорыстие. Следует помнить, что 1970 год, с которого начинается повествование, для автора — уже будущее, т. е. не реальный 70-й, а рожденный воображением писателя, ибо книга написана в конце 50-х годов. С этой точки зрения интересны и верные авторские предвидения, и его «промахи», просчеты.

V

247311



ISBN 5-03-002232-5

© перевод на русский язык,
Сарнов Ф. Б., 1990

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Одну зиму, незадолго до Шестинедельной войны, мы с моим котом Питом (полное имя Питер — Третьейский Судья) жили на старенькой ферме в Коннектикуте. Вряд ли эта ферма сохранилась — там, на границе с сумасшедшим Манхэттеном, такие деревянные домики сгорали один за другим, как папиросная бумага. Но даже если наш еще на своем месте, охотников на него нашлось бы немного, потому что это была самая настоящая развалюха. Нас же с Питом он вполне устраивал — благодаря отсутствию водопровода арендная плата была невысока, а в комнате, изображающей гостиную, свет падал прямо на мой чертежный стол.

Был правда один минус — одиннадцать входных дверей. Даже двенадцать, если считать дверь Пита. Я всегда стараюсь устроить Питу собственный вход и выход — его личную дверь. И здесь, в окне одной из спален, которой мы не пользовались, я проделал кошачий лаз достаточной ширины для Питовых усов. Дело в том, что я потратил на процесс открывания дверей для кошек довольно большую часть своей жизни. Однажды я даже подсчитал, что за всю историю развития цивилизации на этот процесс было затрачено девятьсот семьдесят восемь человеческих жизней. Если не верите, могу показать вам свои расчеты.

Пит, как правило, соглашается пользоваться собственной дверью, за исключением тех случаев, когда ему удастся каким-нибудь способом заставить меня открыть для него дверь людскую. Но он никогда не станет пользоваться своей дверью, если на земле лежит снег. Когда он был еще крошечным котенком — эдаким пушистеньким мурлычащим комочком, — то выработал для себя очень стройную и простую жизненную философию: я отвечал за жилье, пищу и погоду, а Пит — за все остальное. Причем, если с едой и жильем Пит мог пойти на какие-то уступки, то за погоду он считал меня

ответственным целиком и полностью. Зимы в Коннектикуте хороши лишь на рождественских открытках, и этой зимой Пит изо дня в день высовывался из своего лаза, отказывался выходить, потому что на земле кругом лежала эта противная белая гадость, и заставлял меня открывать одну за другой все людские двери. У него было твердое, непоколебимое убеждение, что по крайней мере одна из дверей выведет его в лето. И потому я каждый раз должен был открывать для него по очереди все одиннадцать входных дверей и держать каждую открытой до тех пор, пока он не убеждался, что и здесь снаружи зима (естественно, с каждым новым разочарованием в нем росло недовольство моей безответственностью и неумением справляться со своими обязанностями). После последней открытой двери он еще некоторое время терпел (насколько это было в его силах), пока крайняя нужда не выталкивала его наружу. Когда он возвращался, примерзшие к его лапам льдышки цокали по полу, как деревянные колодки, и он укоризненно смотрел на меня и отказывался мурлыкать, пока не вылизывал их. Потом он прощал мне... до следующего раза.

Но никогда он не оставлял своих попыток найти Дверь в Лето.

* * *

Третьего декабря 1970 года я тоже стал искать ее.

Мои поиски были, пожалуй, столь же безнадежны, как и поиски Пита в коннектикутском январе. Снег в Южной Калифорнии в декабре был лишь в горах (для любителей лыж), в долину же Лос-Анджелеса он просто не мог проникнуть из-за тумана. Но на сердце у меня стояла лютая зима.

Физически я был вполне здоров (не считая общего хронического похмелья), до тридцатилетия у меня еще было в запасе несколько дней, словом, до финиша еще было далеко. Меня не разыскивали ни полиция, ни обманутые мужья, ни налоговые инспекторы — не было ничего такого, что хотелось бы полечить легкой амнезией. Но в сердце у меня лютowała зима, и я стал искать Дверь в Лето. Если вам сейчас покажется, что вы имеете дело с человеком, преисполненным жалости к самому себе, вы будете совершенно правы. Конечно,

я отдаю себе отчет в том, что более двух миллиардов людей на нашей планете находились в гораздо худшем положении. Тем не менее я искал свою Дверь в Лето.

Большинство дверей, которые я перепробовал за последнее время, открывались и захлопывались довольно легко — вроде тех, что были сейчас передо мной под вывеской, гласившей: «Сан-Суси Гриль Бар». Я вошел внутрь, осторожно поставил на стул сумку, сам сел на соседний и стал дожидаться официанта.

— Ну-у-у-у? — недовольно спросила сумка.

— Все в порядке, Пит, — сказал я.

— Ни-и-е-е-т!

— Я же сказал, что все в порядке. И будь добр, заткнись! К нам движется официант.

Пит заткнулся. Я взглянул на официанта, склонившегося над столом, и сказал ему:

— Двойной Скотч или то, что вы называете Скотчем в вашем заведении, стакан обыкновенной воды и немного имбирного пива.

— Имбирное пиво? — официант слегка растерялся. — Со Скотчем, сэр?

— У вас нет имбирного пива?

— Отчего же сэр. Конечно есть, но...

— Так тащите. Я не собираюсь его пить, мне просто нравится его запах. И принесите блюдо.

— Как скажете, сэр, — он протер салфеткой поверхность стола. — Может быть, небольшой бифштекс, сэр? Эскалопы тоже очень свежие сегодня...

— Слушай друг, я заплачу за эскалопы, если ты пообещаешь, что на моем столе их не будет. Все, что мне нужно, я заказал... И не забудь про блюдо.

Он молча отошел. Я еще раз уверил Пита, что все в полном порядке. Вскоре официант вернулся. Гордыня его была сломлена, судя по бутылке имбирного пива, которую он нес на блюде. Пока он открывал пиво, я смешал Скотч с водой.

— Прикажете еще один стакан для пива, сэр?

— Нет. Я настоящий джентельмен и лью его прямо из бутылки.

Он умолк и молчал, пока я рассчитывался с ним (кстати, он не забыл про эскалопы). Когда он ушел, я налил имбирного пива в блюдо и тихонько постучал по сумке сверху:

— Ваш суп на столе, Питер.

Сумка была расстегнута — я никогда не застегиваю молнию, когда Пит внутри. Он раздвинул лапами края сумки, высунул наружу голову и огляделся. Потом он встал на задние лапы, а передние положил на край стола. Я поднял свой стакан и мы посмотрели друг на друга.

— Выпьем за женщин, Пит. Найти их и забыть о них! Не так ли, старина?

Он кивнул (это вполне соответствовало его собственным взглядам), изысканно склонил голову к блюдцу и начал лакать имбирное.

— Если можешь, конечно, — добавил я и сделал большой глоток. Пит не ответил. Забыть женщину для него не составляло никакого труда: по складу своего характера он был убежденный холостяк.

Я сидел напротив окна, и прямо перед моими глазами загорались буквы рекламы. Сначала я прочел:

«РАБОТАЙ, ПОКА СПИШЬ...»

Потом надпись сменилась следующей:

**«И ИЗБАВЬСЯ ВО СНЕ ОТ ВСЕХ
СВОИХ БЕД»**

И наконец, в два раза большими буквами:

«ОБЩЕСТВО ВЗАИМНОЙ ГАРАНТИИ»

Я прочел машинально все три надписи несколько раз, не вдумываясь в их содержание. О «долгом сне» с последующим оживлением я знал не больше и не меньше, чем все остальные, — прочел пару популярных статей, когда об этом было объявлено впервые, и два или три раза в неделю получал рекламные карточки от этих компаний, которые выбрасывал, едва взглянул на них, — мне казалось, они имеют ко мне такое же отношение, как, скажем, реклама губной помады. Во-первых, вплоть до самого недавнего времени я просто не был в состоянии заплатить за Холодный Сон — слишком дорогое удовольствие. Во-вторых, скажите на милость, зачем человеку, любящему свою работу, зарабатывающему хорошие деньги, собирающемуся зарабатывать еще больше, да еще влюбленному и помолвленному, вдруг взять и... полупокончить с собой? Если кто-то болен неизлечимой болезнью и обречен на смерть, то в надежде, что через несколько поколений доктора,

быть может, сумеют вылечить его, он, конечно, может пойти на Холодный Сон (если при этом, разумеется, он в состоянии оплатить все то время до оживления, которое понадобится врачам, чтобы найти средство вылечить его) — тут есть своя логика. Или кто-то мечтает слетать на Марс и думает, что перескочив через поколение-другое, он проснется и купит билет на такой рейс — что ж, и здесь есть какой-то резон. В газетах писали о молодой паре, которая, поженившись, отправилась прямехонько в усыпальню Всемирной Западной страховой компании и объявила, что велит разбудить себя не раньше, чем появится возможность провести медовый месяц на межпланетном лайнере... Скажу честно, мне это кажется обычной газетной «уткой», устроенной самой компанией, — скорее всего эта пара вышла из усыпальни через задние двери под другими именами. Провести первую брачную ночь холодными, как мороженая макрель... Вряд ли кто согласился бы на это.

Однако есть еще один резон — чисто финансовый, на который особенно упирали страховые компании: «Работай, пока спишь». То есть лежи себе тихо и жди, пока то, что у тебя есть, не превратится в крупное состояние. Если вам, допустим, пятьдесят пять и вам выплачивают пенсионное содержание двести в месяц, почему бы не проспять годы, ожить с теми же пятьюдесятью пятью за спиной и получать в месяц тысячу? Не говоря уже о пробуждении в новом светлом будущем, в котором, возможно, будет гораздо более приятная старость и будет еще на что тратить эту тысячу. Это, пожалуй, был самый сильный аргумент компаний — каждая неопровержимыми цифрами доказывала, что приобретение ее акций дает возможность делать деньги быстрее, чем приобретение любых других: «Работай, пока спишь!»

До сих пор все это не имело ко мне ни малейшего отношения. Мне не было пятидесяти пяти, я не собирался уходить от дел, выходить на пенсию, и 1970-й меня вполне устраивал. До сих пор...

Теперь, в данный момент, я, уж хотел того или нет, отошел от дел (вернее, меня «отошли»). Вместо медового месяца я сидел в убогом баре и пил Скотч как лекарство — чтобы забыться. Вместо жены у меня был кот с патологической страстью к имбирному пиву,

а что касается нынешнего 1970-го, то я охотно променял бы его на ящик джина и тут же опорожнил бы все бутылки.

Но я был не нищий.

Я потянулся к карману плаща, вытащил оттуда конверт и раскрыл его. В нем лежали две бумаги: чек на сумму, гораздо большую, чем те, что были у меня когда-либо за всю жизнь, и сертификат на владение акциями «Домашняя Помощница, Инк». Обе бумаги были помяты, потому что я таскал их в кармане с тех самых пор, как мне их вручили.

Что ж... Почему бы и нет? Почему бы не нырнуть в этот самый Долгий Сон и не переспать все мучающие меня беды? Это ведь приятнее, чем записаться в Иностраный Легион, не так противно, как самоубийство, и, главное, это окончательно и навсегда избавит меня от людей и событий, которые придали моей жизни такой отвратительный кислый привкус. Так почему бы и нет?

Я не очень-то стремился разбогатеть таким способом. Ну, конечно же, я читал Герберта Уэллса «Когда Спящий проснется» — читал еще до того, как Страховые компании начали распространять бесплатные экземпляры этой книги, когда это был просто роман классика. И я знал, что можно извлечь при «объединенном интересе» из акций той или иной компании. Но я не был уверен, что у меня хватит денег для того, чтобы и купить себе «Долгий Сон», и сделать при этом вложение, сулящее приличную выгоду. Много больше меня занимало другое: заснуть и проснуться в другом мире — может быть, гораздо лучшем (о чем неустанно твердили все компании), может быть, худшем... Но в любом случае — другом, отличающемся от этого. И уже относительно одного отличия я мог быть совершенно уверен: я мог купить себе дозу Сна, достаточную для того, чтобы оказаться в мире, где не было бы Беллы Даркин... Не было бы и Майлса Джентри, но главное — Беллы. Там... Если Белла была мертва и похоронена, я мог бы забыть ее, забыть все, что она со мной сделала, вычеркнуть из памяти навсегда... А не терзать себе душу постоянным знанием, что она здесь, всего в нескольких милях отсюда.

Ну-ка, посчитаем, сколько мне нужно проспать, чтобы... Белле было двадцать три, во всяком случае

так она утверждала (я вспомнил, как один раз она, кажется, оговорилась, что помнит Рузвельта президентом). Будем считать двадцать с лишним. Если я проплю семьдесят лет, от нее останется лишь некролог — ну, для верности, семьдесят пять. Неожиданно я вспомнил об успехах, которые предсказывали медикам в недалеком будущем — говорили о ста двадцати годах, как о вполне достижимой, «нормальной» продолжительности жизни. Может, мне стоит проспять лет сто?... Я не был уверен, что какая-нибудь Компания может предложить такой срок...

Я сделал большой глоток Скотча и, видимо, этот глоток породил во мне дьявольски жестокою мысль: совсем не обязательно спать до тех пор, пока Белла будет мертва, — мягко шевельнулось в моем мозгу. — Вполне достаточно и даже более чем достаточно, когда речь идет о мести женщине, остаться молодым, в то время, как она станет старой. Стать моложе ее настолько, чтобы можно было ткнуть ее носом в эту разницу в возрасте. Для этого нужно... ну, скажем, лет тридцать.

Я почувствовал легкое, как снежинка, прикосновение кошачьей лапы к моей руке и тихий шипящий звук:

— Щ-щ-е-щ-щ-е! — объявил Пит.

— Жадное животное! — сказал я ему и налил еще одно блюдце имбирного. Он поблагодарил меня вежливым ожиданием, потом начал лакать пиво. Но своим вмешательством он разрушил стройную цепь моих инквизиторских (и дьявольски приятных) мыслей. Что, черт возьми, мне делать с ним — с Питером? Ведь кота нельзя просто бросить, как это некоторые делают с собаками — кошка этого не вынесет. Иногда, правда, они привязываются к дому, но с Питом был не тот случай: с тех пор, как его забрали у его матери девять лет назад, я для него был единственной стабильной «вещью» в постоянно меняющемся мире... Я даже ухитрился держать его рядом, когда был в армии, а это скажу я вам, не так-то просто.

Пит был вполне здоров и, похоже, не собирался сдавать и дальше, несмотря на то что был весь испещрен рубцами и шрамами. Если все пойдет, как шло до сих пор, он еще лет пять, как минимум, будет с блеском выигрывать битвы у соперников и производить на свет котят.

Я мог заплатить за его содержание в кошачьем приюте до самой его смерти (от одной этой мысли меня передернуло!), мог распорядиться, чтобы его усыпили (тот же эффект!), или... Я мог бросить его на произвол судьбы. Так всегда обстоит дело с кошками — или вы несете крест, за который взялись, до конца, или бросаете несчастное существо, обрекая его на одиночество и одичание, отнимая у него все крохи веры в какую-то справедливость и правильность мироздания, иными словами, уничтожаете его, точь-в-точь как Белла уничтожила меня.

Итак, Дэнни, можешь забыть обо всем этом. Твоя собственная жизнь может стать горькой, как укропный рассол, но это ни в малейшей степени не освободит тебя от обязательств перед этим нравственно разложившимся животным.

Как раз в тот момент, когда я четко сформулировал для себя безвыходность моего положения, Пит чихнул, и брызги полетели у него из под носа.

— Будь здоров! — сказал я ему. — И прекрати лакать с таким остервенением — это неприлично.

Пит не обратил на мои слова никакого внимания. В среднем его манеры и поведение за столом были лучше моих, и он прекрасно знал это.

Наш официант болтался возле кассы и трепался с кассиром — время ленча уже кончилось, и все остальные посетители сидели за стойкой бара. Официант поднял глаза к потолку, когда я сказал: «Будь здоров!», — и что-то сказал кассиру. Они оба посмотрели в нашу сторону, кассир отворил свою дверцу, вышел и направился к нашему столу.

— Исчезни, Пит, — тихо сказал я.

Пит огляделся, нырнул в сумку и сдвинул ее края. Кассир подошел к нам и быстро обшарил глазами все стулья.

— Извини, друг, — сказал он решительным тоном, — но кошку тебе придется отсюда убрать.

— Какую кошку?

— Ту самую, которую ты поил из этого блюдца.

— Я не вижу здесь никакой кошки, — пожал я плечами.

Он наклонился и заглянул под стол.

— Вы спрятали ее в эту сумку, — менее решительно сказал он.

— Кошка? Сумка? — удивленно переспросил я, — Друг мой, вы уверены, что правильно выразили вашу мысль?

— Что-что? Простите, но грамотно разговаривать меня учить не надо. В этой сумке у вас кошка. Откройте ее!

— У вас есть ордер на обыск?

— Ордер? Не валяйте дурака.

— По моему, это вы валяете дурака, требуя, чтобы я открыл сумку, и не имея при этом ордера на личный обыск — Четвертая Поправка... И война давно уже кончилась, военное положение снято... Так что покончим с этим и, будьте добры, скажите официанту, чтобы он повторил весь предыдущий заказ. Или обслужите меня сами, если вам угодно.

На лице у него отразилось явное огорчение.

— Слушай, братишка, — сменил он свой решительный тон на почти дружеский, — поверь, я ничего против тебя не имею. У меня просто инструкция, и я обязан ей следовать: «С кошками и собаками не входить!» — можешь сам прочесть, вон там, на стене. Понимаешь, мы должны соблюдать санитарные нормы...

— У вас это плохо получается, — заметил я, беря в руки свой стакан. — Видите следы помады? Вам следовало бы следить за посудомойкой, а не обыскивать клиентов.

— Я не вижу никаких следов помады...

— Это потому что я их слизал. Но мы можем отнести стакан в Пункт Здравоохранения и устроить там экспертизу.

Он тяжело вздохнул.

— У вас есть с собой их значок?

— Нет.

— Слушай, тогда давай разойдемся по-хорошему. Я не обыскиваю твою сумку, а ты не ведешь меня в Пункт Здравоохранения. Если хочешь еще выпить, подойди к бару и возьми, только... выпей снаружи, а не здесь, — он отвернулся и пошел к своей кассе.

— Мы все равно собирались уходить, — пожал я плечами.

Когда я шел мимо кассира к выходу, он повернулся ко мне и спросил:

— Без обид?

— Без, — ответил я, — правда, я собирался при-

вести к вам свою лошадь и выпить с ней здесь. Теперь не приведу.

— Напрасно. В инструкции ничего не сказано про лошадей. И потом... еще одна вещь — скажи, эта кошка в самом деле пьет имбирное?

— Как насчет Четвертой Поправки?

— Я не хочу на нее смотреть, я просто хочу знать...

— Да, — сознался я. — Он вообще-то предпочитает его в смеси с горьким, но иногда вынужден довольствоваться имбирным в чистом виде.

— М-да, — это может паршиво отразиться на его почках, — кассир покачал головой. — Слушай, друг взгляни-ка сюда.

— Куда?

— Наклонись назад, чтобы голова у тебя была вровень с моей. Теперь посмотри на потолок над каждым столом... Видишь зеркала среди узоров? Я знал, что у тебя там кот, потому что видел его.

Я наклонился и посмотрел: на потолке была своеобразная мозаика с вмонтированными зеркалами — кассир пользовался ими, как перископами, и видел практически все, что происходило в помещении, не сходя со своего места.

— Без этого нельзя, — как бы извиняясь, произнес он. — Если бы ты только знал, что тут иногда происходило, когда мы не следили вот так... — он вздохнул и добавил, — В грустном мире живем.

— Аминь, братишка, — сказал я и вышел.

Очутившись снаружи, я раскрыл сумку и поднял ее за одну ручку. Пит высунул голову и огляделся.

— Ты слышал, что он сказал, Пит? «В грустном мире живем»... По-моему хуже, чем в грустном, если двое друзей не могут тихонько посидеть за парой рюмок без того, чтобы за ними шпионили. Кажется, пора нам решаться.

— Шшссчас? — спросил Пит.

— Думаю, да. Если уж делать, то не стоит тянуть.

— Шшссчас! — Пит явно был согласен.

— Принято единогласно. Нам нужно лишь перейти улицу.

Приемщица в Обществе Взаимной Гарантии могла послужить блестящим образцом сочетания красоты и функциональности. Подчеркнутая деловитость и четкость каждого слова и жеста не мешали ей демонстри-

ровать (и с блеском) все прелести, необходимые ей для другого, надо полагать, основного занятия. Я прикинул, что она, по всей вероятности, будет бабушкой к тому времени, когда я выйду отсюда, и сказал ей, что хочу видеть управляющего.

— Прошу вас присесть. Сейчас я посмотрю, свободен ли кто-нибудь из наших администраторов, — и прежде чем я успел сесть, она добавила, — Наш Мистер Поуэл сейчас примет вас. Сюда, прошу вас.

Их Мистер Поуэл занимал кабинет, судя по которому дела компании шли неплохо. Он подал мне влажную ладонь, усадил, предложил сигарету и попытался было взять у меня сумку. Я придержал ее.

— Итак, сэр, чем мы можем быть вам полезны? — осведомился он.

— Я хочу купить Долгий Сон.

Его брови поползли вверх и в движениях ощутилась большая заинтересованность — Долгий Сон, конечно, может дать им возможность наложить свои лапы на все, что есть у клиента.

— Очень мудрое решение, — почтительно произнес он. — Очень. Хотел бы и сам последовать вашему примеру, но... Семейные обязательства, знаете ли, — он потянулся к столу и достал какой-то бланк. — Желющие уснуть, как правило, всегда торопятся, не любят ждать. Позвольте я сэкономлю вам время и заполню это за вас... Да, и мы сейчас прямо приготовим для вас психиатрическую экспертизу...

— Один момент, — прервал я его.

— Да?

— Есть один вопрос: вы в состоянии устроить Холодный сон для кота?

На лице у него отразилось изумление, а потом обида.

— Вы решили подшутить над нами?...

Я развел края сумки, и Пит немедленно высунул голову.

— Вот мой ответ. А теперь ответьте на мой вопрос, будьте добры. И если ответ будет отрицательный, я, пожалуй, обращусь в Центральную Долину Обязательств. Их представители находятся, по-моему, в этом же здании, не правда ли?

В глазах у него промелькнул ужас.

— Мистер... Простите, я не знаю как вас зовут?...

— Дэн Дэвис.

— Мистер Дэвис, когда человек переступает порог нашей фирмы, его интересы автоматически берутся под защиту Взаимной Гарантией. Я просто не могу позволить вам теперь обращаться в Центральную Долину.

— Как же вы собираетесь помешать мне? Дзю-до? Каратэ?

— Ради бога! — умоляюще воскликнул он и посмотрел по сторонам, — Наша компания... У нас своя этика...

— Вы хотите сказать, что в Центральной Долине этика, как таковая, отсутствует?

— Я этого не говорил, это — ваши собственные слова. Мистер Дэвис, не нужно поддаваться на мои уговоры...

— Не буду.

— А возьмите лишь контракты обеих фирм и сравните их, а еще лучше, посоветуйтесь с вашим адвокатом... нет, с дипломированным семасиологом. Выясните, что предлагаем мы — и реально да е м, и сравните это с тем, что, как они утверждают, могут предоставить вам они... — он еще раз огляделся и наклонился ближе ко мне. — Я вообще-то... мне не следовало бы это говорить... но я надеюсь, вы меня не выдадите и не будете на меня ссылаться... Они даже не пользуются стандартными усыпальными столами.

— А может быть, они предоставляют клиенту иные возможности?

— Иные?... Мой дорогой Мистер Дэвис, мы выплачиваем аккуратнейшим образом каждый возросший процент согласно принятому нами уставу... Центральная же Долина — компания акционерная и...

— Ну, так, может быть, мне стоит купить у них долю ак... Послушайте, Мистер Поуэл, мы теряем время. Ваша Компания в состоянии обслужить моего друга или нет? Если нет, то я здесь, пожалуй, зашелся.

— Вы хотите сказать, что заплатите за пребывание этого животного в анабиозе?

— Я хочу сказать, что мне нужен Долгий Сон для нас обоих. И будьте так добры, не называйте его «это животное» — его зовут Петрониус.

— Прошу прощения, я поставлю вопрос иначе: Вы

готовы заплатить и за себя, и за... гм... Петрониуса?

— Да. Но, конечно, за него я не собираюсь платить полную стоимость — вы ведь можете положить нас с ним в один, э-ээ, в одну... кабину, и вряд ли будет честно требовать за Пита такую же плату, как за человека.

— Все это в высшей степени необычно.

— Разумеется. Но мы можем обсудить размер платы за него позже... Или я обсужу этот вопрос с Центральной Долиной, а сейчас я хочу лишь знать: в принципе у вас это возможно?

— М-да... — он побарабанил пальцами по столу в задумчивости. — Подождите минутку, — он поднял трубку и сказал в нее: Опал, соедините меня с Доктором Берквистом.

Весь последующий разговор я не слышал — он включил индивидуальную «защиту». Но разговор был недолгий, и, закончив его, он повернулся ко мне с такой улыбкой, словно он только что похоронил богатого дядю:

— Хорошие известия, сэр! Я как-то упустил из виду, что первые успешные эксперименты проводились как раз с кошками — все технические параметры для них нам хорошо известны. Кстати, сейчас в Главной Исследовательской Лаборатории в Аннаполисе находится кот — он живет уже двадцать лет в анабиозе и чувствует себя — так свидетельствуют приборы — отлично.

— Я думал, лабораторию там ликвидировали, когда они получили базу в Вашингтоне?

— Только здания на поверхности, сэр, все же глубинные помещения остались. Кстати, как свидетельство надежности нашей аппаратуры — почти два года животное обслуживалось исключительно автоматами... И сейчас он жив, здоров, как будете и Вы, сэр, в течение стольких лет, на сколько вам будет угодно доверить себя Обществу Взаимной Гарантии...

— Хорошо, хорошо, — прервал я его, видя, что самому ему трудно остановиться, — давайте оговорим детали.

Оговорить нам предстояло четыре главных вопроса. Первый: как и сколько платить за наше содержание во время гибернизации? Второй: сколько времени я хочу проспать? Третий: куда я хочу поместить свои

сбережения на то время, пока я буду в «морозилке»? И наконец, последний: как быть в случае, если со мной что-то случится и я не проснусь никогда?

В качестве «конечного пункта» я решил остановиться на 2000 году — симпатиченькая, кругленькая дата и всего лишь через каких-нибудь тридцать лет. Спать дольше я, честно говоря, опасался: перемены, происшедшие за последние тридцать лет (на моем собственном веку) были таковы, что... Судите сами: две большие войны и с полдюжины маленьких, Великая Паника, искусственные спутники и переход к атомной энергии — было от чего вытарашить глаза... Господи, да когда я родился, по-моему, еще и телевизоров-то не было! Что и говорить, двухтысячный год мог встретить меня большими сюрпризами, но, с другой стороны, проспи я меньше — у Беллы не будет времени занять достаточное количество морщин...

Что касается денежных вложений, то я не стал связываться с правительственными предприятиями — в основном положился на акции моей «Домашней Помощницы», а на наличные велел купить акции сходных небольших фирм, которые, как я рассчитывал, должны подняться в цене. В их число я включил фирму удобрений, из Сан-Франциско, где сейчас экспериментировали с дрожжами и съедобными водорослями: с каждым годом людей становилось все больше, а бифштексы не дешевели. Следить за моими вложениями я, естественно, поручил фонду Взаимной Гарантии.

Главное, что предстояло решить: как поступить в случае моей смерти при гибридизации? Компания утверждала и клялась всеми святыми, что шансов выжить у клиента не меньше семи из десяти... И компания учитывала оба исхода — стопроцентную гарантию мне никто не давал, но я на нее и не рассчитывал: в любой игре возможны варианты. Только жулики сулят беспроектную сделку, даже самая респектабельная страховая фирма «Лондон-Ллойд» не тешит никого на этот счет никакими иллюзиями, а учитывает, как и все, оба возможных исхода. И вряд ли стоит обольщаться этим соотношением — семь из десяти, ведь кто-то должен платить за приталенные костюмы «Нашего» Мистера Поуэла.

Я принял решение передать в случае моей смерти все свои сбережения, вплоть до последнего цента,

фонду компании... От этого решения Мистер Поуэл весь расцвел, чуть не обнял меня и объявил, что шансы на успех чудовищно велики. Но решение свое я принял по иной причине — этот ход делал меня наследником (если я, конечно, останусь жив) всех клиентов, принявших аналогичное решение (если, конечно, они умрут) — эдакая Русская рулетка, где выживший собирает все барыши, отдавая законный процент хозяину дома.

Таким образом, я избрал для себя максимально выигрышный вариант (в случае моего благополучного оживления), который был максимально выигрышным и для фирмы, и Мистер Поуэл любил меня сейчас, как крупье любит клиента, постоянно ставящего на «Ноль». Когда мы договорились обо всем, что касалось меня, он был уже очень лояльно настроен по отношению к Питу: мы быстро сошлись на пятнадцатипроцентной плате за кота, и оформили это в отдельном контракте.

Теперь оставалось лишь уладить вопрос с юристом и пройти медкомиссию. Медкомиссия меня не беспокоила: у меня было ощущение, что с того момента, как я избрал фонд компании своим душеприказчиком, меня примут с распростертыми объятиями даже на последней стадии чумы. Но вот с юристом могли возникнуть затруднения — ведь клиент оказывался в щекотливом с юридической точки зрения положении: с одной стороны, он жив, а следовательно, обладает всеми правами живого человека, с другой — он совершенно беспомощен, беззащитен и лишен возможности этими правами пользоваться. Но, как оказалось, я волновался напрасно: «Наш» Мистер Поуэл извлек на свет девятнадцать различных бланков, когда я подписал последний (у меня уже ныли пальцы), посыльный куда-то умчался с ними, а я отправился проходить медкомиссию — юриста я и в глаза не видел.

Медкомиссия состояла из обычных процедур, все шло гладко, но в самом конце нашего непродолжительного разговора доктор пристально посмотрел мне в глаза и спросил:

- И давно у тебя запой, сынок?
- Запой?..
- Запой.
- С чего вы взяли, доктор? Я ничуть не пьянее

вас — разве у меня заплетается язык? Карл у Клары украл ко...

— Брось дурить и отвечай на вопрос.

— Э-э... Недельки две. Ну... может, чуть больше.

— Стало быть, хроник? И давно это у тебя? Сколько раз уходил в «штопор» в прошлом?

— Да, вообще-то ни разу. Понимаете, доктор, у меня... — и я принялся сбивчиво рассказывать ему, что со мной сотворили Белла и Майлс и почему я сейчас в таком состоянии. Он нетерпеливо махнул рукой:

— Оставь. У меня у самого куча неприятностей, и я не психиатр. По сути дела, все, что меня интересует, это — выдержит ли твое сердце охлаждение до минус 4° по Цельсию. И обычно меня совершенно не трогает, почему и от чего кто-то сбрендил настолько, чтобы заползти в морозильник и захлопнуть за собой крышку: я просто отмечаю себе — еще один дурак теперь там, внизу. Но остатки моей профессиональной этики, сынок, мешают мне дать со спокойной совестью человеку (неважно, что цена ему — грош) забраться в один из тех гробов, что внизу, с мозгами, пропитанными алкоголем. Ну-ка повернись.

— М-мм?

— Повернись, говорю, спиной — воткну тебе в задницу один укольчик.

Я повернулся, и он воткнул.

— Теперь выпей вот это. Через двадцать минут ты будешь трезвее, чем месяц назад. И тогда, если у тебя осталась хоть капля мозгов, в чем я лично сомневаюсь, ты посмотришь на себя со стороны и решишь: убегать тебе от своих проблем или же... попытаться решить их, как подобает мужчине.

Я молча выпил то, что он дал мне.

— Все. Одевайся. Я подписываю тебе все, что нужно, но учти: я могу поломать это в любой момент. Итак, ни капли спиртного, легкий ужин сегодня и никакого завтрака. Завтра в полдень будь здесь для окончательной проверки, — он отвернулся, не сказав даже «до свидания».

Я оделся и вышел. На душе было погано. Все мои бумаги были готовы. Когда я собрал их, Пууэл сказал:

— Вы можете оставить их здесь, если желаете, и забрать завтра днем... Это ваши копии, и находиться они будут с вами.

— А что будет с остальными?

— Один экземпляр остается у нас. После вашей гeбepнизации второй мы отдаем в юридический отдел, а третий посылаем в Карлсбадский архив... Да, врач предупредил вас насчет диеты?

— Предупредил, — я вертел в руках бумаги и делал вид, что просматриваю их, чтобы скрыть подступающее раздражение.

Пуэзл потянулся за ними:

— Я сохранию их для вас до завтра, можете не беспокоиться.

— Пожалуй, я сам сохранию их для себя, — сказал я. — Возможно, я кое что изменю в смысле... капиталовложений...

— М-мда, но боюсь, с этим вы уже опоздали, дорогой мистер Дэвис...

— Не давите мне на психику. Если я решу что-то изменить, я приду раньше, — я открыл сумку и положил бумаги возле Пита. Я и раньше таскал с собой ценные бумаги таким образом. Может, это и не так безопасно, как держать их в Карлсбадском архиве, но безопасней, чем кое-кто мог бы подумать. Какой-то незадачливый воришка пытался раз ознакомиться с содержимым моей сумки... Думаю, шрамы от зубов и когтей Пита останутся у него до конца дней.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Моя машина была на стоянке — там, где я ее оставил рано утром. Я заплатил за стоянку, включил автоматику, дал направление (Западная Трасса), достал Пита из сумки, положил его на сиденье и расслабился. Вернее, хотел было расслабиться, но лос-анджелесское движение слишком скоростное для меня, чтобы целиком доверяться автоводителю — хорошо было бы перемотировать все это устройство, чтобы чувствовать себя в безопасности. К тому времени, когда мы были западнее Западной Авеню и могли уже не следить за дорогой, я был голоден как черт и здорово хотел выпить.

— Эй, Пит! Впереди, кажется, оазис.

— М-мм?

— Да вот же он — прямо перед нами.

Но пока я искал, где бы припарковаться (Лос-Анджелес невозможно завоевать — завоеватели просто не найдут, где припарковаться), я неожиданно для себя вспомнил инструкцию врача: «Ни капли спиртного». Поначалу я было мысленно послал его со всеми инструкциями... Потом стал прикидывать: сумеет ли он определить через день — пил я или нет. Кажется, не так давно я читал какую-то статью об этом, но это был не мой профиль, и я мало что запомнил. Черт бы его взял, с него станется запретить мне заморозку. Ладно, пожалуй, не стоит рисковать, будем играть по всем правилам.

— Шшссчас? — поинтересовался Пит.

— Позже. Сначала поищем, где бы нам остановиться.

Неожиданно я поймал себя на том, что мне совершенно не хочется выпить — я хотел есть и как следует выспаться. Док был прав: я сейчас был трезвее и чувствовал себя намного лучше, чем все несколько прошедших недель. Конечно, может быть, он вкатил мне всего-навсего какой-нибудь витамин... Тогда отдадим должное витамину — убойной силы вещь.

Мы въехали в небольшой авторесторанчик, где я заказал жареного цыпленка для себя и полфунта ветчины и немного молока для Пита. Пока все это нам готовили, мы успели недолго прогуляться. Мы с Питом часто ели в таких вот «Авто», потому что здесь мне не нужно было заставлять его поминутно прятаться в сумке.

Через полчаса мы мирно катили прочь из деловой части города. Я остановил машину, закурил сигарету, почесал Пита под подбородком и задумался.

Ну что, Дэн, кажется, док был прав: ты старался нырнуть в бутылку, у которой горлышко достаточно широко для твоей глупой башки, но слишком узко для плеч. Теперь, когда ты трезв, как стеклышко, и брюхо у тебя набито, ты, конечно, чувствуешь себя куда лучше... Но что же дальше? Прав ли был док и насчет всего остального, а, Дэн? Почему ты решил это сделать? Ищешь приключений? Или пытаешься забраться обратно в материнскую утробу?.. Но ведь я в самом деле хочу попробовать, убеждал я себя — 2000-й год, а?! Блеск! Ну, ладно, допустим, и впрямь хочешь, допустим, это интересно, но... Так вот и сбежишь, даже не попробовав решить свои проблемы з д е с ь ?.. Хорошо, хорошо... то есть, конечно, ничего хорошего, но к а к я могу их ре-

шить? Я не хочу, чтобы Белла вернулась ко мне... после всего, что она сделала. Чего же мне добиваться? Судиться с ними? Не будь ослом, Дэн, у тебя нет ни единого доказательства... И потом, в суде выигрывают совсем другие люди, хотя... если попробовать...

— М-мм-н-н-и-е-т! — сказал Пит.

Я поглядел вниз на его испещренную шрамами голову. Пит, конечно, не стал бы ни с кем судиться. Если бы ему не понравилось, как подстрижены усы у другого кота, он бы пригласил его на интимную прогулку и дрался бы с ним, как и положено коту...

— Думаю, ты прав, Пит. Пожалуй, я повидею Майлса, выдерну ему руку с мясом, и буду бить ею его по голове до тех пор, пока он не заговорит. После этого мы можем уйти с тобой в «Долгий Сон», но сначала мы выясним, что на самом деле они с нами сделали и кто на самом деле сделал это!

Позади нас виднелась телефонная будка. Я набрал номер Майлса, застал его дома и сказал ему, чтобы он там и оставался — я скоро приеду.

* * *

Мой старик назвал меня Дэниэль Бун Дэвис, выразив таким образом независимость и свободу своих взглядов. Я родился в 1940, когда все кругом твердили, что индивидуальность не стоит ни гроша, а будущее — за массами. Отец не желал в это верить, и мое имя было своего рода защитой от этой концепции.

Когда началась Шестинедельная война, я служил инженером-механиком в армии. Я не стал пытаться использовать инженерский диплом как средство отмотаться от службы, потому что, если что-то я и унаследовал от отца, то это — желание быть самому себе хозяином. Я не хотел никем помыкать, не хотел, чтобы помыкали мной, не хотел ни от чего увиливать, а хотел просто отслужить сколько мне было положено и убраться от этого подальше. Незадолго до Шестинедельной (которая никому ничего не дала и которую и войной-то назвать было трудно, разве что продемонстрировала полную бесперспективность подобного рода идиотизма) я служил сержантом-техником в Сандийском Боевом Центре в Нью-Мексико — запихивал «атомы» в атомные бомбы и подумывал, чем бы заняться на гражданке.

В тот день, когда Сандия была стерта с лица земли, я был в Далласе, куда меня отправили за свежей порцией ядерной накачки — таким образом я и уцелел, чтобы впоследствии с блеском осуществлять свои инженерные замыслы. Пит уцелел по сходной причине: у меня был приятель, Майлс Джентри, ветеран, призванный на переподготовку. Он был женат на чьей-то вдове, у которой была дочка, но жена его умерла, когда его призвали. В тот кошмарный день он как раз взял увольнение и поехал подыскивать дом для своей приемной дочери Фредерики. Крошка Рикки (мы никогда не называли ее Фредерикой) заботилась о Пите, и, хвала кошащему богу, Майлса, Рикки и Пита не было в Сандии в тот «славный» денек. Рикки забрала с собой Пита, потому что я никак не мог взять его с собой в Даллас.

Вообще-то я был так же ошеломлен, как и все остальные, когда после Шестинедельной опыты с гибернизацией были преданы гласности. Но в принципе тут не было ничего уж такого удивительного: еще с тридцатых годов ни для кого не было секретом, что человеческое тело можно заморозить и «оттаять». Правда, это не выходило за рамки лабораторных игр — думаю, из-за контроля военных. Стасис, холодный сон, гибернизация, гипотермия, замедленный обмен веществ — называйте, как хотите... Важно одно — был найден способ временно приостановить жизненные процессы в человеке: его накачивали наркотиком, подвергали гипнозу, а затем помещали в камеру с температурой примерно минус 4 ° по Цельсию, то есть при которой вода имеет максимальный удельный вес и плотность, но без ледяных кристаллов. Если нужно было оживить его быстро, диатермия и постгипнотический курс занимал десять минут (на военных базах укладывались в семь), но такая быстрота вызывала старение и деформацию тканей и могла повлиять на умственные способности человека... Ну, сделать его туповатым. Если же нужды в спешке не было, нормальный процесс размораживания занимал часа два («быстрый» метод был, как говорят в таких случаях военные, «оправданным риском»).

Шестинедельная война (вернее, то, что принято так называть) закончилась, предотвратив, быть может, настоящую войну и гибель всего нашего брэнного мира. Мне выплатили все, что причиталось за беспорочную службу, и мы с Майлсом открыли собственное дело —

как раз тогда страховые компании стали торговать Холодным Сном. В здании, принадлежавшем раньше Военно-воздушным силам, мы устроили что-то вроде небольшой фабрики и стали делать нашу «Домашнюю Помощницу» — то есть делал ее я, а Майлс взял на себя всю документацию, сбыт и прочее...

Да-да, никто иной, как ваш покорный слуга изобрел «Домашнюю Помощницу» и все ее «потомство» — «Оконного Вилли» и всех остальных сделал я, собственной персоной, хотя вы не найдете на них моего имени.

Отбывая службу, я не раз и не два задумывался над тем, что делать инженеру на гражданке. Пойти наняться на «Стандарт» или «Дю-Пон», или «Дженерал Моторс»? Лет через тридцать они выдадут вам пенсию и бесплатные обеды по воскресеньям, вы, конечно, будете всю жизнь иметь свой кусок хлеба с маслом, но никогда не станете по-настоящему свободным человеком — «сам себе хозяин»...

Пойти на государственную службу? Что ж, хорошая пенсия, нормальная зарплата, тридцать дней отпуска — словом, ни забот, ни хлопот, куча льгот, но... Я уже послужил своему правительству и теперь сам хотел быть своим начальством.

Что же в состоянии сконструировать один человек, чтобы это не требовало много миллионов человеко-часов, прежде чем будет выброшено на рынок? Говорили, что ничего... Говорили, что времена, когда начинали без гроша в кармане, канули в вечность... Я в это не верил.

Автоматизация переживала свой Великий Бум: урожаи не требовали практически никакого ухода (химии-инженерия) — достаточно было двух наблюдателей за приборами и одного сторожа, чтобы собрать бог знает сколько зерна, фруктов, овощей... Появились машины, печатающие билеты в одном городе и ставящие штамп «Продано» в шести других. Отбойные молотки, рубящие уголь, пока ребята-шахтеры сидят сложа руки и смотрят на них... Честно служа дяде Сэму, я впитывал как губка все электронные и кибернетические новинки, к которым только мог подобраться со своим допуском категории «Ц»... Лишь до обычной домашней хозяйки автоматизация так и не дошла. А что нужно женщине? Да ей вовсе не нужна какая-то супер-модернизация, эдакое разумно-автоматическое жилище — ей нужна просто-напросто лучше вылизанная пещера. И до-

машинные хозяйки не переставали сетовать на извечную проблему обслуги еще долго после окончательного вымирания профессии «служанки», «помощницы»... Мне ни разу не приходилось встречаться с женщиной, в которой не было бы хоть крупинцы рабовладельческого начала. Все они подсознательно считают, что их назначение — дать возможность какой-нибудь крестьянской девчужке быть по уши благодарной за четырнадцатичасовую чистку полов и объедки со стола, от которых презрительно отвернулся бы подручный водопроводчика. Вот почему мы назвали мое чудище «Домашняя Помощница» — это слово навевало женщине сладкие, туманные грезы о полурабыне из иммигрантского квартала, которую шпыняла еще ее бабка. По сути своей это был просто слегка усовершенствованный пылесос, и мы собирались продавать его по ценам, немногим превышающим стоимость обычной щетки-сосалки. Все, что могла делать «Домашняя Помощница» (самая первая модель, а не полудумающий робот, в который я превратил ее позже), — драить полы... Любой пол, весь день напролет, не нуждаясь ни в каком присмотре. Есть ли на свете такой пол, который не нужно было бы драить?..

По желанию клиента, она мыла, натирала, пылесосила — в зависимости от сменных катушек в ее идиотской памяти. Любой предмет больше горошины она поднимала и клала на приделанный к ней сверху подносик, чтобы кто-нибудь поумнее решил, что с ним делать. Она болталась по дому и искала, искала грязь своими щупальцами, не пропускающими ни соринки, весь день ползала по чистому полу в бесконечных поисках грязного. Она выметалась из комнаты, как только в нее заходил кто-нибудь, как хорошо вышколенная служанка, если хозяйка вовремя не щелкала тумблером, давая ей понять, что она не мешает. Во время обеда она катилась к себе в «стойло» и быстренько подзаряжалась (пока мы не вставили ей энергоблок, которого хватило бы не на одно поколение хозяек).

Да, как я уже говорил, большой разницы между «Дом-Пом» номер один и обычным пылесосом не было. Но и той разницы, что за ней не нужно было наблюдать, хватало. Ее охотно покупали.

Материал для ее основы я почерпнул из статейки «Электрическая черепаха» в «Ученом Американце» за 48-й или 49-й год, блоки памяти скопировал с «моз-

гов» самонаводящейся ракеты (хорошо иметь дело с «повышенной секретностью» — там все незапатентовано), а моющие и чистящие приспособления — от дюжины разнообразных механизмов, как, скажем, армейский полотер, шейкер для сбивания коктейлей, и «руки», которыми на атомных складах брали что-нибудь «горячее». Ничего по-настоящему нового в ней, как видите, не было — я просто с о е д и н и л все это друг с другом. И теперь мое «гениальное открытие» согласно нашим законам оставалось лишь запатентовать.

Настоящая гениальность заключалась в том, что всю эту штукуну можно было собрать из простейших деталей, вроде тех, что бывают в детских конструкторах, за исключением двух-трехступенчатых эксцентриков и одного запатентованного блока памяти. На поставку блоков мы заключили контракт, а эксцентрики я выточил сам в старом гараже (мы его называли «фабрикой») при помощи валявшихся там со времен войны автоматических резцов.

Все наше предприятие в ту пору состояло из двух человек — меня и Майлса. Первая «авторская» модель обошлась нам в 4317 долларов 9 центов, первая сотня копий — по 39 долларов каждая, отправляли мы их в лос-анджелесский магазин уцененных товаров по 60 за штуку, а они продавали их по 85. Мы вынуждены были полностью разбирать их для транспортировки, потому что не могли тогда платить за перевозку в сборе — вообще мы сидели на голодном пайке, пока не стали приходить первые чеки на проданные экземпляры. Но вскоре в «Лайфе» появились две странички о «Дом-Поме» и... Перед нами встала другая проблема: найти и нанять столько бездельников в подручные, чтобы успевать собирать нашего выродка. Тут-то или чуть позже и появилась у нас Белла Даркин.

Всю нашу корреспонденцию мы с Майлсом печатали на допотопном «ундервуде», на что уходила куча времени. Мы взяли напрокат современную электрическую машинку с нейлоновой лентой и сверкающим кожухом (шрифт я переделал на ней сам) и наняли Беллу в качестве машинистки и делопроизводителя. До сих пор мы с головой были погружены в работу и мало задумывались о юридической стороне дела — я с Питом спал прямо в мастерской, а Майлс и Рикки снимали небольшой сарай рядом. Настала пора подумать о корпора-

ции — основать ее можно было лишь втроем, и мы вручили Белле часть акций и оформили ее секретарем-казначеем. Майлс стал президентом и главным менеджером, я — главным инженером и председателем правления. Как у председателя, у меня был 51 процент всех акций.

Хочу пояснить, почему я оставил за собой контрольный пакет: я вовсе не был жадной свиньей, просто я хотел быть сам себе хозяином. Майлс работал, как каторжный, и получал от меня неограниченный кредит. Но, во-первых, более 60-ти процентов всего нашего капитала, с которым мы начали, были мои. Во-вторых, все сто процентов инженерно-технической работы принадлежали мне — без меня Майлс в жизни бы не сделал «Помощницу», я же мог сделать ее практически с кем угодно, даже один. Правда, сам я вряд ли бы сумел выжать из этого хоть цент. Майлс был бизнесменом, я — нет. Потому я и оставил контрольный пакет у себя, а Майлсу предоставил такую же свободу в ведении дел, как себе — в технике. Полную свободу... Слишком полную, как потом оказалось...

Первая модель «Дом-Пома» продавалась как пиво в жаркий день на футбольном матче. Я был занят ее усовершенствованием и производством и в конце концов мне удалось наладить настоящий конвейер. После этого я с удовольствием занялся любимым делом — стал думать, что бы такое изобрести для домашнего обихода (поразительно, как мало было придумано до сих пор, а ведь работа по дому — как минимум, половина всей работы на земле). Женские журналы все время трубили об «экономии труда хозяйки», «автоматических кухнях» и прочей чепухе, но с их ярких иллюстраций на вас смотрели приспособления, мало чем отличающиеся от тех, что были во времена Шекспира. Техническая революция в эту область еще не заглядывала. Я же твердо придерживался своего убеждения: женщина по природе своей консервативна. Ей не нужно никаких фокусов. Ей нужны простые приспособления, заменяющие домашнюю обслугу — чистящие, моющие, готовящие еду и укачивающие младенцев.

Я стал думать о грязных окнах и днищах ванн (нужно было согнуться в три погибели, чтобы вымыть их)... Оказалось, что простенькое электростатическое

устройство съедает (1) грязь с любой поверхности типа стекла, эмали, хрома и так далее. Так появился на свет наш «Оконный Вилли», и я поражаюсь, как никто не додумался до этого раньше. Я колдовал над ним, пока не довел его до такой цены, по которой его просто нельзя было не купить — вы же знаете сколько берут за ручную мойку окон в час?

Колдовал я над «Вилли» гораздо дольше, чем хотелось бы Майлсу. Он хотел наладить серийный выпуск, как только «Вилли» стал достаточно дешево обходиться, но я настаивал еще на одном пункте: «Вилли» должен был легко ремонтироваться. Главный недостаток всех бытовых установок — чем они лучше и чем больше функций могут выполнить, тем вероятней, что они выйдут из строя как раз в тот момент, когда они больше всего нужны, и... Вызывайте тогда эксперта (за пять долларов в час), чтобы он «оживлял» вам их... до следующей недели, когда, если не посудомойка, то уж непременно кондиционер (если дело происходит субботней ночью, а на дворе воет вьюга) объявит забастовку. Я хотел одного — чтобы мои изделия работали н о р м а л ь н о и не доводили своих хозяев до нервного расстройства и язвы желудка. Но машины ломаются (даже те, что придумал я) и будут ломаться до того великого переворота в инженерии, когда будет придумана машина без движущихся частей. Казалось, проблема неразрешима, но на самом деле в военной технике она была решена давным-давно.

Нельзя же допустить потерю в сотню тысяч или в миллионы жертв из-за неполадок в приборе размером с мизинец — потому и стали разрабатываться системы «тройной защиты», «многократного дублирования» и прочие фокусы. Но главный их принцип можно и нужно было позаимствовать — принцип з а м е н я е м о с т и каждого блока, каждого компонента, каждого звена...

Просто — как все гениальное: не нужно чинить, нужно з а м е н и т ь. Я хотел, чтобы мой «Вилли» весь состоял из блоков, которые бы легко заменялись — к каждой модели прилагался бы набор запасных блоков с тем, чтобы, когда тот или иной блок выйдет из строя, его тут же можно было поменять на новый. Потом старый блок можно было чинить или выбрасывать (в зависимости от характера поломки), но сама модель, сам

«Вилли» никогда бы не выходил из строя на большее время, чем то, за которое можно вынуть сломавшийся блок и вставить новый.

Тут у нас с Майлсом произошла первая стычка. Я считал, что решать, когда от «авторской» модели переходить к серийному выпуску, — дело инженера. Майлс считал это вопросом бизнеса и только бизнеса. И если бы у меня не было контрольного пакета, «Вилли» был бы выброшен на рынок таким же недоноском, как все их машинки, «экономящие труд хозяйки».

Белла при этой стычке заняла нейтральную позицию, хотя стоило ей чуть-чуть надавить на меня тогда, и я, пожалуй, уступил бы Майлсу... Я был помешан на Белле настолько, насколько мужчина вообще может быть помешан на женщине.

Белла была не просто прекрасной секретаршей и блестяще вела всю документацию... У нее была голливудская внешность, и от нее исходил аромат, действовавший на меня, как имбирное на Пита. Но при том изобилии вышколенных девиц, лучшие из которых почитают за счастье устроиться где-нибудь при фабрике шнурков для ботинок, нас стоило бы спросить: «С какой стати?..» Ведь мы даже не поинтересовались, где она работала прежде, до такой степени мы были счастливы, когда она избавила нас от лавины бумаг, обрушившейся на наши головы, как только начала находить спрос «Помощница». Уже позже я с гневом отвергал все, даже самые осторожные предложения насчет выяснения каких-то ее данных — размер ее бюста вышиб из меня способность здраво рассуждать, когда речь шла о Белле... Она благосклонно слушала мои излияния по поводу одиночества и пустоты всей моей жизни (до ее появления, разумеется), и мягко отвечала мне в том духе, что ей нужно узнать меня получше, но что она, кажется, испытывает похожие чувства.

Вскоре после нашей стычки с Майлсом она изъявила согласие стать моей «опорой»:

— Дэн, дорогой! В тебе есть то, что может сделать человека великим... И мне кажется, я — та женщина, которая сумела бы тебе помочь.

— Ну еще бы! Родная!..

— Тс-с-с, дорогой. Но я не стану выходить за тебя сейчас, с тем чтобы нарожать тебе детей и надоесть тебе до смерти. Сейчас я буду работать с тобой — соз-

давать наше Дело. А когда мы создадим его, мы поженимся.

Я принялся возражать, но она была неумолима:

— Нет, дорогой. Впереди у нас с тобой долгий путь, мы затеяли серьезное Дело — ты и я. «Домашняя Помощница» будет значить не меньше, чем «Дженерал Электрик». Когда мы поженимся, я хочу забыть о Деле и целиком посвятить себя тебе. Но сначала я обязана посвятить себя твоему Делу, твоему состоянию и твоему будущему. Я знаю, что мне делать, поверь мне, дорогой!

И я поверил.

Когда я захотел подарить ей дорогое обручальное кольцо, она не позволила мне этого сделать — я переписал вместо этого на ее имя часть своих акций в качестве предсвадебного подарка. Я, разумеется, продолжал распоряжаться всем пакетом... Оглядываясь в прошлое, я хотел бы знать, кто на самом деле придумал этот подарок...

Я стал работать как следует, уже подумывал о самоопорожняющихся мусорных корзинах и приспособлениях для убирания посуды в шкаф после мойки, и все кругом были довольны... Кроме Пита и Рикки. Пит просто не замечал Беллы — он всегда поступал так с явлениями, которых не одобрял, но не мог изменить. Рикки же была по-настоящему несчастна. Тут, пожалуй, виноват был я.

Рикки была моей «невестой» с тех пор, как ее, шести лет от роду, с ленточками в кудряшках и огромными темными глазами привезли в Сандию. Мы с ней «собирались пожениться», чтобы вместе заботиться о Пите. Я думал, что это — только игра, в которую играем мы оба... Возможно, так оно и было — серьезным в этой игре для Рикки было лишь то, что она получала право быть полновластной хозяйкой Пита... Но кто знает, что творится в голове у ребенка?

Я никогда не был особенно сентиментальным по отношению к детям — почти все они маленькие чудовища, которые очеловечиваются, лишь когда вырастают (да и то не все). Но крошка Рикки была очень похожа на мою сестру, когда той было столько же лет, а кроме того, она любила Пита и умела с ним обращаться. Думаю, что я ей нравился, потому что я никогда не сюсюкал с ней (сам терпеть этого не мог с детства),

а она... Она была умница — не бандитка и не тихоня, с каким-то врожденным чувством собственного достоинства. Мы были с ней друзьями, вместе опекали Пита, и как я думал, лишь играли в жениха и невесту.

Прекратил я играть в эту игру с ней в тот день, когда погибли мать и сестра. Не то, чтобы сознательно перестал, а просто в тот период у меня как-то не было настроения шутить, и после мы уже к этому не возвращались. Рикки тогда было семь, когда у нас появилась Белла — десять, и уже, наверное, одиннадцать, когда мы с Беллой обручились. Она возненавидела Беллу со страшной силой, но знал об этом, пожалуй, лишь я один, поскольку выражалось это ее чувство только в том, что Рикки упорно отказывалась с ней разговаривать. Белла назвала это «застенчивостью»... Думаю, что и Майлс так считал, но я-то знал лучше них и попробовал было поговорить с Рикки... Вы когда-нибудь пытались говорить с ребенком на тему, на которую он говорить не хочет? Это все равно, что разговаривать с эхом... Я убеждал себя, что у Рикки это пройдет, когда она осознает, как Белла способна любить нас с Питом. Но Пит как раз стал проблемой номер два.

Если бы я не был влюблен по уши, я по одному Питу понял бы, что мы с Беллой никогда не найдем общего языка. Белла «очень любила эту кошечку» — еще бы! Она обожала кошечек, она обожала мой выбор блюд в ресторанчиках, она обожала все, что было связано со мной... Но кота обмануть невозможно. Есть люди, любящие кошек, а есть (и их, пожалуй, большинство) такие, которые «не могут обидеть бедную беззащитную кошечку». Когда такие начинают притворяться, из вежливости или еще почему-то, это сразу видно — ведь они просто не понимают, как нужно обращаться с кошкой, а между тем тонкостей тут не меньше, чем на дипломатическом приеме. У кошек нет чувства юмора, они слишком поглощены собой, скрытны и при этом легко ранимы. Отношения с ними могут развиваться только на основе взаимного уважения и терпимости к недостаткам друг друга. Регламент, по которому с ними нужно начинать общаться, напоминает «Кодекс чести» в Латинской Америке, который можно нарушить лишь с риском для жизни. Если вы спросите меня, зачем тратить на всю эту ерунду столько времени и сил, я буду вынужден ответить, что рационально объяснить

это невозможно. Скорее я бы попробовал объяснить тому, кто любит острое, густо приперченные блюда, что ему следовало бы любить овсяную кашу. Во всяком случае, лично я отношусь с симпатией к китайскому мандарину, который отрезал от бесценного, инкрустированного бог знает какими камнями халата рукав, потому что на нем спал котенок.

Белла попыталась продемонстрировать свою «любовь» к Питу и начала с того, что стала гладить его... как собаку. Конечно, не обошлось без ссадин. После инцидента Пит, будучи разумным котом, быстренько убрался с глаз долой, причем надолго. Поступил он правильно, потому что иначе я бы его ударил, а до Пита в жизни никто пальцем не дотронулся. Я ни разу не шлепнул его — бить кошку прежде всего бесполезно: ее можно к чему-то приучить только лаской и терпением...

Словом, я смазал царапины Беллы иодом и попытался объяснить ей, что именно она сделала неверно:

— Мне очень жаль, что так получилось!.. Поверь, мне очень больно за тебя, но... Это произойдет вновь, если ты опять так сделаешь!

— Да я же только погладила его!

— М-мм?.. да-да, конечно, но... Ты погладила его не как кошку... Ты погладила его, как гладят собаку. Кота нельзя похлопывать по спине и шлепать по бокам, его нужно г л а д и т ь. Нельзя делать резких неожиданных движений, если не хочешь отведать его когтей. Нельзя подходить к нему, не давая ему возможности понять, з а ч е м ты к нему подходишь... Его нельзя трогать просто т а к, ты постоянно должна следить: нравится ли ему это. Если он в данный момент, допустим, не хочет, чтобы его гладили, твои ласки будут встречены... ну, не совсем вежливо (кошки вообще-то о ч е н ь вежливы). Но ты можешь легко понять его настроение и перестать гладить его до того, как у него лопнет терпение... — я заколебался было, — Ты... ты не любишь кошек?

— Что за глупости? — возмутилась она. — Разумеется, я люблю их, они... они такие, гм, беззащитные... Впрочем, я отвыкла от них. Она у тебя такая... пугливая, да?

— Он. Пит — не кошка, а кот. И он вовсе не пугливый, потому что с ним всегда правильно обращались. И ты тоже научись правильно с ним обращаться. Не-

пременно научишься... Да, еще: ты никогда не должна смеяться над ними!

— О, господи! Это еще почему?

— Не потому, разумеется, что они не бывают смешными. Часто они очень забавны... Но у них нет чувства юмора, и это их обижает. Нет-нет, кошка не будет царапаться и кусаться из-за этого, она просто уйдет, но... Вы никогда не станете друзьями. Впрочем, это не так важно — гораздо важнее знать, как брать kota на руки. Когда Пит вернется, я покажу тебе...

Но Пит в тот день не вернулся, и мне так и не представилось случая показать ей это. После моей лекции Белла никогда больше не трогала Пита. Она разговаривала с ним, вела себя так, словно любит его, но близко к нему не подходила — соблюдала дистанцию. Он тоже.

Я скоро и думать об этом забыл — не мог же я из-за таких пустяков усомниться в женщине, которая значила для меня тогда больше, чем весь белый свет. Но однажды, позже, этот «нарыв» чуть не лопнул. Это когда мы с Беллой обсуждали, где мы будем жить. Она до сих пор ничего не говорила о сроках, но мы проводили бездну времени, болтая о таких деталях, как скажем, цвет обоев. Я хотел купить или снять небольшое ранчо где-нибудь неподалеку, она настаивала на квартире в городе, пока мы не сможем купить дом.

— Дорогая, — возразил я, — это просто непрактично, ведь мне нужно быть возле «фабрики». И потом, ты когда-нибудь пробовала держать kota в городской квартире?

— А-а, это! Хорошо, что ты напомнил мне, дорогой, я давно хотела тебе сказать... Я тут много прочла о кошачьих повадках, правда-правда, и знаешь что нам придется сделать? Мы его кастрируем — тогда он будет гораздо спокойнее и прекрасно уживется в квартире.

Я уставился на нее, не веря своим ушам. Превратить вояку-Пита в евнуха? Сделать из него... оставить лишь фасад для декорации?!

— Белла... ты, — я поперхнулся, — ты просто сама не знаешь, что говоришь!

Она перебила меня своим обычным кокетливым «Мама-лучше-знает» и... Пошел весь набор аргументов, которыми пользуются люди, путающие кошку с вещью: как ему будет совсем не больно, как она знает мою привязанность к нему и никогда не хотела бы от него изба-

виться, как это просто, безопасно и хорошо для всех, включая и его... И вообще это все делается ради животного...

— Почему бы тебе не сделать это с нами обоими? — оборвал я ее.

— Что, дорогой?

— Я говорю, почему бы тогда и меня тоже не... Я буду гораздо послушнее, никуда не буду ходить по вечерам, никогда не буду с тобой спорить. Как ты только что сказала, это совсем не больно, и, возможно, я буду гораздо счастливее.

— Я... — она покраснела, — я говорила с тобой серьезно!

— Если так, то и я тоже!

Больше она к этой теме не возвращалась, она никогда не давала спору перейти в открытую ссору — она замолкала и ждала своего часа. Но она никогда не сдавалась... В каком-то смысле, в ней самой было очень много от кошки. Может, оттого я и не мог ей противиться...

Я был рад, что она оставила в покое этот щекотливый вопрос и по горло ушел в работу над «Универсальным Фрэнком». «Помошница» и «Вилли» сулили нам хорошие барыши, но у меня была заветная мечта, своего рода «идефикс», об автомате, который мог бы делать в с ю работу по дому — эдакая «прислуга-за-все». Ну, хорошо-хорошо, можете называть его роботом, если вам угодно, хотя, по-моему, это крайне механическое подобие человека. Мне нужен был механизм, который мог бы исполнять л ю б у ю работу внутри дома, — уборка, готовка... В том числе и по-настоящему сложную: скажем, поменять пеленки младенцу или вставить новую ленту в пишущую машинку. Я хотел, чтобы семья вместо комплекта приспособлений и устройств вроде «Помошницы», «Вилли», «Няни Нэнси» и других, могла купить о д н у машину (за столько, сколько стоит хороший автомобиль). И чтобы эта машина была, как та Китайская служанка, о которой все, конечно, читали, но которую никто на моем веку в глаза не видел.

Если я сумею осуществить свой замысел, я открою Новую Эру Эмансипации — освобожу женщину от векового рабства и покажу старикам, как н а д о делать работу по дому. Эта работа со всей ее монотонностью, однообразием, тратой массы времени... она оскорбляла и раздражала во мне инженера.

Поскольку задача должна была быть решена мною одним, «Универсального Фрэнка» нужно было составить из обычных деталей — ничего принципиально нового. Создать что-то по-настоящему новое — для этого необходимы научные исследования, которые просто не под силу одному человеку. Одному можно лишь развить, усовершенствовать что-то на уже придуманной и созданной основе. К счастью, до меня было придумано и создано достаточно, а я не терял времени даром, когда у меня был допуск «Ц». То, что хотел сделать, я было куда проще, чем самонаводящаяся крылатая ракета.

Что же мне было нужно от «Универсального Фрэнка»? Я уже объяснил — любая работа, которую человек может делать по дому. Ему не нужно уметь играть в карты, есть, пить, спать или заниматься любовью. Но он должен уметь убрать комнату после карточной игры, готовить, стелить постель, следить за спящими детьми — ну, допустим, улавливать изменения в ритме дыхания ребенка. Я решил обойтись без телефонного ответчика — такие аппараты уже выпускались несколькими фирмами — и без ответчика на дверной звонок. Но все остальное по дому он должен был делать безукоризненно, а значит, у него должны были быть руки, глаза, уши и... мозги. Причем, мозги, которые бы хорошо варили.

Руки я могу заказать у фирм, снабжающих оборудованием атомные компании, — они же и поставляли нам руки для «Помощницы». Только теперь мне понадобятся больший диапазон действий и более чувствительные рецепторы для микроаналитических манипуляций и взвешивания радиоактивных изотопов. Те же фирмы могут поставлять и глаза — даже не нужны такие сложные, какие они изготавливают: ведь «Фрэнку» вовсе не обязательно видеть и манипулировать с большого расстояния, как это делается на ядерных реакторах. Уши можно купить в любом радио- или ТВ-магазине... Хотя, может статься, мне придется кое-что переоборудовать, чтобы руки были под контролем зрения, слуха и осязания одновременно — как человеческие.

«Фрэнку» не нужны будут стремянки — я сделаю ему растягивающуюся, как у страуса, шею и такие же руки. Должен ли он уметь спускаться и подниматься по лестнице? Вообще-то есть такое кресло на колесах с электрическим движком, которое может одолеть любую

лестницу. Пожалуй, я куплю его и возьму за основу. И так, «авторская» модель должна уместиться в этом кресле и быть не тяжелее, чем это кресло может возить...

Главная загвоздка — мозг. Вы можете сделать машину любой конструкции, можете скопировать человеческий скелет и даже улучшить его. Вы можете встроить в эту машину такие сенсорные элементы, что она будет и драить полы, и чистить вам ногти, и разбивать яйца... Или, наоборот, переносить их с места на место, не разбивая. Но пока у нее нет того вещества, что у человека между ушами, она не то что не человек, она даже не труп. Но мне, к счастью, был нужен не мозг, подобный человеческому, а эдакий послушный «дурачок», способный многократно повторять одни и те же операции, главное — **з а п о м н а т ь** их. И тут меня вполне устраивали Торсенские блоки памяти. Не вдаваясь в теорию (ее и в Главной государственной лаборатории не очень понимают), скажу попросту: можно, вложив в устройство Торсенский блок, отдать машине любое приказание, и блок «запомнит» действие и сумеет повторить его еще раз (или сто, или тысячу) **с а м о с т о я т е л ь н о**. Для обычного автомата этого вполне достаточно, но для «Фрэнка» нужно было еще одно устройство, дающее ему его собственный взгляд на вещи, собственное суждение. Разумеется, на самом деле никакой это не «взгляд» и не «суждение» (по-моему, машина никогда не сможет иметь свое «мнение»), а скорее «выбор». Дополнительное устройство отдает приказ: «Ищи то-то и то-то с такими-то и такими-то параметрами, найдя — извлекая основную инструкцию». В основную инструкцию может входить все, что можно записать в одну Торсенскую трубку, а записать туда можно — дай бог сколько! Таким образом, «Фрэнку» нужно было один раз отдать команду вымыть посуду или убрать со стола, и с этого раза он будет справляться с любой грязной посудой и любым столом, какие ему только повстречаются... И никогда, слышите, никогда он не разобьет тарелку. Смените блок (один щелчок тумблера) — он переменит пеленку вашей крошке и никогда-никогда-никогда не уколет ее булавкой. По объему в голову «Фрэнка» можно было легко впихнуть сотню Торсенских блоков — каждый с электронной «памятью» какого-то домашнего дела. Потом остается только поставить об-

щий блок «контроля» — чтобы он останавливался и взывал о помощи, если на пути ему попадется что-то, не входящее ни в одну из основных инструкций... Вот, пожалуй, и всё.

И я сделал его! Я сделал «Фрэнка», взяв за механическую основу кресло на колесах с электрическим движком. Выглядел он примерно, как помесь велосипеда с осьминогом, но... Если бы вы видели, как он чистил и полировал серебряные подстаканники...



Майлс задумчиво оглядел первого «Фрэнка». Он долго смотрел, как тот соорудил и подал нам два «мартини», потом начал аккуратно вытряхивать пепельницы, полные окурков (не прикасаясь к пустым), открывать окна и протирать подоконники, перетирать книги в моем шкафу... Майлс сделал глоток своего «мартини» и сказал:

— Много вермута.

— Это потому, что я люблю такой. Но мы можем настроить его так, чтобы он тебе делал по твоему вкусу, а мне — по моему: у него еще до черта пустых блоков! Он действительно у н и в е р с а л ь н ы й!

— Когда его можно запустить в производство? — спросил он, сделав еще один глоток «мартини».

— Ну... я бы хотел поколдовать над ним лет... десять, — быстро, пока Майлс не взвыл, я добавил, — но, видимо, нам придется выпустить первую модель раньше... скажем, лет через пять. Правда, это будет не совсем доработанная модель, но...

— Чушь!! Возьмешь столько помощников, сколько тебе нужно, и справишься в полгода!

— Черта с два! Это мое лучшее детище, и я не отдам его ни в чьи лапы, пока он не будет произведением искусства... Размером не больше трети теперешнего, с о в с е м и заменяемыми блоками, кроме Торсенских, и полностью универсальный: он должен делать в с е — от купания младенцев до... игры в пинг-понг!

Я взглянул на свое сокровище. «Фрэнк», тихо урча, вытирал пыль с моего чертежного стола, кладя каждую бумажку точно на то место, откуда он ее брал.

— Правда, играть с ним в пинг-понг будет скучно:

у него нельзя будет выиграть... Пстой! Я, кажется, придумал! Вставим добавочный блок и настроим его на проигрыш... Технически это совсем не сложно...

— Один год, Дэн, и ни днем раньше! Мы можем нанять кого-нибудь тебе в помощь, кто возьмет на себя его внешний вид...

— Майлс! Ты зарубишь себе на носу, что этот вопрос буду решать я?! «Фрэнк» станет твоим только, когда я тебе с а м его выдам готовенького... И ни секундой раньше!

Майлс отпил из своего стакана, подумал и сказал:

— Много вермута.

• • •

С помощью наших механиков мне удалось придать «Фрэнку» более или менее пристойный вид: он стал меньше походить на останки потерпевшего аварию трактора. Я впихнул в него еще несколько программ, даже научил его гладить Пита и почесывать его за ухом так, что тому нравилось, а это, поверьте, совсем не просто, во всяком случае, требует куда большей чувствительности, чем ее у «щупалец» в ядерном агрегате. Майлс больше не подгонял меня — он лишь изредка заходил в мастерскую и наблюдал за развитием событий. В основном я работал по ночам, обедал с Беллой, а после обеда отвозил ее домой. Большую часть дня я спал, в конторе появлялся где-то около полудня, подписывал не глядя все бумаги и счета, которые давала мне Белла, и опять вез ее в ресторанчик. Я старался ничего не делать днем — от настоящей творческой работы человек звереет, и после ночи в мастерской мое общество не мог выносить никто, кроме Пита.

Как-то раз за обедом Белла спросила:

— Ты зайдешь сейчас в контору, дорогой?

— Конечно. Почему ты спрашиваешь?

— Очень хорошо. Нас там ждет Майлс.

— Майлс? А что...

— Он хочет провести собрание владельцев акций.

— Собрание владельцев?.. За каким чертом ему это понадобилось?

— Это не займет много времени. Кстати, дорогой, в последнее время ты совсем отошел от текущих дел фирмы. Майлс хочет подвести кое-какие итоги.

— Я инженер и работаю, как каторжный. Что еще я должен делать для фирмы?

— Ничего, дорогой. Майлс сказал, это не займет много времени.

— Но что случилось? Джейк плохо справляется с конвейером?

— Пожалуйста, дорогой, допей кофе и идем. Майлс не говорил мне ничего конкретного.

Майлс уже ждал нас в конторе и пожал мне руку так торжественно, словно мы не виделись месяц.

— Ну, что там у тебя стряслось? — спросил я.

— Достань бумаги и запиши, будь добра, что у нас на повестке дня, — обратился он к Белле и по одной этой фразе, я уже должен был догадаться, что она солгала мне, сказав за обедом, будто Майлс ничего ей не говорил. Но я даже не задумался над этим тогда — я в ер и л ей, черт бы меня побрал!.. Кроме того, глядя, как она нажимает кнопки и открывает сейф, я думал о другом...

— Кстати, дорогая. Я пытался открыть его прошлой ночью, и не смог. Ты поменяла шифр?

— Разве я не говорила тебе? — не оборачиваясь, спросила она. — Приходили из Службы Охраны и просили заменить... На прошлой неделе у них была зарегистрирована попытка ограбления.

— А-а... Ну, не забудь сказать мне новый номер, а то мне придется будить кого-то из вас среди ночи.

— Конечно, дорогой, — она закрыла сейф и положила папку с бумагами на стол, за которым мы обычно собирались втроем.

— Ну что ж, начнем, — прочистив горло, объявил Майлс.

— Валяй, — я пожал плечами. — Дорогая, если у нас официальная встреча, то веди протокол по всем правилам. Значит, так... Что у нас сегодня? Среда, восемнадцатое ноября 1970 года, девять двадцать вечера. Присутствуют все держатели акций... пиши имена полностью, в том числе и председатель правления Дэниэль Б. Дэвис. Что еще?

Майлс никак не прореагировал на мою иронию, а прокашлявшись, сказал:

— Я хочу подвести некоторые итоги, выработать программу на будущее и предложить на обсуждение

правления ряд предложений по улучшению финансового положения фирмы.

— Улучшению финансового?.. Не будь ослом! Мы выручаем хорошие деньги, с каждым месяцем все больше и больше. В чем дело, Майлс? Тебе не хватает поступлений на твой личный счет? Что ж, мы можем их увеличить — фирма на коне...

— Фирма не будет на «коне» при новой программе. Нам нужен гораздо больший капитал при новой структуре капитальных вложений.

— Какая новая программа? Какая структура? Что за тарабарщина?!

— Дэн, имей терпение. Я все подробно написал, и сейчас Белла нам зачитает.

— Что ж... Валяйте.

Если отбросить всю изящную словесность (как все юристы, Майлс обожал длинные туманные фразы), Майлс добивался трех вещей. Первая: он хотел забрать у меня «Универсального Фрэнка», дать его на косметическую доработку бригаде инженеров-производственников и выбросить на рынок в том виде, в каком он был сейчас. Вторая... Но с меня хватило первой:

— Нет! — рявкнул я.

— Одну минуту, Дэн! Как президент и главный менеджер я имею право выдвигать любые предложения и требовать, чтобы меня по крайней мере выслушали до конца. Дай Белле закончить.

— Хорошо... Будь по-твоему, пусть она закончит. Но мой ответ все равно будет: «Нет»!

Второй пункт состоял в том, что нам пора было перестать в одиночку тащить всю упряжку. Мы начали громадное новое дело, не меньшее, чем в свое время автомобильная промышленность, и одним нам с этим делом не справиться. Следовательно, нам нужно расширяться немедленно — создавать большую компанию, которая бы занималась рекламой и продажей изделий по всей стране и во всем мире... Я сидел, барабанил пальцами по столу и представлял себя главным инженером за своим собственным чертежным столом! Шагу не дадут ступить без опеки. Если я сделаю детское ружье, они станут показывать мне, как нужно дергать за курок... С тем же успехом я мог оставаться в армии и пытаться дослужиться до генерала.

Я с трудом заставил себя молча выслушать пункт

второй, и Белла перешла к третьему. Третий состоял в том, что мы не могли все это осуществить с теми грошами, которые у нас были в наличии, — на это нужны миллионы. Компания «Манникс Энтерпрайз» согласна взять на себя расходы... Это означало, что практически мы отдаем в руки «Манникс» все — «фабрику», акции, «Фрэнка» и становимся «дочерним» предприятием с Майлсом — главным менеджером и генеральным директором, и мной — главным инженером — изобретателем... Прощай свободные деньки! Мы оба становимся служащими ч у ж о й корпорации!

— Это все? — осведомился я.

— В общем... да. Давайте же обсудим эти предложения и приступим к голосованию.

— С тем же успехом мы можем втроем усесться на улице и распевать псалмы.

— Дэн, шутки здесь неуместны. Мы должны расширяться.

— Я не собирался шутить... Ну, да ладно. Можно теперь мне сказать два слова?

— Разумеется, Дэн. Теперь твоя очередь.

И тут я выдвинул свое предложение, которое давно уже зрело у меня в голове: я хотел, чтобы мы устранились от серийного производства. Джейк Шмидт — глава нашего производственного отдела был отличным парнем, а для меня отрываться от моего стола, вылезать из сладкого тумана механических и электрических грез у себя в мастерской и идти следить за конвейером — было всё равно, что из теплой постели нырять в ледяную воду. Потому-то я и работал по ночам, а днем старался не заходить на «фабрику». И чем больше привозилось к нам оборудования, тем острее я ощущал беспокойство: я понимал, что если так будет продолжаться, то скоро мне просто станет негде работать — т в о р и т ь , черт возьми! Даже если мы похороним этот бредовый план — потереться носами с «Дженерал Моторс», все равно я не могу разорваться, не могу быть одновременно и изобретателем и производственником. И потому я предложил не расширяться, а с в о р а ч и в а т ь с я — взять лицензии на «Помошницу» и «Вилли», и пусть кто-нибудь другой изготавливает их, а мы будем стричь купоны. Когда я закончу «Фрэнка», мы продадим лицензию и на него... Если «Манникс» захочет купить у нас лицензию — ради бога! Мы же тем временем сме-

ним вывеску на «Исследовательская корпорация Дэвис и Джентри» и останется втроем с двумя-тремя подручными, которые будут помогать мне собирать новые аппараты. Майлс и Белла могут сидеть в конторе и считать доходы...

— Нет, Дэн, так не пойдет, — медленно покачал головой Майлс. — Продажа лицензий обеспечит, конечно, нам определенный доход. Но это — ничто в сравнении с теми деньгами, которые мы будем иметь, производя продукцию сами.

— Да пораскинь же ты мозгами, мы не будем при твоём бредовом плане ничего делать сами. Нас с а м и х вообще не будет — мы запродадим наши души с потрохами «Манникс Энтерпрайз»!.. А деньги... Сколько тебе нужно? Не можешь же ты сразу плавать на двух яхтах или в двух бассейнах... Впрочем, если они тебе нужны, то они у тебя будут уже в этом году!..

— Они мне не нужны.

— Так что же тебе тогда нужно?

— Послушай, Дэн, — он пристально посмотрел мне в глаза, — ты хочешь изобретать разные штуковины. И мой план дает тебе эту возможность заниматься делом, к которому у тебя есть призвание, есть талант, со всеми удобствами, оборудованием, словом, со всем, что можно купить за деньги. Что касается меня, я хочу играть в большой бизнес, ворочать большими делами — у меня талант к э т о м у! — он мельком глянул в сторону Беллы. — И я не хочу проводить остаток жизни в этой чертовой пустыне в качестве менеджера при изобретателе-одиночке!

Я был по-настоящему удивлен.

— Ты никогда не говорил мне ничего подобного... Ни в Сандии, ни... вообще. Ты... хочешь выйти из игры, старина? Ну что ж, мы с Беллой... Нам будет грустно без тебя, но если ты действительно... Я могу выплатить тебе твою долю, если ты чувствуешь себя связанным по рукам и ногам, и ты не будешь зависеть от меня ни в чем.

Для меня все это было вроде шока, но если старина Майлс хотел чего-то большего, я был не вправе ему мешать. Майлс переглянулся с Беллой и сказал:

— Нет, Дэн, я не хочу выходить из игры, я хочу, чтобы мы расширились. Ты выслушал мое предложение. Так вот, я вношу его совершенно официально.

— Ты хочешь соблюсти формальности? — я недоуменно пожал плечами. — Что ж, ладно. Белла, запиши, что я против. Но я не настаиваю на своем предложении сию минуту. Мы можем это обсудить и позже. Майлс, старина, я желаю тебе удачи.

— Сделаем все по правилам, — упрямо, как бык, наклонив голову, сказал он. — Белла, спрашивай нас.

— Сейчас, сэр. Майлс Джентри, владелец акций за номерами (она перечислила номера), каково ваше решение?

— Положительное. Я голосую «за».

Она записала это в протокол.

— Дэниэль Б. Дэвис, владелец акций за номерами (последовал перечень цифр, которые я пропустил мимо ушей), ваше слово?

— Я против. Прости, Майлс... Теперь, надеюсь, все?

— Белла С. Даркин, — бесстрастным тоном продолжала она, — владелец акций за номерами (цифры). Я голосую «за».

У меня отвисла челюсть. Несколько секунд я сидел, вытаращив на нее глаза, потом судорожно глотнул и сказал:

— Но детка, ты же не можешь... Они, конечно, твои, эти акции, но ведь ты прекрасно знаешь, что...

— Объяви результат голосования! — прогремел Майлс.

— Большинство голосов предложение принято, — бесстрастно объявила она.

— Внеси это в протокол.

— Сейчас, сэр.

Последующие несколько минут были ужасны (для меня). Сначала я орал на нее, потом пытался урезонить, потом понял, что я в ловушке, и сказал ей, что это просто нечестно... Да, я переписал часть акций на ее имя, но она прекрасно знает, что распоряжался ими всегда я, что я не собирался расставаться с контрольным пакетом, что это был предсвадебный подарок... Да ведь я, черт возьми, еще в прошлом месяце платил за них налог... И если она могла выкинуть такую штуку, когда мы еще только помолвлены, то какая же нас, по ее представлению, ждет семейная жизнь?..

— Дэн Дэвис, — сказала она холодно, глядя мне прямо в глаза (в этот момент у нее было странное, совершенно незнакомое мне лицо). — Если вы полагаете,

будто мы с вами еще помолвлены после всего, что вы мне наговорили, то вы гораздо тупее, чем я думала! — она повернулась к Джентри, — Майлс, ты проводишь меня домой?

— Конечно, дорогая.

Я открыл было рот, но не произнес ни звука, закрыл его и вышел вон, забыв надеть шляпу. Если бы я не ушел тогда вовремя, наверное, я просто убил бы Майлса на месте — ведь ее-то я пронуть не мог...

Всю ночь я не спал. Часа в четыре утра я сделал несколько телефонных звонков, пообещав заплатить за услуги больше, чем они стоили, и в половине шестого подъехал к «фабрике» — следом за мной ехал грузовичок с подъемником. Я подошел к воротам, хотел открыть их, чтобы подогнать грузовичок к самой мастерской («Фрэнк» весил около трехсот килограмм), но на воротах был замок с новым шифром.

Я перелез через забор, здорово порезавшись о колючую проволоку, и пошел к мастерской — там было полно инструментов, с которыми ничего не стоило открыть ворота.

На входной двери тоже был другой замок.

Я смотрел на дверь и соображал, что легче: разбить окно железным прутом или притащить из грузовичка ломик и открыть дверь, — когда услышал за спиной резкий окрик:

— Эй, ты! Руки вверх!

Я обернулся, не поднимая, впрочем, рук. Против меня стоял человек средних лет с направленной прямо мне в живот «пушкой» размера, вполне достаточно, чтобы угробить целый город.

— Что вам нужно? — изумленно спросил я.

— Какого черта тебе тут нужно?! — рявкнул он. — Кто ты такой?!

— Дэн Дэвис, главный инженер этой конторы.

— А-а, — он слегка расслабился, но не сводил с меня дуло своей базуки. — Да, вроде бы внешность соответствует описанию... Но если у вас есть с собой какой-нибудь документ, то дайте-ка я взгляну на него.

— Какого черта? Кто вы такой?

— Я-то? Тодд. Джо Тодд — так меня зовут. Я из компании «Охраны и патрулирования», у нас частная контора... Да вы ведь должны нас знать, мы обслужи-

ваем вас уже несколько месяцев. Но сегодня я здесь со спецзаданием...

— Вот как? Тогда, если у вас есть ключ, откройте контору — мне нужно войти. И уберите, ради бога, вашу пушку!

Но он даже не пошевелился, и ствол по-прежнему чуть не упирался мне в грудь.

— Честно говоря, именно этого я никак не могу сделать, мистер Дэвис. Во-первых, у меня нет ключа. Во-вторых, у меня есть специальная инструкция насчет вас: вы не должны входить в помещение. Давайте, я провожу вас за ворота.

— За ворота? Ворота мне как раз-то и нужно открыть. А для этого я должен попасть в мастерскую, сказал я и стал оглядываться в поисках камня или железки.

— Мистер Дэвис...

— Ну?

— Поверьте, мне будет очень жаль, если вы это сделаете... Правда, жаль... Видите ли, я плохой стрелок и, целясь в ноги, могу промахнуться. Поэтому мне придется стрелять вам в живот, а рыльца у пуль тупые, мягкие, и, ей богу, будет жуткое мессиво.

Я посмотрел на него, потом на ствол и понял, что это веская причина, чтобы убраться отсюда. Но мне не хочется думать, что я убрался только из-за этого (хотя, может быть, так оно и есть). Была еще одна причина: когда я внимательней глянул в окно, я увидел, что в углу, где я оставил «Фрэнка», было пусто...

Проводив меня за ворота, Тодд вручил мне конверт со словами:

— Они сказали, чтобы я дал вам это, если вы явитесь.

— В кабине грузовика я распечатал конверт и прочел:

18 ноября 1970 г.

Дорогой м-р Дэвис!

На очередном совещании совета директоров, проведенном сегодня, было принято решение (посредством голосования) полностью отстранить Вас от деятельности корпорации, что соответствует условиям Вашего кон-

тракта (§ 3). На том же совещании было решено, что, оставаясь владельцем акций, Вы не можете иметь отношения к основному капиталу и собственности компании (что также соответствует условиям контракта — § 3). Ваши личные бумаги и сбережения будут переданы Вам в обычном порядке в целости и сохранности.

Правление благодарит Вас за службу и выражает сожаление по поводу Ваших разногласий с фирмой, вынудивших нас пойти на такой шаг.

Искренне Ваши:

*Председатель правления и
Генеральный менеджер
Майлс Джентри
(подпись)
Секретарь-делопроизводитель
Б. С. Даркин
(подпись)*

Я перечитал это дважды, пока до меня не дошло, что никакого контракта (ни с какими параграфами!) с корпорацией у меня никогда не было...

В тот же день посыльный принес в номер мотеля, где я держал свое чистое белье, пакет. Когда я открыл его, я увидел свою шляпу, свою авторучку, еще несколько мелочей, свои книги, личные письма и пачку документов. Ни технических заметок, ни чертежей «Фрэнка» там не было.

Некоторые документы меня очень... заинтересовали.

Действительно, § 3 давал им право уволить меня без трехмесячного пособия. Но куда интереснее был § 7 по которому, будучи уволен, я соглашаюсь не принимать участие в работе любой конкурирующей фирмы (по своей специальности) в течение пяти лет, за что прежние наниматели будут платить мне перво-разрядное жалование, пользуясь или не пользуясь моими услугами (на их усмотрение) до первого моего отказа на них работать. Это означало, что я в любой момент могу вернуться к своей работе, придя к Майлсу и Белле со шляпой в руках и попросив у них место инженера. Но пять (пять!) лет я не могу работать по своей специальности в других фирмах, не придя сначала к ним на поклон... Со шляпой в руках... Наверное, для этого они и вернули мне мою шляпу.

Были среди документов и копии передачи всех патентов (я, оказывается, передал их компании «Домашняя Помощница»): «Помощница», «Вилли», еще несколько побочных агрегатов... «Универсальный Фрэнк», конечно, не был запатентован... впрочем, это я тогда так думал. Что произошло с ним на самом деле, выяснилось позже.

Никогда я не передавал никаких патентов, они вообще не были оформлены как собственность «Домашней Помощницы» — ведь корпорация была моим детищем, и мне просто в голову не приходило разделять себя и ее...

И, наконец, последние три вложения: пачка акций, которые я не переписывал на Беллу, чек и письмо, в котором пояснялся каждый цент в сумме проставленной на чеке — накопившаяся «зарплата» с вычетами за помещение, электричество в мастерской и т. п., трехмесячное выходное пособие (это — несмотря на параграф 3), аванс на будущее (по параграфу 7) и... тысячедолларовая бумажка в качестве «высокой оценки профессиональных способностей» — очень мило с их стороны, не правда ли?

Читая и перечитывая всю эту потрясающую коллекцию, я понял, что с моей стороны было несколько опрометчиво подписывать не глядя любую бумагу, которую подсовывала мне Белла... Все мои подписи, вне всяких сомнений, были подлинные.

На следующий день я взял себя в руки и обсудил все с адвокатом — отличным юристом, цепким, с железной хваткой и страстью к большим гонорарам (за интересы своего клиента — хорошо оплаченные, разумеется, — он готов был кусаться, царапаться, словом, пускать в ход любые средства в суде). Сначала он, почувствовав мое состояние и вытекающий из него солидный куш, рванул в бой. Но внимательно изучив всю присланную мне коллекцию документов и выслушав все детали, он откинулся в кресле, сложил руки на животе, насупился и мрачно сказал:

— Слушай, Дэн! Сейчас я дам тебе один совет, который не будет стоить ни цента.

— Ну?

— Брось это дело. У тебя нет ни единого шанса.

— Но ведь ты хотел... Ты говорил...

— Я знаю, что я говорил. И знаю, что говорю сей-

час. Они обманули тебя. Ограбили. Но как ты это докажешь? Если бы они украли твои акции или выкинули тебя без гроша в кармане... Но они дали тебе ровно столько, сколько полагается... сколько полагалось бы, будь все на самом деле так, как они это представили — контракт, увольнение и все прочее. Они заплатили тебе сполна и... даже «штуку» сверху — дескать, зла не держим.

— Но ведь никакого контракта не было! И я никогда не передавал им патенты!..

— В этих бумагах черным по белому написано, что передавал. Ты признаешь свою подпись. Кто-нибудь может подтвердить все, что ты мне рассказал?

Он был прав — я уже думал об этом. Никто, даже Джейк Шмидт не знал, что творилось в конторе. Единственными свидетелями всего были... Майлс и Белла.

— Теперь насчет этой переписки акций... Если где-то и кроется хоть один шанс — это здесь. Если ты...

— Но ведь это как раз было в натуре! Я действительно переписал их на ее имя!

— Переписал. Но почему? Ты сказал, что подарил их ей при помолвке? То есть как бы предсвадебный подарок? Неважно, как она ими воспользовалась — это нас сейчас не интересует. Если ты сумеешь доказать, что дал их ей как своей будущей жене и что она, принимая их, знала это... Тогда ты можешь или принудить ее к браку, или вынудить ее вернуть акции. Можешь ты это доказать?

— Постой! Но я вовсе не хочу на ней жениться, после всего этого! Да я на нее теперь и смотреть не могу!

— Это уже твои трудности. И решать ты их будешь потом. А сейчас важно одно: есть у тебя свидетели или свидетельство (письмо, там, записка, еще что-нибудь), которое подтверждает, что принимая твой подарок, она понимала, что берет его как твоя будущая жена? Думай!

Я подумал. Свидетелей не было, кроме... той же пары — Майлс и Белла.

— Теперь ты видишь? У тебя нет ничего, кроме твоего слова. Против них двоих, да плюс десяток подписанных т о б о ю же и заверенных документов... С такими картами на руках ты рискуешь не только ничего не добиться, а попасть в дурдом, в палату к «Наполеонам» с диагнозом паранойя. Мой тебе совет —

найди сейчас себе работу где-нибудь в другой области... Или уж, в крайнем случае, плюнь на этот чертов «контракт» и попробуй основать в пику им свое дело... С «контрактом», конечно, могут быть неприятности (ловко они — черти!), но тут хоть можно бороться — знаешь, придраться к формулировкам, поспорить насчет фразеологии. Но не вздумай обвинять их в мошенничестве! — он встал, навис над столом и посмотрел мне в глаза. — Они выиграют, а потом затаскают тебя по судам и вытащат из тебя все, что на сегодняшний день решили тебе оставить! Выпей за то, чтоб они сдохли, и забудь про них!

Я последовал только первой части его совета. Внизу, в этом же здании был бар. Я зашел туда и здорово надрался...

* * *

Все это я вспоминал, когда ехал на встречу с Майлсом — у меня было достаточно времени, чтобы прокрутить в уме все подробности. С той поры, когда мы начали зарабатывать хорошие деньги, Майлс снял для себя и Рикки небольшой домик в Фернандской Долине (он не выносил жару Моджавской пустыни, где была наша «Фабрика») и стал ежедневно пользоваться воздушным транспортом. К счастью, у Рикки сейчас были каникулы, и она жила в Скаут-лагере возле Озера Большого Медведя. Я говорю, к счастью, поскольку меньше всего я хотел, чтобы она была свидетелем моей стычки с ее приемным отцом.

Когда я медленно полз по Сепульвадскому Туннелю, мне пришло в голову, что хорошо бы перед встречей с Майлсом избавиться от документа на владение акциями «Помощницы» — не таскать их с собой... Не то, чтобы я опасался какой-то откровенной «грубятины» (разве, что сам ее начну), но тем не менее почему-то мне показалось, что так будет лучше — я уже стал пуглив и подозрителен, как кошка, которой один раз прищемили дверью хвост.

Куда его девать? Оставить в машине? Но предположим на секунду, что они и впрямь попытаются применить силу... Тогда машина не лучший вариант. Может быть, отправить его самому себе по почте? Но в последнее время я получал всю свою корреспонден-

цию на Главпочтамте, где ее мог практически получить кто угодно, назвав мое имя. Я был вынужден перевести свой адрес туда, потому что кочевал из отеля в отель (мне любезно предлагали съехать, как только выяснялось, что со мной — Пит). Лучше всего было бы послать его кому-нибудь, в ком я не сомневался, но... Кроме Пита, пожалуй, не было никого, кому бы я полностью доверял... Впрочем, одному человеку я мог довериться. Вернее, о д н о й... Рикки!

Кому-то я, конечно, могу показаться кретином: не успела меня облапошить одна женщина, как тут же сую голову в петлю и вверяюсь другой... Но с Рикки все было иначе — я знал ее гораздо лучше, чем Майлс, она выросла у меня на глазах и, если есть на свете особа женского пола, которая не способна не обман, так это Рикки... Пит придерживался такого же мнения, да и вообще... У нее еще не было того арсена средств, которыми женщина может заморочить вам голову и лишить способности здраво мыслить — Рикки была еще совсем ребенком.

Выкарабкавшись из Тоннеля, я остановился возле маленького магазинчика, купил там почтовых марок, бумаги, два конверта, большой и поменьше, — и написал на листке:

Привет, Рикки-тикки-тави!

Мы с тобой, наверное, скоро увидимся, но пока я хочу, чтобы ты сохранила этот небольшой конверт у себя. Это для меня очень важно! И учти, об этом никто не должен знать! Пусть это будет наша с тобой тайна — наш секрет...

Тут я задумался. Предположим, со мной что-то случится... Ну, скажем, автомобильная катастрофа, или... Тогда рано или поздно конверт попадет Майлсу и Белле, если я не найду способа сейчас помешать этому...

Раздумывая над этим, я вдруг ясно понял, что уже принял твердое решение относительно Долгого Сна — я этого не сделаю. «Лекция» дока во «Взаимной Гарантии» и все, что я с такими подробностями вспомнил по пути к Майлсу, прочистило мне мозги: я больше не хотел у б е г а т ь, я хотел оставаться здесь и бороться... И единственным моим оружием был до-

кумент на владение этими акциями — он давал мне право совать свой нос во все дела Компании... Попробуй они еще раз отпугнуть меня частной охраной, и я вернусь с адвокатом, окружным шерифом и судебным предписанием... И что бы там кто ни говорил, я могу с этим документом потащить их в суд... Может, у меня и нет шансов выиграть процесс, но я могу, по крайней мере, наделать много шума, пойдут толки, сплетни и вполне возможно, что после всего этого «Манникс» не захочет с ними связываться. Так стоит ли вообще посылать его Рикки? Может все-таки оставить у себя? Нет... Если со мной что-то случится, пусть он достанется Рикки: кроме Рикки и Пита у меня на свете не было ни души.

Я продолжал писать:

Если мы почему-либо не увидимся в течение года, значит со мной что-то случилось. Тогда позаботься о Пите (если найдешь его) и никому не говори ни слова, отнеси конверт в Центральный Госбанк, отдай доверенному служащему и попроси вскрыть его при тебе.

Целую. Дядя Дэн

Потом я взял другой лист и написал:

*3 декабря 1970 г.
Лос-Анджелес,
Калифорния.*

Прилагая один доллар наличными, я, Дэниэль Б. Дэвис, поручаю Центральному Госбанку Соединенных Штатов переписать пакет акций — я перечислил их номера — на имя Фредерики Вирджинии Джентри по исполнению ей двадцати одного года.

Это был самый простой выход и лучшее, что я мог придумать за стойкой бара при магазинчике под рев и грохот музыки из «колонки», торчащей прямо над моим ухом. Во всяком случае, теперь я был уверен, что ни Майлс, ни Белла не сумеют отобрать у нее пакет. Если же все закончится хорошо, я просто попрошу Рикки вернуть мне конверт, когда он мне понадобится. Чтобы избежать лишней писанины, я не стал запол-

нять бланк переоформления, отпечатанный на обратной стороне документа, а написал свое заявление на отдельном листке. Потом я вложил сам документ и этот листок в маленький конверт, запечатал его и вместе с письмом Рикки вложил в большой. На большой конверт я наклеил марку, написал адрес Рикки (адрес Скаут-лагеря, конечно) и опустил его в почтовый ящик возле магазинчика. Выяснив, что почту заберут минут через сорок, я сел в машину, и на душе у меня стало как-то спокойнее... Нет, не оттого, что мои акции были теперь в безопасности, а потому что я решил главную свою проблему... Ну, пускай не сама у проблеме, но решил попытаться справиться с ней, а не прятать голову под крыло, не уползать в нору, захлопнув за собой крышку (как сказал док из «Гарантии»), и не искать ее решения на дне бутылки...

Что же до двухтысячного года... Конечно, я хотел взглянуть на него. Но я ведь и так его увижу... Мне будет тогда всего 60 и, может быть, у меня к тому времени еще не пропадет охота подмигивать молоденьким девицам. Зачем торопиться? Зачем перепрыгивать в грядущий век? Это все равно, что смотреть сразу конец фильма, пропустив середину. Спать тридцать лет? Не лучше ли постараться прожить их как следует. Тогда, очутившись в 2000 году, мне будет легче принять и понять это время. Теперь же я хотел одного — драки с Майлсом и Беллой, драки за то, что принадлежало мне по праву. Может, я и не выйду победителем из этой свары, но в любом случае это будет драка... Пит частенько являлся домой на рассвете весь в крови, но вы бы слышали, как громко и гордо он заявлял мне: «Пойди взгляни, как себя чувствует то!..»

От сегодняшней встречи многого я не ожидал — все, что я хотел сегодня сделать, это — формально объявить им войну. Я хотел, чтобы Майлс для начала помучился бессонницей, а ворочаясь ночью с боку на бок, он вряд ли удержится от звонка Белле... И, надеюсь, оборвет этим звонком и ее безмятежный сон.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Подъезжая к дому Майлса, я насвистывал бравурный марш. Я уже перестал грызть себе селезенку из-за это пары несчастных ворюг и за последние четверть часа мысленно сконструировал два агрегата, каждый из которых мог принести мне целое состояние. Первый: чертежная машина, пользоваться которой было не сложнее, чем пишущей. Тысяч пятьдесят инженеров в Штатах ежедневно склоняются над чертежным столом и проклинаят свою работу, от которой затекает спина и болят глаза. Нет-нет, они любят свое дело, не могут без него жить, но физически это очень тяжелый труд. Пользуясь же моим аппаратом, они будут сидеть в мягком кресле, нажимать на клавиши и смотреть, как на расположенном над клавиатурой экране появится чертеж. Нажмете одновременно три клавиши, и на экране в нужном вам месте появится горизонтальная линия. Нажмете еще одну, и ее пересечет вертикальная. Нажмете две, а потом еще две, и проведете линию под нужным вам углом... За небольшую дополнительную плату можно поставить второй экран, на котором архитектор сможет работать с объемным изображением...

Прелесть чертежной машинки была в том, что ее можно было сделать из самых обычных, продающихся в любом радио-, ТВ-магазине деталей, клавиатуру можно взять от самой обычной пишущей машинки... Месяц на то, чтобы сделать первую опытную модель, недель шесть поколдовать над ней — внешний вид, еще кое-какие мелочи... Как только я понял, что могу ее сделать и что она будет иметь спрос, я мысленно «отложил» ее в сторону. Второй агрегат интересовал меня сейчас куда больше — я придумал, как мне вызволить беднягу «Фрэнка» и сделать из него...

Никто ведь не знал «Фрэнка», как знал его я. И даже если они разберут его до винтика и будут изучать под микроскопом, они никогда не узнают, что в каждый его блок можно заложить по меньшей мере в два раза большую программу действий... Этого не было даже в моих записях — ведь я исходил из того, что делаю домашнюю обслугу!.. Прежде всего я сниму его с этого дурацкого инвалидного кресла — тогда я могу делать с ним все, что пожелаю. Правда,

мне понадобятся Торсенские блоки, много блоков, но они есть в свободной продаже, и Майлс не может запретить мне купить столько, сколько я захочу. Чертежная машинка может подождать. Сначала я сделаю действительно универсальный автомат, который сможет делать в с е, практически л ю б у ю работу, на которую способен человек (разумеется, кроме той, которая требует ч е л о в е ч е с к и х решений)... Впрочем, нет. Сначала я сделаю чертежную машинку — она понадобится мне для работы над «Фрэнком», или... Он будет не «Фрэнк», а «Пит». «Пит Первый» — неплохо?

— Как ты на это смотришь, Пит? Назовем первого в мире н а с т о я щ е г о робота в твою честь?

— Нн-н-и-е-е-т.

— Ну-ну, не упрямясь. Это увековечит твоё имя, старина.

У меня не было никаких сомнений в том, что я сделаю «Пита», и сделаю его быстро, — с помощью моей же чертежной машинки, это вопрос каких-нибудь месяцев. Я сделаю его, и это будет монстр, который превратит «Фрэнка» в груды никому не нужного хлама, прежде чем они успеют запустить его в производство... И тогда они будут валяться у меня в ногах! Будут умолять меня вернуться! Или убьют... Убьют? Курицу, которая несет золотые яйца? Черта с два!!

В окнах у Майлса горел свет, его машина стояла около дома. Я остановился в нескольких метрах от нее и сказал Питу:

— Ты лучше оставайся в машине и стереги ее. Только не забудь крикнуть пару раз «руки вверх» перед тем, как стрелять.

— Нн-н-и-е-е-т.

— Если пойдешь со мной, то только в сумке.

— Нн-и-и-е-ет!

— Не спорь! Или оставайся, или полезай в сумку!

Пит прыгнул в сумку.

Майлс открыл мне дверь. Никто из нас не протянул друг другу руки. Он провел меня в гостиную и жестом предложил сесть. Увидев Беллу, я не удивился, хотя, честно говоря, и не ожидал застать ее у Майлса сегодня. Я улыбнулся ей и сказал:

— Рад видеть тебя тут! Только не рассказывай сказки, будто ты только что приехала ради встречи со мной.

Она нахмурилась и процедила сквозь зубы:

— Не будь смешным, Дэн! Говори нам, что ты хотел сказать, и — мы тебя не задерживаем.

— Не торопи меня, дорогая. А вообще-то все это довольно забавно, вам не кажется? Мой бывший партнер... Моя бывшая невеста... И не можем поделить мою бывшую работу.

— Ну зачем ты так, Дэн? — Майлс укоризненно покачал головой. — Мы сделали все ради твоего же блага, и... Ты можешь вернуться на работу, когда пожелаешь. Мы будем только рады.

— Как ты сказал? Ради моего же блага? Наверное, так же говорят и конокраду... когда вешают его. А насчет вернуться — как ты на это смотришь, Белла? Я могу вернуться?

Она закусила губу:

— Если Майлс так считает, то, конечно, можешь.

— Если недавно я слышал то же самое в другом варианте: «Если Дэн так считает, конечно...» Но все течет, все меняется, такова жизнь. И я не собираюсь возвращаться, ребята, можете не волноваться. Я пришел сюда просто, чтобы кое-что выяснить.

Они переглянулись друг с другом.

— Что именно? — спросила Белла.

— Ну, прежде всего мне хотелось бы знать, кто из вас непосредственный автор всего этого жульничества? Или вы работали на пару?

— Зачем такие слова, Дэн? — медленно произнес Майлс. — Они дурно пахнут.

— Ну-ну, не будем играть в прятки. Если уж слово дурно пахнет, то дело — в десять раз хуже. Я имею в виду фальшивый контракт и фальшивую перепись патентов. Это ведь уголовщина, Майлс. И я думаю ФБР займется этим. Завтра, — добавил я и увидел, как он вздрогнул.

— Дэн, я надеюсь, ты не будешь ослом и не будешь поднимать шум. Когда ты успокоишься, ты поймешь...

— Поднимать шум? Я подам на вас в суд — гражданский и уголовный, по всем статьям. Вам придется здорово попотеть, а потом долго-долго отмываться... если вы не согласитесь сделать кое-что. Да, кстати, я забыл упомянуть еще один уголовно наказуемый момент — кража моих записей и чертежей «Фрэнка»...

И самой модели... Правда, вы можете заставить меня заплатить за материалы — ведь счета поступали в контору...

— Кража? — резко перебила меня Белла. — Что за чушь! Ты работал на Компанию!

— Да? Это интересно. Всю работу я делал по ночам. И никогда не работал на Компанию, вы оба прекрасно это знаете. Я тратил на себя деньги из моей доли доходов, у меня никогда не было никакой «зарплаты», и вам это прекрасно известно. И что, интересно, скажет правление «Манникс», когда из моего официального иска они узнают, что все агрегаты, которые они так хотели купить, — «Помощница», «Вилли», «Фрэнк» — никогда не принадлежали Компании, а были просто-напросто украдены у меня?

— Ерунда, — твердо произнесла Белла. — Ты работал на Компанию. С тобой был заключен контракт.

Я откинулся на спинку стула и рассмеялся.

— Слушайте, ребята, зачем сейчас-то валять дурака? Поберегите силы до суда, а здесь нет смысла притворяться — никого ведь нет, кроме нас. Что я сейчас хочу узнать, так это — кто из вас все придумал? Как это было сделано, я знаю. Белла давала мне бумаги на подпись. Давал так, что я видел лишь графу, где мне надо было расписаться, — для моего же удобства, конечно. Ты всегда была образцовой секретаршей, дорогая. Итак, механику ты взяла на себя, Майлс этого делать, разумеется, не мог, он и печатать-то как следует не умеет. Но кто составил эти документы — контракт, перепись патентов? А? Ты, Белла? Не думаю... Если только у тебя не было опыта в таких делах. Как насчет этого, Майлс? Может обыкновенная стенографистка придумать такую блестящую штуку с параграфом номер 7? Или для этого нужен юрист? То есть ты?

Сигара Майлса давно потухла, он вынул ее изо рта и веско сказал:

— Дэн, старина, если ты считаешь сейчас выудить из нас признание и поймать нас на слове, то ты просто спятил.

— Да перестань ты, мы же одни. И вы оба завязли в этом по уши. Я бы хотел верить в то, что наша очаровательная Далила без твоей помощи придумала весь план от начала до конца, а ты в минуту

слабости поддался на ее уговоры. Но, к сожалению, это не так. Если Белла сама не юрист, то вы сделали все вдвоем — ты составлял документы, она подсовывала их мне на подпись. Так?

— Не отвечай ему, Майлс! — быстро сказала Белла.

— Не собираюсь! — он пожал плечами. — У него в сумке может быть диктофон.

— Мне надо было бы его там иметь, — сказал я, — но я как-то упустил это из виду. — Я развел края сумки и оттуда показалась голова Пита. — Ты все запомнил, Пит? Осторожнее, ребята — у Пита память, как у слона... Нет, я не взял с собой диктофона, я ведь всего навсего простак Дэн, который никогда ничего не предвидит. И я, как прежде, верю своим друзьям... как когда-то верил вам обоим. Так, что, Майлс, юрист Белла или нет? Или это ты сидел за своим столом и хладнокровно прикидывал, как бы потуже затянуть петлю у меня на шее, ограбить до нитки самым законным образом?

— Майлс! — вмешалась Белла. — С его искусством он может соорудить диктофон размером со спичечную коробку или авторучку! И держать его в кармане!

— Хорошая мысль, Белла. Я непременно так и сделаю. Только в следующий раз.

— Я знаю, дорогая, — сказал Майлс. — И если так оно и есть, то ты у же наговорила лишнего. Выбирай выражения!

Белла ответила ему коротким словом, которое я никогда раньше от нее не слышал (и вообще не думал, что она может его произнести). Брови у меня непроизвольно поползли вверх.

— Не очень-то ладите друг с другом? Междуусобицы в воровской шайке?

Я с удовольствием наблюдал, как Майлс постепенно накалялся.

— Дэн! Ты тоже выбирай выражения, если хочешь выйти отсюда на своих двоих!

— Ну-ну-ну! Я моложе тебя и неплохо знаю дзю-до. Кроме того, ты не будешь драться с врагом, у тебя другие способы. Ты изобразишь какую-нибудь фальшивку, вроде вашего «контракта»... Вы же двое обыкновенных жуликов, самых настоящих ворюг, — я повернулся к Белле. — Знаешь, мой старик всегда учил меня быть

вежливым с женщинами и никогда не оскорблять их. Но ты не женщина. Ты ворюга... И шлюха.

Белла повернулась ко мне. С нее слетела, как шелуха, вся ее слащавая прелесть — на меня смотрел разъяренный, злобный, готовый к прыжку зверь.

— Майлс! — режущим голосом проскрежетала она. — Долго ты будешь сидеть и слушать, как он...

— Тихо! — скомандовал он. — Он же нарочно это делает! Хочет нас спровоцировать... Сиди и молчи! — Белла заткнулась, но лицо у нее было ужасное. Майлс повернулся ко мне. — Дэн, я всегда был практичным человеком. Я старался убедить тебя, прежде чем вынужден был уволить. Я хотел, чтобы ты не держал на меня зла, и выплатил тебе все, на что ты только мог рассчитывать, и я хочу...

— Кинул мне кость, чтобы заткнуть глотку?

— Называй это, как тебе угодно. Я по-прежнему хочу, чтобы мы уладили все по-хорошему. Ты никогда не выиграешь процесс, но как юрист я хорошо знаю: лучше избежать суда, чем выиграть, если, конечно, это возможно. Ты говорил о какой-то «одной вещи», которую мы можем сделать. Скажи мне, что это за «вещь» и, может быть, мы найдем какое-то решение, устраивающее всех.

— Я как раз собирался тебе сказать, хотя ты этого сделать не можешь. Но, возможно, тебе удастся... Словом, все очень просто: я хочу, чтобы Белла вернула мне акции, которые я переписал на ее имя в качестве предсвадебного подарка.

— Нет — немедленно отреагировала она.

Майлс круто развернулся.

— Я сказал тебе: сиди и молчи!

— Почему же нет, моя бывшая дорогая? — спросил я. — Ведь эти акции были преподнесены тебе не в качестве «свободного подарка» (видишь, я консультировался с юристом и даже знаю теперь их терминологию), а в связи с тем фактом, что ты собираешься выйти за меня замуж. Следовательно, ты не только по этическим соображениям, но и юридически обязана мне их вернуть — я же так и не получил то, что мне было обещано. Впрочем, может быть, ты снова изменила свое решение и собираешься стать моей женой?

Она коротко сказала мне, где и как она станет моей женой.

— Белла, — устало произнес Майлс, — ты сейчас только мешаешь мне. Неужели ты не понимаешь, что он нарочно выводит тебя из терпения? Дэн, — он повернулся ко мне, — если ты пришел только за этим, то тебе не имеет смысла здесь оставаться. Если бы дело обстояло так, как ты сейчас пытался его представить, в этом был бы определенный смысл. Но все это ложь — ты передал акции Белле за вполне определенную цену.

— Что-что? За опре... Ты можешь предъявить копию чека?

— В этом нет никакой необходимости. Ты перевел их на нее за услуги Компании, не входящие в ее обязанности.

— Услуги Компании, — я усмехнулся. — Красиво сказано... Но послушай, Майлс, старина, если я сделал это «за услуги Компании», а не за услуги мне лично, ты должен был знать об этом и, кстати, должен был «заплатить» ей столько же, то есть перевести на нее столько же акций. Ведь мы, в конце концов, делили доходы пополам, хоть у меня и был... вернее, я думал, что был контрольный пакет. Не хочешь ли ты мне сказать, что отдал Белле столько же акций, сколько я?

Я увидел, как они быстро переглянулись, и у меня мелькнула дикая мысль...

— А может быть, ты так и сделал? Ну, конечно, она заставила тебя это сделать — без этого она бы не стала играть? А если так, можешь быть уверен, она тут же зарегистрировала перевод, и по датам будет ясно, что перевел свои акции накануне нашей помолвки (кстати, мы же давали об этом объявление в газете), а ты... Ты перевел их, когда накинул на меня аркан и она расторгла помолвку! И на все это есть соответствующие записи, документы: Так может быть, судья поверит мне? А, Майлс?

Я попал в десятку! По их растерянными лицам я видел, что нашел именно, чего они никогда не сумеют объяснить и чего я никоим образом (по их плану) не должен был знать. Итак, я их достал, и... Мне пришла в голову еще одна дикая мысль... Дикая? Да нет, напротив, очень резонная:

— Сколько он перевел на тебя, Белла? Столько же,

сколько я за «помолвку»? Ты ведь сделала для него куда больше, следовательно, и получить должна была... — тут я замолчал, кое-что прикидывая. — Стоп, ребята. Мне с самого начала показалось странным, что Белла проделала весь длинный путь сюда, ради встречи со мной... Так может, ты была тут все время? Может вы, уже давно... Должен ли я сказать: «Помолвлены»? Или... или вы давно же н а т ы? — я на секунду опять задумался. — Голову даю на отсечение — женаты! Ты же не такой лопух, как я, Майлс, ты никогда, н и к о г д а бы не персвел на нее акции только лишь за «помолвку», но в качестве свадебного подарка ты мог это сделать... Не трудись отвечать мне, завтра я все узнаю сам!

Мейлс кинул косой взгляд на Беллу и буркнул:

— Можешь не тратить время попусту на «раскопки»... С твоего разрешения, — он кивнул на Беллу, — Миссис Джентри.

— Примите мои поздравления! Вы друг друга стоите... Однако как же нам быть с моими акциями? Ведь Миссис Джентри уже никак не может выйти за меня замуж, следовательно...

— Не будь идиотом, Дэн! Я обдумал все, что ты тут наговорил, и тебе по-прежнему ничего не светит. Все твои дикие предположения и теории гроша медного не стоят. Я действительно перевел часть акций на имя Беллы, точь-в-точь, как ты. За те же услуги фирме. Как ты сам сказал, все это зарегистрировано. Мы с Беллой поженились всего неделю назад, а регистрация перевода была гораздо раньше — можешь это проверить, и связать эти два факта юридически невозможно. Да и просто глупо — она получила акции от нас обоих, потому что много сделала для фирмы. А после того как ты расторг помолвку и уволился, мы поженились.

Это сбило меня с толку — Майлс был не такой дурак, чтобы лгать там, где его можно было проверить. Но что-то тут было не так, что-то, до чего я еще не докопался, но...

— Где же вы поженились? И когда?

— В Сант-Барбарской мэрии. В прошлый четверг... А какое, собственно, тебе до этого дело?

— Никакого. Просто любопытство. А когда ты перевел акции?

— Не помню точно. Впрочем, ты можешь легко узнать сам.

Не мог он, черт бы его побрал, перевести эти акции до женитьбы — не такой он был лопух, чтобы поверить ей на слово... Я чувствовал нутром, что здесь, что-то не так...

— Слушай, Майлс, а что если я найму детектива? И вдруг выяснится, что вы поженились раньше? Скажем, где-нибудь в Лас-Вегасе? Или в Рено, когда ездили туда оформлять налоговые платежи? Как тогда насчет даты моего перевода акций и «продажи» патентов, а?

Майлс не шелохнулся, даже не посмотрел в сторону Беллы. Что до нее, то большей ненависти, чем на ее физиономии в этот момент, мне еще не доводилось видеть. Пожалуй, пора было кончать, но мне хотелось довести ее до предела.

— Дэн, — наконец произнес Майлс, — я терпеливо выслушал все твои бредни и хотел уладить это дело по-хорошему. Все, что я в результате получил — набор оскорблений и выдумок... Думаю, что тебе лучше уйти, или я... черт возьми, вышвырну тебя отсюда вместе с твоей драной кошкой!

— Оп-ля! — я засмеялся. — Первый раз за весь вечер ты заговорил, как мужчина. Только не называй больше Пита «драной кошкой» — он все понимает, словарный запас у него довольно большой и в следующий раз он может выдернуть из тебя печенку. Ладно, старина... Ладно, мой бывший партнер, я сейчас уберусь... Но под занавес позволь мне сказать небольшую речь — я буду краток. Вероятно, это последние мои слова, адресованные тебе лично. Идет?

— М-мм... Валяй. Но покороче.

— Майлс, — неожиданно вмешалась Белла, — я хочу сказать тебе два слова наедине.

Он, не оборачиваясь, велел ей помолчать, и повторил:

— Покороче, Дэн. И выбирай выражения.

Я повернулся к Белле.

— Вряд ли тебе будет приятно это слышать, дорогая. Может быть ты оставишь нас вдвоем? — я хотел знать наверняка, что она останется, и она, конечно, не двинулась с места. Тогда я посмотрел ему прямо в глаза и сказал:

— Майлс, я на тебя не в обиде. Кто может справиться с собой, когда дело касается женщины? Если Самсон и Марк Антоний были подвержены этой заразе, с какой стати ты должен иметь иммунитет? И я не сержусь, я на самом деле должен быть здорово благодарен тебе... Может, я и благодарен чуть-чуть, не знаю... Но я знаю точно, что мне тебя ж а л ь! — Я оглядел Беллу с ног до головы. — Ты ее получил, и т е б е придется иметь с ней дело. В конце концов, я не так уж дорого заплатил за это удовольствие, а вот чем придется платить т е б е?.. Она обманула меня, она и тебя заставила... Т е б я — моего друга! Прикинь, когда она найдет еще кого-нибудь и сделает с тобой то же, что вы оба сейчас сделали со мной. Через неделю? Через месяц? Или вы продержитесь год? Но рано или поздно эта сучка...

— М а й л с!! — взвизгнула Белла.

— Убирайся вон! — глухо сказал он, и по выражению его лица я понял, что мне пора. Я поднялся и потянулся за сумкой.

— Ухожу-ухожу. Но напоследок повторю еще раз: мне тебя искренно жаль, старина. Мы оба с тобой совершили одну и ту же ошибку в самом начале, и твоей вины здесь столько же, сколько и моей. Но расплачиваться придется тебе одному, и это несправедливо — ведь прозевали тогда мы оба.

— Постой!.. — любопытство в нем взяло верх. — Что ты этим хочешь сказать?

— Нам следовало бы сразу заинтересоваться: чего ради такая женщина — с ее красотой, обходительностью, с ее мозгами — ухватилась за место секретарши-машинистки в нашей с тобой конторе. Может быть, догадайся мы взять у нее отпечатки пальцев для обычной проверки (как, кстати, всегда делается в больших фирмах), и мы отказались бы от ее услуг... И были бы сейчас партнерами и друзьями, как прежде.

Снова — в «десятку». Майлс кинул острый взгляд на свою жену, а она... Сравнить ее сейчас с занюханной в угол крысой было бы неточно — крысы не бывают таких размеров... И я решил нанести последний удар — подошел к ней вплотную и сказал:

— Так как, Белла? Что если я возьму сейчас этот стакан, который ты только что держала в руках, и отдам ребятам из ФБР на экспертизу? Что они

мне скажут? Кем ты была до нас? Манекенщицей в порножурналах? Или брачной аферисткой? Кстати, Майлс действительно твой муж? Или... — я взял со столика ее стакан.

Резким ударом она вышибла его у меня из рук. Майлс заорал на меня, чтобы я убирался вон, а я... Я сделал второй за этот вечер неверный шаг: мало того, что я сунулся в клетку с дикими зверями без оружия, я нарушил первую заповедь дрессировщика — подставил спину... Когда Майлс начал орать, я повернулся к нему. Краем глаза я увидел, как Белла потянулась к своей сумочке, и... Помню, я еще подумал, что нервы у нее железные, — в такой момент доставать сигарету... В следующую секунду я почувствовал легкий укол в бедро. Помню, что, падая, с внезапно согнувшимися коленями на ковер, я испытал жуткое изумление: как могла Белла сделать со мной такое?! И последней вспышкой сознания я вдруг ясно понял, что до самого последнего момента все еще продолжал верить ей....

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Полностью сознания я не потерял. После укола я ощутил лишь жуткую слабость и головокружение, оттого и упал. Наркотик подействовал быстрее, чем морфий. Майлс что-то крикнул Белле, кинулся ко мне и, обхватив за туловище (ноги у меня были как ватные), подтащил к креслу. Едва я очутился в кресле, слабость схлынула так же неожиданно, как накатила после укола. Но часть моего сознания была мертва.

Теперь-то я знаю, какую гадость она мне вкатила: этот препарат называли «Зомби». Когда-то его разработали для «прочистки мозгов» заключенным, но, насколько я знаю, он никогда не употреблялся — даже в тюрьмах... На него был наложен официальный запрет. Правда, сейчас его в мини-дозах используют психиатры при психоаналитических сеансах, но на каждое разовое использование нужно оформлять специальное разрешение. Средство, что там говорить, эффективное... Ума не приложу, где Белла могла достать его и что у нее еще могло быть в запасе, если она таскала такой наркотик в дамской сумочке...

Но в тот момент меня это совершенно не волновало — меня вообще ничего не волновало, я ничего не испытывал. Просто сидел, все слышал и все видел, впрочем, видел только то, что было прямо перед глазами... Если бы передо мной сейчас проехал в кресле на колесиках «Фрэнк», я бы не повернул головы, я бы даже не проводил его глазами, если бы только мне не велели это сделать.

Пит выпрыгнул из сумки, подбежал ко мне и спросил, в чем дело? Когда я ничего не ответил, он стал царапать мне штанины, настойчиво требуя объяснения. Когда я и на это никак не отреагировал, он вспрыгнул мне на колени, положил передние лапы мне на грудь и, заглянув мне прямо в глаза, потребовал немедленно и без всяких уверток объяснить: что со мной происходит? Я ничего ему не ответил, и он начал выть — это заставило Беллу и Майлса наконец-то обратить на него внимание...

Майлс, усадив меня в кресло, тут же накинулся на Беллу:

— Ты что сделала?! Идиотка!... — Ты просто спятила!..

— Возьми себя в руки, зайчик, — усмехнулась Белла. — Этим мы покончим с ним раз и навсегда.

— Что-о-о?! Если ты решила, что я буду участвовать в убийстве?..

— Перестань орать! Я знаю, что у тебя на это кишка тонка!.. Но это уже не нужно — он и так уже труп!

— Что это значит?!

— Значит, что он теперь наш со всеми потрохами! Он сделает все, что я ему прикажу, и... больше не доставит нам никаких хлопот!

— Но... Ты же не можешь накачать его этой дрянью на всю жизнь!.. Рано или поздно он придет в себя, и...

— Прекрати болтовню! Ты не знаешь как это действует, а я знаю! Когда он придет в себя, он сделает все, что я ему прикажу. Прикажу прыгнуть в пропасть, и он прыгнет! Прикажу никогда не совать нос в наши дела, и он оставит нас в покое... Прикажу забыть все, что мы с ним сделали и сделаем — он забудет... Впрочем, он и так забудет!

Я слышал все, что она говорила, понимал, но мне было все равно... Если бы сейчас кто-то из них

закричал: «Пожар!» — мне тоже было бы все равно...

— Не верю я в это, — пробурчал Майлс, — так не бывает!

— Не веришь? — странно то усмехнувшись, спросила она. — А должен бы верить...

— Должен бы?.. Что... Что ты хочешь этим сказать?!

— Ну, ладно-ладно... Оставим. Эта штука действует, как надо, Заинька. Теперь нам нужно прежде всего...

В этот момент Пит как раз и начал выть. Вряд ли вы когда-нибудь слышали, как воет кот. Коты никогда не воют в драке, как бы их сильно не поранили (это совсем не то), никогда не воют от обиды, просто от огорчения... Кот воет только от настоящего отчаяния — когда ситуация для него невыносима, а выхода из нее нет. И тогда он изливает это вое, потому что другого способа выразить отчаяние у него не имеется. И этот вой здорово бьет по нервам, выносить его трудновато.

— А черт! Будь он проклят — этот кот!.. — вздрогнул Майлс. — Надо от него избавиться!

— Убей его!

— М-мм? Не надо быть такой кровожадной. Кроме того, Дэн поднимет больше шума из-за этого вшивого кота, чем если бы мы обобрали его вообще до нитки. Сейчас... — он повернулся и взялся за сумку Пита.

— Тогда я сама его убью! — сквозь зубы проскрежетала Белла. — Я давно уже хотела пришить эту драную кошку!

Она огляделась в поисках подходящего орудия, подбежала к камину и схватила кочергу. Майлс тем временем поднял Пита и попытался засунуть в сумку. Лучше бы он этого не делал... Пит вообще не любил, когда кто-то, кроме мменя и Рикки, брал его не руки, но даже я не стал бы брать его, воющего, за шкуру без долгих предварительных переговоров — доведенный до отчаяния кот не менее опасен, чем шаровая молния... Кроме того, Пит и в более спокойном настроении вряд ли позволил бы хватать себя за шкуру, и... Пит достал его одновременно и когтями (в плечо), и зубами (в большой палец левой руки). Майлс заорал и отпустил его.

— Уйди с дороги! — крикнула Белла и кинулась с кочергой на Пита.

«Цель» была прямо перед ней, и у нее были вся

ее сила и орудие для атаки. Но орудием своим она не очень-то умела пользоваться, в то время как Пит великолепно умел пользоваться тем, что дала ему природа. Шерсть у него на загривке встала дыбом, он пулей метнулся прямо ей под юбку и четырежды торпедировал ее — по две его лапы на каждую ее ногу. Она завизжала и выронила кочергу...

Из всего, что происходило потом, я видел немного — я по-прежнему смотрел прямо перед собой и видел лишь то, что попадало в поле моего зрения при таком положении. Я не мог ни повернуть голову, ни скосить глаза, пока никто не вслепел мне это сделать. И так, я лишь слышал, что происходило, и только две «картины» зафиксировало мое зрение: первая — два человека охотятся за одним котом, вторая (почти без всякого интервала сразу же после первой) — один кот охотится за двумя людьми... Кроме этих двух коротких сцен, все остальное я воспринимал лишь на слух — беготню, крики, женский визг, грохот падающей мебели, проклятья... Но я не думаю, что им удалось хотя бы раз задеть его.

Из всего, что произошло со мной этим вечером, худшим, пожалуй, было то, что в самый сладостный миг всей жизни Пита миг его грандиознейшей Битвы и грандиознейшей Победы, — я не только не видел подробностей, но и не мог восхищаться им... Что-то я видел, почти все слышал, но не испытывал при этом никаких чувств. Надо же было так случиться, чтобы в питов звездный час я был почти трупом.

Теперь, вспоминая об этом, я стараюсь задним числом испытать то, чего мне не довелось прочувствовать тогда... Но, конечно, это не то. Совсем не то...

Грохот и крики неожиданно оборвались, и вскоре в гостиной появились Майлс и Белла.

— Кто, черт возьми, оставил дверь открытой? — тяжело дыша спросила Белла.

— Ты, конечно, кто же еще?! Что б он сдох, этот чертов кот!.. — Майлс потрогал рукой свежие ссадины на физиономии и застонал. Вид у него был тот еще; судя по костюму, лицу и рукам, ему пришлось несладко.

— Сейчас сдохнет! У тебя есть пистолет?

— М-мм?

— Дай пистолет! Я убью этого монстра!! — Белла была в еще худшем состоянии, чем Майлс. Женское

платье дает коту гораздо большее поле деятельности: руки, ноги, шея — все открыто. Ей теперь придется долго носить закрытые платья и гримировать физиономию, если она захочет выглядеть более или менее пристойно...

— Сядь и успокойся! — устало сказал Майлс.

Она ответила ему кратко, но энергично (всего три слова), чуть-чуть отдышалась и повторила:

— Я убью его! Не сяду, пока не убью!..

— Хорошо, не садись, а походи и умойся... И принеси иод и марлю. А про кота забудь — он убрался отсюда и черт с ним!

Белла пробормотала что-то нечленораздельное, но Майлс ее понял.

— Ты тоже спятила, — сказал он. — Подумай сама, даже если бы у меня и был пистолет (я не сказал, что он у меня есть, а говорю «если»), ты что, собираешься выскочить из дому и палить из него в кота? Убьешь ты его или нет, я не знаю, но уж наверняка полиция явится сюда не позже, чем через десять минут! Они будут вынюхивать... задавать вопросы... А тут это — он ткнул пальцем в кресло, где сидел я. — Ты этого хочешь? — он перевел дыхание. — А если ты сейчас высунешься из дому без пистолета, это чудовище убьет тебя! Черт возьми, должен же быть какой-то закон, запрещающий держать такого... Он же по-настоящему опасен! Ты только послушай!

Пита действительно стоило послушать. Он не выл, нет, теперь он испускал свой самый грозный воинственный клич... Он явно предлагал им выбрать оружие и выйти на бой, по одиночке или вдвоем — как им будет угодно... Белла послушала и... содрогнулась. Майлс сказал:

— Не бойся, он не войдет — я запер дверь!.. Я вообще всегда ее запираю, в отличие от тебя!

— Это не я оставила ее открытой!

— Ладно, пусть не ты, — Майлс обошел комнату и проверил все окна. Потом они с Беллой вышли, а через некоторое время Пит перестал испускать свои воинственные крики. Не знаю, долго ли они отсутствовали — время для меня не то, чтобы остановилось, а просто ничего не значило.

Белла вернулась первая. На ней было другое (закры-

тос, с длинными рукавами) платье, новые чулки и, если бы не ссадины на лице, которые ей до конца не удалось загримировать, по ее виду нельзя было сказать, что она потерпела поражение в схватке с Питом.

Она подошла ко мне вплотную и приказала мне встать. Я послушно поднялся на ноги. Она быстро, как профессиональный сыщик, обыскала все мои карманы, не пропустив даже внутреннего — на левой стороне жилетки, которого обычно не делают на готовых костюмах. «Улов» у нее оказался небогатый — бумажник с какой-то мелочью, удостоверение личности, водительские права, ключи от машины, горсть медяков и конверт с чеком, который она сама же мне отправляла по почте. Она повертела чек в руках и прочла передаточную надпись на обратной стороне — ту, что я сделал во «Взаимной Гарантии».

— Что это, Дэн? — она недоуменно нахмурилась.

— Ты купил акции Страховой Компании?

— Нет, — я бы сразу рассказал ей все, не задай она сразу два вопроса, а так я ответил лишь на последний, потому что просто не мог иначе.

Тогда она ринулась к сумке Пита, раскрыла ее, и тут же в руках у нее очутились все двадцать (или сколько там их было) бланков, которые я заполнял во «Взаимной гарантии». Она присела и стала внимательно изучать каждый, а я продолжал стоять столбом в той позе, в которую она меня «поставила». Через какое-то время вошел Майлс, в халате и шлепанцах, весь измазанный иодом и с километром намотанного вокруг лысины бинта... По-видимому, Пит решил не прищипывать во внимание джентельменское правило: «Лежачего не бьют». Белла на секунду оторвалась от бумаг, махнула ему рукой, чтобы он не мешал, и вновь углубилась в чтение. Он сел рядом и стал читать те листки, которые она уже прочла, читал он быстрее и закончили они одновременно.

— Это меняет дело, — задумчиво произнесла она.

— Предварительное соглашение... — он задумался. — Ордер выписан на четвертое декабря, а это... Белла! Это же завтра! Нам нужно немедленно от него избавиться!.. Его не должно быть здесь! Его... — он взглянул на часы. — Его будут искать завтра утром!

— Тихо, зайчик... Тихо, — она закусил губу. — Кажется, у нас вышла накладка.

— Ну, что еще?!

— Этот препарат, зайчик... Он здорово действует, но... есть одно «но». Да-да, тот, кого им накачали, сделает все, что ты скажешь. Выполнит любой приказ, не сможет не подчиниться, но... Ты что-нибудь знаешь о гипнозе?

— Очень мало.

— Ну да, ты же юрист... Законник. Что ты вообще знаешь, зайчика, кроме своих «законов»? Ну, ладно, слушай... Постгипнотический приказ, ну... то, что мы хотим сделать, может противоречить... и как правило, всегда вступает в противоречие с подлинными желаниями субъекта. Дэн ведь хочет уйти в Долгий Сон, а мы... Словом, это противоречие может привести к срыву, и он очутится в лапах психиатра, а психиатр, если он хороший врач, может докопаться до... В общем, вполне возможно, что Дэн сумеет избавиться от всего, чем мы его запичкали, и, если так случится, он доставит нам уйму хлопот.

— А, черт!... Ты же твердила, что знаешь все про этот... про это средство!

— Знаю, зайчик, знаю! Но жизнь иногда преподносит нам сюрпризы — этим она и интересна. Секунду!.. Дай мне подумать.

Прошло какое-то время, и она сказала:

— Самый простой и безопасный выход — отправить его в Долгий Сон, раз он на это настроен. Чем пичкать его нашими указаниями, а потом трястись — как бы он не снял «барьер» у психиатра, куда лучше дать ему возможность уйти в Долгий Сон, то есть осуществить его же желание! Прикажем ему забыть все про нас, про сегодняшний инцидент, и исполнить все условия контракта с «Взаимной Гарантисей». Потом «протрезвим» его и уведем отсюда куда-нибудь до завтра... Или, если хочешь, сначала увезем и где-нибудь приведем в чувство, — она повернулась ко мне: — Дэн! Когда ты собираешься заснуть?

— Я не собираюсь.

— Как, не собираешься?.. А это что такое? — она ткнула пальцем в кипу бумаг из «Взаимной Гарантисей».

— Бумаги для Холодного Сна, контракты с «Обществом Взаимной Гарантисей».

— Он не в себе, — пожал плечами Майлс. — Говорил я тебе...

— Да помолчи ты! Конечно, не в себе... А, черт! Я все время забываю, что они и ведь не могут думать! Могут разговаривать, отвечать на вопросы... Только вопросы надо уметь задавать! — она подошла ко мне вплотную и пристально посмотрела прямо в глаза: — Дэн! Я хочу, чтобы ты рассказал мне все о своих делах со Страховой Компанией! Все о Холодном Сне. Начни с самого начала и по порядку. У тебя в сумке лежат все подписанные бумаги для Сна, ты подписал их сегодня. А сейчас ты сказал, что не собираешься «засыпать». Расскажи мне все об этом, потому что я хочу знать: почему ты собирался это сделать, а теперь говоришь, что не собираешься?

Я рассказал ей все. Когда она четко задала вопрос, я смог ответить. Наверное, это заняло немало времени, потому что я рассказал все — до мельчайших подробностей.

— Значит, сидя в авторесторанчике, ты решил не «засыпать»? Решил прийти сюда и потрясти нас как следует, так?

— Да, — я хотел было рассказывать дальше о том, как я добирался сюда, что я говорил по дороге Питу, что Пит говорил мне, как я остановился у магазинчика, как распорядился акциями «Помошницы», как подъехал к их дому, как Пит не хотел оставаться в машине, как...

Но она сама не дала мне возможности сделать это, сказав:

— Ты опять изменил свое решение, Дэн. Ты опять хочешь уйти в Долгий Сон. Ты собираешься это сделать и сделаешь! Ничто на свете не сумеет тебе помешать это сделать, ты меня понял? Скажи, что ты собираешься сделать?

— Я собираюсь уйти в Долгий Сон. Я хочу... — я не успел договорить и покачнулся. Я стоял, не шелохнувшись, наверное, больше часа, потому что никто не приказывал мне шевельнуть хотя бы мизинцем. Я начал медленно падать на нее. Она откачулась и резко сказала:

— Сядь в кресло!

Я сел. Белла повернулась к Майлсу и сказала с усмешкой:

— Теперь ты понял? Ему можно вдолбить в голову что угодно!

Майлс глянул на часы.

— Он сказал, что доктор будет ждать его в полдень.

— Ну и прекрасно. У нас уйма времени. Лучше нам самим его завтра отвезти, чтобы не было никаких... Ах ты, черт!!

— Что еще?!

— Мы не успеем! Я вкатила ему лошадиную дозу, потому что хотела быстрее. К полудню он будет достаточно «трезв», чтобы для всех сойти за вполне нормального... Для всех, но не для врача!

— А может, это только формальность? Он ведь уже прошел медкомиссию, и все бумаги подписаны.

— Ты же слышал, что он сказал: Док будет проверять, пил ли он что-нибудь? Значит, все его рефлекссы, реакции.. Нет, Майлс, так ничего не выйдет!

— Может, отложить на день-два? Позвонить в «Гарантию», сказать, что... Ну, наплеши им что-нибудь, и...

— Заткнись. И дай мне подумать.

Она стала медленно перелистывать мои бумаги. Потом она вышла из комнаты и тут же вернулась, держа в руках «глазок», вроде того, каким пользуются часовщики и ювелиры. Она вставила его в глазницу, как монокль, и стала внимательно изучать каждый листок контракта. Майлс спросил было, что она там ищет, но она отмахнулась и велела ему заткнуться. Наконец она откинулась на спинку кресла, вынула из глаза «монокль» и облегченно вздохнула.

— Ну, слава богу! У них у всех стандартные бланки! Зайчик, принеси-ка мне телефонный справочник — такой желтый!

— Зачем?

— Ну давай же быстрее! Мне нужно посмотреть точное название фирмы... Я знаю его, конечно, но хочу быть уверена на все сто!

Ворча, Майлс притащил справочник. Она порылась в нем и сказала:

— Точно! «Общество Всеобщей Гарантии, Калифорния». Я боялась, что спутала его с «Временной Гарантией Авто-Транса», а у меня там нет никаких связей... И потом, я даже не знаю, есть ли у них гибернизация. По-моему, они занимаются только автомобильным и дорожными происшествиями, — она сладко потянулась. — Зайнчка, тебе придется отвезти меня сейчас в контору.

— За каким...

— А ты можешь еще где-нибудь достать перво-классную пишущую машинку? Прямо сейчас? Поехали... Впрочем, нет! Ты съездишь сам и привезешь ее сюда, а мне надо кое-кому звякнуть.

— Вот что... — он нахмурился, — Я кажется понял, что у тебя на уме... Слушай, Белла, это же безумие! Это... пахнет керосином!

— Да? — она расхохоталась. — А все остальное — нет? Слушай, зайчик, я же говорила тебе: у меня остались хорошие связи. Ты сумел бы повернуть дело с «Манникс» в одиночку?

— Ну... Не знаю.

— Зато я знаю! А вот ты, милый, вряд ли знаешь, что «Всобщая» — часть «Манникс»-комплекса.

— Ну, допустим, что так. И что из этого?

— А то, что мои связи остались при мне. Та фирма, зайчик, где я работала, помогала «Манникс Энтерпрайз» не очень обременять себя налогами. До тех пор, пока мой босс не... покинул страну. Как мы, по-твоему, провернем это дело без гарантии, что твой дружок, Дэн, не «заснет»? А с «Манникс» — дело верное, я много о них знаю... Давай быстренько поезжай и привези машинку — полюбуешься работой настоящей артистки... Кстати, будь осторожен, — она нахмурилась, — там ведь где-то бродит этот чертов кот!

Майлс поверчал, но стал одеваться. Он вышел и тут же вернулся.

— Послушай, Белла! Разве Дэн не оставил машину прямо перед домом?

— Конечно. А в чем дело?

— Ее там нет.

— Может он оставил ее за углом, какая разница? На кой черт тебе его драндулет? Поезжай и привези машинку. И побыстрее!

Он поколебался и вышел из комнаты. Я мог бы сказать ему, где именно я оставил машину, но так как меня никто не спрашивал, я даже не подумал этого сделать. Я вообще не думал. Белла вскоре тоже вышла, и я остался один.

К тому времени, когда уже рассвело, вернулся Майлс. Вид у него был здорово усталый. Он протащил тяжелую машинку через гостиную, и я опять остался один. Потом в комнату вошла Белла и сказала:

— Дэн! Тут у тебя есть бумага, где ты разрешасшь Сраховой Компании распоряжаться акциями «Помощницы» от твоего имени. Ты больше не хочешь отдавать такое распоряжение. Ты хочешь перевести их на мое имя.

Я молчал. Она поморщилась досадливо.

— Скажем так: Ты хочешь перевести их на меня. Ты сам знаешь, что хочешь отдать их мне. Ты знаешь это?

— Да. Я знаю, что хочу отдать их тебе.

— Хорошо. Ты хочешь отдать их мне. Ты должен отдать их мне. Ты не сможешь быть счастлив, пока не отдашь их мне. Так... Теперь, где они? У тебя в машине?

— Нет, — сказал я.

— Тогда, где же?

— Я отправил их по почте.

— Что-о-о?! Когда? Кому? Зачем ты это сделал?!

Если бы она задала второй вопрос в последнюю очередь, я должен был бы ответить на него. Но я ответил на тот, который был последним.

— Я переписал их.

В этот момент в комнату зашел Майлс.

— Ну, что? — спросил он. — Куда он их девал?

— Он... О, господи! Он сказал, что отправил их по почте! Сказал, что переписал их... Пойди найди и обыщи его машину! Может быть, он лишь думает, что отправил их... Ведь они же были у него, когда он вышел из «Взаимной Гарантии»!

— П е р е в е л?.. — воскликнул Майлс. — Час от часу не легче! Кому?! Куда?!

— Сейчас я спрошу... Дэн! Куда ты перевел свои акции?

— В Центральный Госбанк Соединенных Штатов, — ответил я.

Спроси она меня: «Кому?», или: «На чье имя?» — и я рассказал бы ей все про Рикки... Но она не спросила. Она сокрушенно покачала головой и сказала:

— Это битый номер, Зайчик! Из Госбанка нам их никогда не выцарапать! Если только... Если он на самом деле еще не успел их отправить, а только хотел перевести, тогда мне ничего не стоит приказать ему перевести их на мое имя...

— На наше, — поправил ее Майлс.

— Это уже детали... Пойди обыщи его «тачку»!

Некоторое время он отсутствовал, потом вернулся и устало сказал:

— Ее нигде нет! Я обошел все улицы и аллеи в парке... Он, наверно, приехал на такси.

— Он приехал на своей машине! — Ты что не слышал, как он сказал?

— Слышал. Но ее здесь нет... Спроси его, где и когда он отправил их.

Белла задала вопрос, и я ответил:

— Прямо перед тем, как приехал сюда. Я кинул их в ящик на углу Сепульвадского и «Вертура» бульваров.

— Может, он врет? — с надеждой спросил ее Майлс.

— Он не может сейчас врать! И вряд ли он что-то путает... Потом, когда он «заснет»... Может выясниться, что этот перевод не имеет силы, потому что он уже продал их нам. На всякий случай он сейчас подпишет пару пустых бланков — потом можно будет попробовать... — она положила передо мной бланки и велела мне расписаться на них. Я честно старался вывести свою подпись, но, видимо, у меня это получалось неважно. Она вырвала у меня из рук листки и выругалась: — Черт бы тебя побрал! Я сама могу расписаться за тебя лучше! — она наклонилась ко мне ближе и процедила; — как я жалею, что не пришла твою облезлую кошку!..

Они опять оставили меня одного в гостиной, а потом Белла пришла и ласково обратилась ко мне:

— Дэнни, я сейчас сделаю тебе укольчик, и тебе сразу станет лучше. Ты сможешь вести себя, как будто с тобой ничего не случилось. Но ты ни на кого не будешь сердиться, особенно на меня и Майлса — мы ведь твои лучшие друзья. Самые лучшие! Ты и сам это прекрасно знаешь, правда? Кто твои лучшие друзья?

— Вы. Ты и Майлс.

— Но я даже больше, чем друг. Я твоя сестра. Повтори-ка!

— Ты — моя сестра.

— Умница. Мы сейчас поедem на машине, а потом ты уйдешь в Долгий Сон — ты ведь болен, а когда проснешься, будешь совсем здоров. Ты меня понял?

— Да.

— Кто я?

— Ты — мой лучший друг. Ты — моя сестра.

— Молодчина. А теперь закатай свой рукав.

Я ничего не почувствовал, когда игла вошла мне в вену, но когда она выдернула ее, я вздрогнул, выпрямился, огляделся и спросил:

— Слушай, сестричка, зачем это?... Чем ты меня уколола?

— Так нужно, Дэнни, чтобы тебе стало лучше! Ты ведь был болен!

— Да-да... Мне и впрямь что-то не по себе. А где Майлс?

— Сейчас придет. Закатай-ка другой рукав.

— Зачем? — спросил я, послушно заворачивая второй манжет. Она сделала мне второй укол, и... я вскочил на ноги.

Она улыбнулась:

— Не больно ведь, правда?

— А? Нет-нет, совсем не больно. А для чего это?

— Чтобы ты спокойненько спал всю дорогу в машине. Когда мы приедем, я разбуду тебя.

— Ладно. Я с удовольствием посплю. Я хочу поспать... Я хочу уйти в Долгий Сон... Хочу долго спать... Слушай — неожиданно что-то «кольнуло» меня. — А где... Пит?! Пит ведь должен был заснуть со мной вместе, а?

— Пит? — переспросила Белла. — Разве ты забыл, дорогой? Ты отправил Пита к Рикки, чтобы она заботилась о нем.

— Да-да, конечно! — я с облегчением вздохнул. — Я послал его Рикки! — я помнил, как посылал его, и это замечательно, что я так сделал. Рикки любит Пита и позаботится о нем, пока я буду спать... Я здорово это придумал... послал его Рикки.

Вскоре пришел Майлс — мой лучший друг, старина Майлс, и мы все втроем сели в его машину. Я мгновенно заснул и проспал всю дорогу, но когда Белла обратилась ко мне, тут же проснулся... Майлс остался в машине, а мы с Беллой вошли в здание «Всеобщей Гарантии, Калифорния». Девушка за окошком взглянула на нас и спросила:

— Дэвис?

— Да-да, — кивнула Белла, — я его сестра. Нам нужен представитель компании.

— Он внизу в комнате № 9 — вас уже ждут. Бумаги отдадите прямо ему, — она с любопытством взглянула на меня. — Он уже прошел комиссию?

— Конечно. Брат нездоров, и... и мы вынуждены пойти на такую крайнюю меру, потому что... Ну, вы понимаете меня? Последнее время он уже не может обходиться без морфия — сильные боли.

— Да-да, я понимаю, — приемщица окинула меня жалостливым взглядом. — Идите прямо сейчас! Вот в эту дверь и сразу налево.

В комнате № 9 находились трое: мужчина в обычном костюме, еще один — в белоснежном халате и медсестра. Они стали помогать мне раздеваться и вообще обращались со мной, как с дебилом, пока Белла объясняла им про морфий, крайнюю меру, сильные боли и все прочее. Они уложили меня на стол, тот, что был в халате, помял мне живот и объявил:

— Все в порядке. Он почти «пустой».

— Со вчерашнего вечера он ничего не ел, — подтвердила Белла.

— Вот и прекрасно! А то, знаете, иногда они приходят сюда с набитым животом, — он усмехнулся. — На вид вроде разумный человек, а мозги, как у младенца... Мы часто с этим сталкиваемся.

— Да-да, — закивала она, — это часто бывает...

— Так-с... Ну, ладно. Сожми-ка руку в кулак, сынок, и покрепче. Я сделаю тебе уколчик.

Я сжал кулак, в вену мне вошла толстая игла, и... все стало расплываться в тумане. Вдруг я кое о чем вспомнил и попытался сесть.

— Где Пит? — с трудом выговорил я (язык плохо повиновался мне). — Я... хочу видеть... Пита!..

— Ну-ну, тихо, родной! — Белла быстро наклонилась надо мной, чмокнула меня в лоб и, пристально глядя мне в глаза, проговорила:

— Ты же помнишь — Пит не мог прийти. Питу пришлось остаться с Рикки.

Я с облегчением вздохнул и расслабился, а она со скорбной улыбкой пояснила окружающим, что «наш брат Пит» не смог прийти, потому что заболела дочурка — Рикки... Я же тем временем заснул. И во сне мне было жутко холодно. Но я никак не мог дотянуться до одеяла.

ГЛАВА ПЯТАЯ

...Долго и нудно я упрашивал бармена включить кондиционер, а он упрямо отказывался. В баре стоял жуткий холод, и мы все заболеем и умрем — я так ему и сказал, а он в ответ твердил:

— Ерунда! Это не важно. Нельзя чувствовать холода, когда спишь... Спишь... Спать... Прекрасный, освежающий сон... сон... — у него было лицо Беллы. Мне надоело его упрашивать.

— Как тогда насчет чего-нибудь горячительного? — спросил я. — Глоток виски? Или джина? Или, по крайней мере, кусок горячей ветчины, а?

— Ты сам — кусок ветчины! — Сурово сказал док. — Долгий Сон — слишком большая роскошь для тебя... Вышвырните его отсюда вон! — велел он.

Я постарался зацепиться ногами за стойку, чтобы они меня не вышвырнули, но у этого бара не было стойки, и это было жутко смешно, и я лежал на спине, и это было еще смешнее, потому что непонятно, как они могли обслуживать клиентов, у которых не было ног... У меня ведь не было ног, так как же, скажите на милость, я мог зацепиться ими за стойку, и стойки у них не было, а у меня не было... даже рук, не было...

— Ни-и-и-е-е-т ур-р-р-у-а!... сказал Пит, сел мне на грудь и начал выть...

Меня снова тренировали в Скаут-лагере, там, где вам все время суют за шиворот снег, чтобы сделать из вас настоящего мужчину... И мне нужно было взобраться на самую большую гору в Колорадо, так они мне велели, и она вся была из льда, и у меня не было ног... Но меня навьючили какими-то громадными тюками, потому что они хотели выяснить, можно ли использовать рекрутов вместо вьючных мулов... И мне приходилось все время, пока я лез на эту ледяную гору, тащить их на себе, потому что я был всего навсего рядовым... И я бы никогда не смог ступить и шагу без ног, если бы крошка Рикки не стояла сзади и не толкала меня в спину...

Ко мне повернулся старший сержант с лицом Беллы, и лицо это наливалось кровью от злости...

— Вперед! — крикнул он. — Пошевеливайся! Тебя никто не будет ждать! И никого не волнует, как ты

туда вскарабкаешься без ног! Но пока ты не доползешь до вершины, ты не уснешь!...

А я больше не мог ступить ни шагу, ведь у меня не было ног, и я упал прямо в снег, а снег был жутко теплым... И я заснул, хотя надо мной стояла Рикки и выла, и просила меня не засыпать, но я должен был уснуть и заснул, и спал... спал... Я проснулся в постели с Беллой... Она трясла меня за плечи и повторяла:

— Проснись, Дэн! Ну, проснись же... Не могу я ждать тебя тридцать лет... Девушка всегда должна думать о своем будущем! — Я попытался привстать и отдать ей мешки с золотом... много мешков... они у меня были под подушкой... Но она исчезла, а вместо нее появилась «Помощница» с лицом Беллы, и она подхватила мешки, положила их на свой подносик и укатилась... Я попытался догнать ее, но не смог, ведь у меня не было ног, вообще не было тела... И вообще на свете ничего не было, кроме сержантов, так какая разница, где и кем ты работаешь, если нет ничего... и и ч е г о! И сержанты снова навьючили на меня тюки с поклажей, и я опять полез вверх по ледяной горе... Она вся была такая белая-белая и круглая, но я знал, что, когда влезу на самую вершину, они дадут мне поспать... А я так хотел спать... Но я не мог туда забраться, ведь у меня не было ног... не было рук, не было и и ч е г о! А на горе полыхал пожар, снег почему-то не таял, но я чувствовал его жаркое пламя, оно накатывало на меня волнами, обдавало с ног до головы, но ведь у меня же не было ног... И я полз, полз и полз на вершину, а сержант шел рядом и бубнил мне в ухо:

— Просыпайтесь!.. Просыпайтесь... Просыпайтесь...

* * *

Он все-таки разбудил меня, а потом снова дал заснуть. Я плохо помню, что было потом. Помню, как я лежал на вибрирующем подо мной столе, а вокруг меня толпилось много людей в белых халатах, и в глаза бил яркий, ослепляющий свет. Когда я окончательно проснулся, я лежал в обычной больничной койке и чувствовал себя вполне нормально — только немного кружилась голова, и во всем теле была такая легкость, словно я побывал в турецкой бане. Руки, ноги — все было на месте...

Почему-то со мной никто не заговаривал, а едва я попытался задать какой-нибудь вопрос, медсестричка тут же совала мне что-то в рот. Время от времени мне делали массаж всего тела...

Так прошло дня два, а на третье утро я почувствовал, что я в полном порядке, и встал с постели... Я действительно был в норме, разве что немного ослаб — я знал, кто я, знал, как сюда попал и помнил всю чепуху, которая мне снилась. Я знал, кто меня сюда отправил. Все приказы Беллы, которыми она меня напичкала, вкатив наркотик, или не сработали, или... тридцать лет сна как следует промыли мне мозги. Какие-то подробности я помнил плохо, но я прекрасно помнил, как они меня «скрутили». Но я был не очень зол на них...

С одной стороны, все было со мною словно вчера, но, с другой... Я проспал тридцать лет, и все, что я испытывал к этой паре жуликов, как-то отдалилось от меня... Нет-нет, помнил я все прекрасно, как будто это действительно было вчера, но помнил сознательной памятью, а все, что чувствовал по этому поводу, утратило свежесть...

Я, безусловно, собирался повидать Беллу и Майлса и сделать из них фаршированную котлету, но куда спешить? С этим можно подождать, отложить на время, а сейчас... Сейчас мне жутко хотелось посмотреть на 2000-й год, но... Что-то смутно отозвалось во мне... Фаршированная котлета из Майлса и Беллы... Ну да, Пит ведь очень любил фар...

И только тут я вспомнил, что все мои планы — взять с собой в Долгий Сон Пита — были разрушены... Мои «замерзшие» было чувства мгновенно оттаяли. Они ведь хотели его убить — в тот вечер! Но... Они хуже чем просто убили его... Он наверное, одичал, и... Остаток дней бродил по грязным задворкам, искал объедки, худел день ото дня и ребра торчали наружу... И он был сломан — до самого конца был обречен не верить любой двуногой твари! Они убили его — ведь он был мертв теперь, но еще они сделали так... Ведь умирая, он думал, что я бросил, предал его! За это им придется заплатить, если они еще живы!

Если бы вы знали, как страстно я хотел, чтобы они были живы!...

Я стоял у своей койки в пижаме и осматривал помещение — оглядывался в поисках звонка или еще какого-нибудь способа позвать сестру или врача. Больничные палаты немногим отличались от прежних. Правда, здесь не было окон, и я не мог понять, откуда идет свет. Койка была высокая и узкая, как и все больничные койки, но по некоторым признакам я догадался, что она сконструирована не просто как место для сна: во-первых, под ней было переплетение каких-то толстых и тонких трубок, во-вторых, почной столик был частью самой кровати. В другое время я бы заинтересовался этим сооружением, попытался бы выяснить, для чего нужны эти трубки, но сейчас мне хотелось лишь позвать кого-нибудь и заполнить свою одежду.

Нигде не стенах не было видно ничего похожего на кнопку. Вертя головой, я покачулся (все-таки слабость еще чувствовалась), оперся рукой о столик (вернее, на выдвинутую из койки приставку) и... нажал на еле заметную клавишу. Тут же, прямо напротив моей головы, точнее, того места, где она была бы, если б я лежал на спине, загорелась надпись: «Вызов». Следом за ней появилась другая: «Принят», и через секунду дверь бесшумно скользнула в стену, и вошла медсестра. Сестры тоже не очень изменились. У той, что вошла в палату, были знакомые жесты и интонации младшего сержанта, на коротко остриженные, крашенные в ярко рыжий цвет волосы была кокетливо надвинута белая шапочка, и одета она была в обычную белую униформу — халатом это, конечно, не назовешь, но... «Халат» был шит как-то так, что он довольно странным образом прикрывал и не прикрывал тело (в 70-м я не встречал ничего похожего), но с женской одеждой (даже рабочей) можно ожидать сюрпризов и за гораздо меньшие сроки. В конце концов, медсестра всегда будет медсестрой, в любом году, ее всегда узнаешь по манере разговаривать:

— Сейчас же в постель!

— Где моя одежда?

— В постель. Немедленно!

— Послушайте, сестра, — вежливо, но твердо сказал я, — я пока еще свободный гражданин, мне давно

исполнился двадцать один год и никаких преступлений за мной, насколько я знаю, не числится. И я совершенно не должен ложиться в постель, если мне этого не хочется. Теперь, как насчет моей одежды: вы принесете ее, или мне придется бродить по всему зданию в таком виде?

Она окинула меня внимательным взглядом, неожиданно развернулась и вышла из палаты — дверь при ее приближении сама отъехала в сторону, а за ее спиной вновь захлопнулась. Однако, когда я подошел к выходу, дверь и не подумала отъезжать. Я принялся внимательно вглядываться в еле заметные пазы в том месте, где она входила в стену, ища какое-то подобие замка или запора — в конце концов, если один инженер сумел что-то сконструировать, то другой (я всегда был в этом уверен), если он действительно инженер, может разобраться в этом устройстве и понять принцип действия... Неожиданно дверь вновь убралась в стену, и на пороге показался мужчина.

— Доброе утро, — сказал он. — Я — доктор Альбрехт.

Одет он был довольно причудливо (чем-то он мне напомнил жителя Гарлема, решившего принарядиться для воскресного пикника), но все его резкие, точные движения в сочетании с умными и усталыми глазами явно свидетельствовали о принадлежности к медицинскому сословию — я как-то сразу поверил в него.

— Доброе утро, доктор, — кивнул я. — Я бы хотел получить свою одежду.

Он вошел в палату (дверь за ним тут же закрылась), порывшись в своем одеянии и вытащил пачку сигарет. Достав сигарету, он как-то чиркнул ею по воздуху и сунул в рот — она задымилась.

— Хотите закурить? — протянул он мне пачку.

— Нет-нет, спасибо...

— Если хотите, не стесняйтесь. Это не повредит вам.

Я опять отрицательно качнул головой. Вообще-то я всегда работал с сигаретой во рту: о том, как у меня продвигалось дело, можно было судить по количеству окурков в пепельнице и прожженных от пепла мест на чертежной доске. Но сейчас от одного запаха его сигареты я чувствовал легкую дурноту — может, я утратил вкус к этому занятию за тридцать проспанных лет...

— Как вам будет угодно, — пожал он плечами. — Итак, мистер Дэвис, я работаю здесь около шести лет специалистом по гипнопедии, оживлению после гибернации и прочим подобным вещам. За все годы работы здесь (и не только здесь) я помог восьми тысячам семидесяти трем пациентам вернуться из гипотермии к нормальной жизни. С вашего разрешения, вы — восемь тысяч семьдесят четвертый. Я не раз видел, как разные люди в вашем нынешнем положении совершали разные и, гм, довольно странные поступки... Странные — не для врача, разумеется.

Некоторые жаждали немедленно заснуть вновь и орали на меня, когда я не давал им этого сделать. Некоторые все же засыпали вновь, и их приходилось отправлять в... другое место. Кто-то, проснувшись, начинал рыдать, когда осознавал, что «билет» продавался только «туда», и думать о возвращении «обратно» уже поздно... Были и такие, которые, вот как вы сейчас, немедленно требовали свою одежду, чтобы скорее выбежать на улицу...

— А почему бы и нет? Разве они... Разве я — пленный?

— Нет. Вы, разумеется, можете получить вашу одежду, когда пожелаете. Очень скоро, правда, вы обнаружите, что она, м-мм слегка вышла из моды, но это уже ваши проблемы. И все же, пока вам ее не принесут (я могу сейчас же распорядиться), я бы хотел, чтобы вы объяснили мне: что такого срочного вам необходимо сделать именно сейчас, после тридцати лет сна? Что не может подождать нескольких часов или дней? Вы ведь, надеюсь, помните, что сон ваш длился тридцать лет... Так что, если не секрет, за неотложное дело у вас, которое вы «отложили» на тридцать лет? Может быть, оно все-таки подождет до вечера? Или, скажем, до завтра?

Я начал было сбивчиво объяснять ему, что у меня действительно срочное дело, но... неожиданно подумал: «А ведь он прав», и так ему и сказал.

— Если так, то окажите мне любезность, лягте сейчас в постель, дайте мне осмотреть вас, потом вы позавтракаете и, может быть, сами пожелаете задержаться, хотя бы для того, чтобы поболтать со мной. А потом можете бежать по вашим срочным делам на все четыре стороны. Но ведь может так случиться, что я окажусь

вам полезен и смогу подсказать, в какую именно сторону вам нужно бежать.

— Хорошо, доктор... — На меня вдруг накатила слабость и я лег. — И простите меня за настырность, глупо было, конечно, с моей стороны...

— Ерунда, — отмахнулся он. — Видели бы вы, что вытворяют другие, — он поправил на мне одеяло, наклонился над «столиком» и сказал, — Доктор Альбрехт в семнадцатой. Пришлите завтрак, м-мм... меню — минус четыре. — Потом он повернулся ко мне: — Перевернитесь на живот и поднимите куртку, я хочу пощупать, целы ли ребра. Можете тем временем задавать мне вопросы, если хотите.

Пока он тщательно осматривал и щупал мою спину, я попытался сосредоточиться... Стетоскоп у него походил скорее на миниатюрный аппарат для глухих, но одну вещь они так и не усовершенствовали: пластинка, которую он прикладывал к моей спине, была такая же твердая и такая же холодная, как обычно... О чем спросить через тридцатилетний «скачок»? Летают ли они к звездам? Выращивают ли младенцев в колбах?

— Скажите, док?... А что, в кинотеатрах по-прежнему продают кукурузные хлопья?

— М-мм? Последний раз, когда я там был, продавали. Но у меня мало времени на такие развлечения, так что это было довольно давно. Кстати, их теперь не называют «кинотеатрами»... И «киношками» тоже. Теперь это — «трясучки».

— «Трясучки»? А почему?..

— Попробуйте как-нибудь сходить. Сразу поймете. Только не забудьте пристегнуть ремни, когда усядетесь на место... Кстати, мистер Дэвис, по поводу разных слов и терминов... Мы здесь сталкиваемся с этой проблемой каждый день, поэтому у нас имеются некоторые пособия, облегчающие адаптацию проснувшихся. Например, каждый год выпускается словарь неологизмов, краткие сборники различных сведений — исторических, культурных... Ведь необходимо облегчить переход к нормальной жизни, а переход этот может быть весьма труден...
Весьма.

— Могу себе представить.

— Да, конечно. Особенно когда речь идет о таком сроке, как ваш. Тридцать лет — не шутка!

— Вы хотите сказать, тридцать — это максимум?

— И да, и нет. Максимальный срок, с которым мы сталкивались — тридцать пять. Клиент ушел в Долгий Сон в 1965-м. Вы — первый с таким сроком, которым занимаюсь я, но сейчас у нас есть «заснувшие» с контрактом на полтора столетия. Но тогда, в ваше время, вас, конечно, нельзя было подвергать столь длительной гибернации — ведь тогда об этом вообще имели лишь смутное представление. Риск был огромный и... вам повезло.

— Вот как?

— Именно вот так... Повернитесь, пожалуйста, на спину, — он начал слушать и щупать мне грудь. — Теперь мы знаем достаточно, чтобы предоставить желающему... да хоть бы и тысячу лет. Если бы нашелся кто-то, кто мог оплатить это удовольствие, я бы согласился взяться за такой «скачок»... Поддержать его примерно с год при температуре, в которой держали вас все тридцать, потом в одну миллисекунду сбросить до минут двухсот и... Он будет жить. Да, думаю, что будет... Давайте проверим ваши реакции.

Честно говоря, это дело с «сбрасыванием до минус двухсот» мне показалось небольшим удовольствием. Конечно, доктор Альбрехт симпатичный малый, да и врач, наверное, неплохой, но...

— Сядьте и положите ногу на ногу, — меж тем продолжал он. — Язык вряд ли вызовет у вас большие сложности. Сейчас я, разумеется, говоря с вами, строго придерживаюсь словаря 70-го... Знаете, я даже слегка горжусь собой. Ведь я могу говорить по своему выбору на том языке, какой привычен для любого из наших клиентов. Я проходил курс гипнопедического обучения. Но вам никакого курса не потребуется, через неделю с этим все будет в порядке, просто усвоите какие-то новые словообразования.

Я хотел было заметить, что, по крайней мере, четырежды он употребил выражения, которыми никто не пользовался в мое время (а если пользовались, то несколько иначе), но потом подумал, что это прозвучит невежливо.

— Ну вот и все, — сказал он. Между прочим, с вами хочет связаться миссис Шульц.

— Кто-кто?

— Вы ее не знаете? Странно. Она утверждает, что она — ваша старая приятельница.

— Шульц? — я пожал плечами. — Вообще-то я знал нескольких женщин с такой фамилией, но... Самая молодая из них — моя школьная учительница, а она наверняка уже давно в могиле.

— Возможно, она тоже воспользовалась Долгим Сном, и... Впрочем, вы можете связаться с ней, когда пожелаете. Сейчас я подпишу вам свидетельство о Пробуждении, но советую вам... как это... быть умницей, как у вас говорили, и побыть здесь пару дней — пройти курс реориентации. Сегодня, попозже, я еще загляну к вам, а сейчас вы позавтракаете. Ну, чмокаю — так ведь прощались в ваше время?

Я решил, что он должен быть гораздо лучшим врачом, чем лингвистом, поскольку... Но тут я увидел, кто принес завтрак (вернее, что, а не кто), и забыл обо всем. Оно осторожно и аккуратно объехало доктора Альбрехта, в то время как он шел, не обращая на это никакого внимания и даже не пытаясь обойти. Оно подъехало к кровати, склонилось над столиком и, разложив его так, что он стал раза в два больше, принялось аккуратно расставлять посуду.

— Желаете чашку кофе? — раздался из него приятный мужской баритон.

— Да, пожалуй... — на самом деле я предпочел бы выпить кофе горячим после завтрака, но мне было жутко интересно, как оно будет наливать кофе в чашку... Вообще с момента его появления в палате я никак не мог прийти в себя от восторженного изумления — это был «Универсальный Фрэнк» собственной персоной... Конечно, не тот «Фрэнк», которого я когда-то сделал и которого украли Белла и Майлс. Эта модель отличалась от моей, как современный скоростной автомобиль от самой первой машины с двигателем внутреннего сгорания, но... автор всегда узнает свою «руку» — я создал о с н о в у, и стоящий передо мной агрегат был вне всяких сомнений праправнуком «Фрэнка».

— Желаете что-нибудь еще? — спросил он.

— Подожди-ка минутку...

По-видимому, я сказал что-то не то. Он отъехал, засунул «руку» куда-то внутрь себя, вытащил пластиковую карточку и подал ее мне. От карточки к нему тянулась тонкая металлическая цепочка. Я взглянул на нее и прочел:

Звуковой «Услужливый Бородач» — модель № XVII-а

ПРЕДУПРЕЖДАЕМ! Этот автомат не понимает человеческую речь, как и любой другой прибор, это — машина. Но для вашего удобства он запрограммирован таким образом, что способен отвечать и реагировать на целый ряд команд (список прилагается). Любые слова, не входящие в прилагаемый перечень и произнесенные в его присутствии, он или оставит без внимания, или (если отданная команда будет произнесена искаженно и вызовет дилемму) предложит вам прочесть это примечание. Пожалуйста, внимательно ознакомьтесь с ним.

Благодарим вас.
Автоинженерная корпорация
«Аладдин»
Производство «Услужливого
Бородача», «Уни-Вилли»,
«Чертежника Дэна», «Зеленой
Тумбы» и «Нэнси». Дизайне-
ры и консультанты по вопро-
сам Автоматизации.

К вашим услугам!

Ниже стояло их клеймо с изображением Аладдина, трущего лампу, и вылезавшего из бутылки джинна, а дальше шел длинный перечень простых команд, типа: «Постой», «Иди», «Да», «Нет», «Быстрее», «Медленнее», «Подойди поближе», «Позови сестру»... Завершался этот перечень списком чисто больничных команд, среди которых было много мне непонятных терминов. И в самом конце было примечание: «Приказания от 87-го до 242-го могут быть отданы только медицинскими работниками и потому не внесены в данный перечень».

Я не снабдил своего «Фрэнка» переговорным устройством, но не потому, что вообще не думал об этом. Просто такое устройство весило и стоило бы больше, чем весь мой «Фрэнк», и я установил обыкновенную панель с кнопками. Теперь я подумал, что мне придется здорово подучиться, если я хочу заниматься своим любимым делом... И чем раньше я начну, тем лучше... Вообще-то, честно говоря, мне захотелось начать сию минуту — глядя на «Бородача», я предвкушал для себя много удовольствия, массу новых возможностей...

Работа инженера, конструктора, конечно, искусство, но искусство прикладное, и зависит оно... ну, от общего развития. Я хочу сказать, что, скажем, железную дорогу можно построить только, когда наступает время — время железных дорог, и не раньше. Взять хотя бы беднягу профессора Лэнгли — он построил свой летательный аппарат, который должен был взлететь,

потому что в него был вложен весь талант его создателя. Но Лэнгли на несколько лет опередил время воздушных полетов, и дело кончилось крахом... Или великий Леонардо — он настолько опередил свое время, что почти все его гениальные замыслы были тогда неосуществимы... Да, меня здесь наверняка ожидала масса приятных сюрпризов... То есть, я хочу сказать, не здесь, а теперь. Я вернул «Бородачу» инструкцию, встал с постели и принялся внимательно изучать фирменную табличку на его корпусе. Я бы ничуть не удивился, если бы увидел на пластиковой карточке: «Домашняя Помощница Инкорпорэйтед». Может быть, «Аладдин» — дочернее предприятие «Манникс Энтерпрайз»? Но на табличке ничего не было написано, кроме серийного номера модели, названия завода и... Внизу стояли даты продажи патентов. Самая ранняя из них — 1970-й... Без сомнений, это был патент на мою самую первую модель. На столике я нашел карандаш и блокнот и записал номер этого патента... Из чисто праздного любопытства, конечно: даже если он и был украден у меня (а я ни секунды в этом не сомневался), его срок истек в 1987 году (если не изменились действующие тогда законы). Сейчас имели силу лишь те патенты, которые были зарегистрированы после 1983-го. Но тем не менее я хотел знать...

Автомат мигнул лампочкой и объявил:

— Меня ждет вызов. Я могу идти?

— М-мм? А-а, конечно, валяй!.. — он полез было опять за инструкцией, но я торопливо сказал. — Иди!

— Благодарю вас. Всего хорошего, — он сделал вокруг меня «круг почета» и выкатился из палаты.

Дверь за ним закрылась, я сел на койку и принялся за свой, как я думал, уже остывший завтрак. Только он не остыл... По количеству «меню минус четыре» могло вполне хватить на завтрак взрослому воробью, но, как я ни был голоден, оказалось, что этого мне вполне достаточно. Может быть, у меня уменьшился желудок, или... Только когда я кончил есть, я вспомнил, что ел п е р в ы й раз за тридцать лет, и вспомнил я об этом только потому, что вместе с завтраком он принес и само «меню» — то, что я принял было за поджаренную ветчину, там обозначалось как «сухая полоска сушеных дрожжей — провинциальный стиль 1970-го»... Но гораздо больше, несмотря на тридцатилетнюю голодовку,

меня занимало сейчас другое: вместе с завтраком «Бородач» принес мне газету — «Лос-Анджелес Таймс», 13 декабря 2000 года».

Газеты не очень изменились, во всяком случае, по размеру. Та, что лежала сейчас передо мной на столике, была обычного формата, только вместо серой бумаги — белоснежная, и иллюстрации — или цветные, или черно-белые стерео... Каким образом достигался стерео-эффект, мне было не очень понятно. Стерео-картинки я видел еще мальчишкой на открытках с рекламой мороженой пиццы в начале 50-х, но у них была толстая пластиковая основа. Эти же были на обычной тонкой бумаге. Я попытался перевернуть страницу, но у меня ничего не вышло — газета лежала на столике — там, где ее аккуратно разложил «Бородач», и, казалось, прилипла намертво к поверхности. Сколько я ни старался, у меня никак не получалось, пока я случайно не коснулся рукой листа газеты в правом нижнем углу — верхний лист тут же свернулся и исчез... Как это получалось, я не понимал, но точно так же исчезали следующие листы, едва дотрагивался до них в правом нижнем углу.

Половина газетных заголовков была столь знакома и привычна, что у меня возникла легкая тоска по дому — что-то вроде ностальгии: «Ваш сегодняшний гороскоп!», «Объявляется состав нового кабинета министров», «Государственный департамент посягает на свободу прессы! — говорит Н. У. Солон», «Пакистан предупреждает Индию»... — и так далее, и тому подобное.

Некоторые заголовки были для меня необычны, но слова говорили сами за себя: «Программа «Луна-Шаттл» временно приостановлена, двадцатичетырехчасовая станция получила две пробоины!», «Над четверыми белыми учинен суд линча в Кейптауне — в качестве ответной акции, происшедшей на прошлой неделе!», «Наемные Мамы требуют повышения заработной платы и объявления «любительниц-дилетанток» вне закона», «Фермер Миссисипи подписался под проектом закона, запрещающего использовать препарат «Зомби» — его собственные слова: «Он не лечит! Он делает из людей кретин!»... Приблизительно можно было понять значение таких фраз, особенно последней... Это мне довелось испытать на себе и в душе я был целиком согласен с фермером...

Было немало и таких заголовков, которые вообще

ничего для меня не значили. Какие-то «воглы» продолжали распространяться, и еще три французских города были эвакуированы, Король вот-вот должен был приказать очистить пространство (?). Ну, допустим, что во Франции теперь есть король (французы способны на многое), но что это за «Санитарная Пудра», которую собираются использовать против каких-то «воглов»? И «воглы»?.. Я от души понадеялся, что это не связано с радиацией, потому что в армии когда-то (действительно когда-то!) получил случайную дозу по ошибке (еще в бытность мою техником в Сандии). Доза была небольшой, но меня предупредили, чтобы я остерегался таких случайностей на будущее...

Дивизион лос-анджелесской полиции в Лагуне Бич был снабжен «Лейками», и командир Дивизиона велел всем «Тедди» убираться вон из городка: «Мои люди получили приказ — сначала наркать, а уже потом субстикать! С этим должно быть покончено!» Я решил на всякий случай держаться подальше от Лагуны Бич, пока не выясню, что означает вся эта тарабарщина, — почему-то мне не очень хотелось, чтобы меня «наркали» и «субстикали»...

Некоторые колонки начинались вполне понятными словами и фразами, но дальше... сплошной туман. Чтобы дать глазам немного отдохнуть, я переключился на знакомый отдел регистраций рождений, смертей, свадеб и обнаружил, что теперь там есть две новые колонки: «Заснувшие» и «Оживленные». Я поискал и нашел «Соутел Убежище» и там, под рубрикой «Оживленные» увидел свою фамилию... Это вызвало у меня пусть слабое, но хоть какое-то чувство своей... «причастности» что ли...

Очень интересные были приложения и объявления — одно из них я принялся обдумывать почти всерьез: «Привлекательная и еще молодая вдова со склонностью к путешествиям ищет встречи с мужчиной тех же качеств и склонностей. Цель: двухгодичный брачный контракт». Но что меня заинтересовало по-настоящему, это — отдел рекламы. «Домашняя Помощница» со всеми ее «сестрами», «братьями» и прочими «родственниками» была повсюду... С той самой фирменной эмблемой, которую я когда-то придумал, — девчонка со щеткой в руках. Я испытал невольное сожаление от того, что поспешил избавиться тогда от акций — пожалуй, сейчас этот

«пакет» весил куда больше, чем все мои остальные сбережения... Впрочем, нет — не избавься я от него тогда, эта пара воров прикарманила бы его... Они подделали бы перепись, и все досталось бы им, а так... Если акции достались Рикки и принесли ей состояние, то это — лучшее, о чем я мог только подумать! Рикки!.. Господи, да если бы Рикки была на десять лет старше тогда, я бы и не взглянул в сторону Беллы! И все могло повернуться совсем иначе... Сколько же ей сейчас? Сорок... Нет, сорок один. Трудно было представить себе сорокалетнюю Рикки, хотя... сейчас это, наверное, совсем еще не старуха... Впрочем, и в те годы сорокалетнюю женщину было трудно отличить от двадцатилетней с расстояния... двадцати метров. Если она сейчас богата... Что ж, я разрешу ей купить мне порцию виски и мы выпьем с ней за упокой маленькой и славной души Пита. А если что-то случилось, если... у нее нет денег, несмотря на те акции, тогда... Тогда, черт возьми, я просто женюсь на ней! Ну да, женюсь! И какая мне разница — старше она меня или моложе?! С моей страстью к приключениям мне как раз нужен кто-нибудь постарше, чтобы вовремя сказать: «Нет!» Рикки — идеальный вариант. Она заботилась о Майлсе, со всей серьезностью вела его хозяйство, когда ей было всего десять. Значит, в сорок она будет делать это никак не хуже, и... вообще она не может стать хуже! Ну, разве что... немного расплылась.

От этих мыслей впервые за все время, с тех пор как я «проснулся», перестал чувствовать себя в жутком одиночестве. На сердце у меня потеплело — ведь у меня была Рикки, а с ней...

Какое-то время я нежил и холил в себе это чувство, пока схидный голосок внутри не шепнул мне: «Очнись, кретин! Ты никогда не женишься на Рикки, потому что такая славная и красивая девчонка, как она, уже должна быть замужем по меньшей мере лет двадцать!.. У нее, должно быть, как минимум, четверо детей... Ее старший сын, наверное выше тебя... А ее муж вряд ли обрадуется и встретит с распростертыми объятиями «Старого дядю Дэна!»

Я еще немного послушал этот «голос», чувствуя, как кожа на моем лице почему-то стягивается, и наконец, сказал вслух: «Ладно! Ладно... Этот поезд тоже ушел. Но... я все же могу взглянуть на нее. В конце концов,

худшее, что они могут, — всего-навсего застрелить меня... Она была единственная, кто понимал Пита...» Я машинально перевернул газетную страницу и невидящими глазами уставился на нее... Меня охватила жуткая тоска от мысли, что я потерял и Рикки, и Пита... Я так и уснул, склонившись головой на столик с газетой, и спал, пока «Бородач» не принес мне ужин. Во сне ко мне пришла Рикки, взяла меня за руку и ласково стала говорить: «Все в порядке, Дэнни! Все хорошо! Я нашла Пита, и теперь мы будем здесь все вместе! Правда Пит? — Ммиш-у-у, ес-с-щ-щ-е бы!..



Словари неологизмов я едва пролистал и тут же забыл о них. На сборник исторических сведений и фактов я потратил больше времени — за тридцать лет может случиться многое... Впрочем, к чему издавать такие сборники, если любой мальчишка знает это куда лучше, чем я? Нет, разумеется, мне было интересно обнаружить, что... Англия стала провинцией Канады, но рано или поздно я все равно узнал бы об этом.

Чем я заинтересовал по-настоящему, это «Паникой 87-го»! Ведь золото — прекрасный материал для разных технических нужд, и то, что оно сейчас перестало быть денежной основой и стало дешево, для меня лично не было трагедией... Хотя, наверное, кто-то и потерял на этом последнюю рубашку.

Я стал думать, что можно сделать из золота при его большом удельном весе, хорошей проводимости и прекрасной ковкости... Я понял, что мне прежде всего нужно почитать техническую литературу. Елки-палки!.. Да ведь для миниатюризации оно просто бесценно! Взять хотя бы этого «Бородача» — ведь у него «голова» битком должна быть набита золотом! Да-а, мне надо как можно быстрее узнать все, что придумали «ученые мальчишки» за те тридцать лет, пока меня не было!

В «Соутел Убежище» технической литературы, конечно, не могло быть, и я объявил доктору Альбрехту, что собираюсь с ним расстаться. Он пожал плечами, обозвал меня идиотом и дал согласие. Я остался лишь еще на одну ночь, и то потому, что здорово устал от лежания на спине и бесконечного чтения...

Современную одежду мне принесли на следующее

утро — сразу же после завтрака. Один я не сумел с ней справиться. Сама по себе она выглядела не такой уж дикой (хотя мне никогда не доводилось носить штаны, расширяющиеся кверху), но застегнуть ее без длительной тренировки было невозможно. Наверное, и у моего деда возникли бы трудности с «молниями», если бы ему не дали возможность вникать в их устройство постепенно... Вероятно, придется нанять себе мальчика на то время, пока я не запомню, в какой последовательности дотрагиваться до разных частей штанин, чтобы застегнуться и расстегнуться.

Я попытался чуть-чуть ослабить пояс, и штаны едва не слетели с меня. Никто не засмеялся.

— Что вы собираетесь делать? — спросил доктор Альбрехт.

— Делать? Ну, прежде всего я куплю карту города. Потом постараюсь найти место, где я мог бы спать, а потом... Я собираюсь ничего не делать, а лишь читать разные технические пособия... Я ведь инженер, док, и собираюсь им остаться.

— М-мда... Что ж, желаю удачи. И... звоните мне без колебаний, если будут какие-то затруднения.

— Спасибо, док! — я протянул ему руку. — Вы здорово помогли мне... Может, об этом и не стоит говорить, пока я не навестил свою Страховую Компанию и не узнал, на каком я свете, но... Я не собираюсь отделаться простым «спасибо». Благодарность за то, что вы сделали для меня, должна иметь более материальные очертания. Поняли мою мысль?

— Понял, — кивнул он. — Мысль хорошая. Но мой доход определен контрактом с «Убежищем».

— Само собой, док! Но это не мешает...

— Мешает. Я ничего не могу принять от вас, и давайте больше к этой теме не возвращаться, — он пожал мне руку. — Станете на этот каток и попадете прямо в главную контору... — несколько секунд он колебался в нерешительности, потом сказал:

— Вот что, если вам поначалу придется нелегко, помните — по контракту у вас есть еще четыре полных оплаченных дня. В любой момент вы можете ими воспользоваться.

— Спасибо, док! — искренне сказал я. — Но ручаюсь, я приду лишь затем, чтобы повидаться с вами и посидеть в каком-нибудь заведении.

Я «въехал» в главную контору и подошел к «приемщице». Лишь только я назвал себя, мне было вручено еще одно извещение о новом звонке миссис Шульц. Я так и не позвонил ей, потому что не знал, кто это такая, а в «Убежище» запрещались визиты и звонки без согласия клиента. Я глянул на извещение и машинально засунул его в свою... м-мм, рубашку (если это можно так назвать), думая о том, что, быть может, напрасно когда-то сделал «Универсального Фрэнка» таким у н и в е р с а л ь н ы м — приемщицей все-таки должна быть смазливая девица, а не машина...

— Сюда, попрошу вас, — приятным женским голосом сказал автомат. — Наш казначей хочет встретиться с вами.

Я тоже хотел встретиться с ним, и поэтому не стал терять времени. Интересно... Сколько у меня сейчас денег? Хорошо, что я вложил их в акции, а не вслеп сохранил в банковском сейфе — после «Паники 87-го» от них тогда вряд ли что-нибудь бы осталось. Теперь же по меньшей мере два из пакетов должны принести мне хорошие барыши — я читал финансовый отчет в «Таймс»...

Казначей, к счастью, был человеком, хотя и выглядел, как казначей.

— Добрый день, мистер Дэвис, — он торопливо пожал мне руку. — Как поживаете? Как себя чувствуете? Меня зовут мистер Доути. Садитесь, прошу вас.

— Добрый день, мистер Доути, — сказал я. — Я постараюсь отнять у вас не слишком много времени: будьте добры, скажите — моя Страховая Компания передала вам мои бумаги, или мне нужно обратиться непосредственно к ним в контору?

— С а д и т е с ь ж е, прошу вас! Я должен кое-что вам объяснить.

Я послушно сел. Его ассистент (опять старина «Фрэнк») положил перед ним папку с бумагами, он взял ее в руки и сказал:

— Здесь оригиналы Ваших контрактов. Хотите ознакомиться?

Я очень хотел с ними ознакомиться, потому что с момента пробуждения не переставал грызть ногти и гадать: сумела Белла каким-нибудь образом приложить свое искусство к заверенному чеку? С заверенным чеком

выкинуть такую штуку довольно сложно, но... Сама Белла была «штука» не простая...

С облегчением я увидел, что она оставила все мои распоряжения нетронутыми, кроме, естественно, контракта на Пита. Не было и распоряжений относительно акций «Домашней Помощницы» — думаю, что она просто сожгла эти бумаги, чтобы избежать лишних вопросов. Я внимательно и с невольным восхищением вглядывался в ту дюжину или больше мест, где она заменила «Общество Взаимной Гарантии» на «Общество Всеобщей Гарантии, Калифорния»... Да, она была мастером! Конечно, какой-нибудь эксперт-ученый с микроскопом, химическим анализом и прочими делами наверняка мог обнаружить и доказать подделку. Но я не мог. Не знаю, как ей удалось это сделать на обороте заверенного чека (там специальная бумага с «защитой» от исправлений), но ей удалось... В конце концов, то, что придумано одним человеком, может быть разгадано другим, если у него варят мозги, конечно. У Беллы они в а р и и!

Мистер Доути тем временем прочистил горло, откашлялся и забарабанил пальцами по столу. Я взглянул на него и спросил:

— Мы можем обсудить мои дела здесь?

— Да.

— Тогда один вопрос — сколько?

— М-мм... Мистер Дэвис, прежде чем мы подойдем к этому вопросу, я бы хотел обратить ваше внимание на один документ и... на одно обстоятельство. Вот контракт, заключенный между этим «Убежищем» и «Всеобщей Гарантией, Калифорния» — на вашу гипотермию, содержание и последующее возвращение к нормальной жизнедеятельности. Заметьте, что вся плата внесена заранее. Это и в ваших, и в наших интересах, поскольку гарантирует ваше благополучие на тот период, пока вы спите и, естественно, не можете защищать себя.

— Звучит внушительно. Неплохой контракт, наверное.

— Да. Он защищает ваши интересы. Ну а теперь вы должны понять, что наше «Убежище» совершенно отдельная корпорация и независима от той Страховой Компании, которая занимается вашими делами.

— Мистер Доути, скажите проще, к чему вы клоните?

— У вас есть какие-либо иные вложения, кроме тех, которыми вы доверили распоряжаться «Всеобщей Гарантии»?

Я задумался. Когда-то у меня была машина, но... что от нее могло остаться теперь? В тот чудный день, когда я переступил порог майлсовского дома и впутался во всю эту историю, у меня с собой было что-то около сорока долларов наличными, сверток с кое-как скомканной одеждой и книгами (никогда не умел укладываться) и еще какая-то мелочь. Все это, конечно, осталось у той парочки...

— Нет, мистер Доути, у меня нет даже автобусного проездного.

— Тогда... Мне очень неприятно говорить вам это, но... У вас вообще теперь нет никаких сбережений.

Мне показалось, что земля уходит у меня из-под ног...

— То есть как?.. Что вы хотите этим сказать? Акции некоторых фирм, в которые я вложил тогда деньги, теперь стоят гораздо дороже, я знаю!.. — я вытащил газету, оставшуюся у меня от сегодняшнего завтрака. — Вот тут все написано!

— Мне очень жаль, мистер Дэвис, — он покачал головой, — но у вас нет никаких акций. Ведь вы поручили «Всеобщей Гарантии» купить их для вас — поручили им вести все ваши дела, а «Всеобщая Гарантия» обанкротилась.

Он вовремя помог мне усидеть на стуле. Меня вдруг охватила жуткая слабость.

— Как это случилось? Паника восемьдесят седьмого?

— Нет-нет, это следствие общего банкротства «Маиникс Энтерпрайз»... Но вы, разумеется, ничего не можете об этом знать... Словом, это случилось уже после Паники, хотя началось как раз тогда, в 87-ом. «Всеобщая Гарантия» не выдержала бы Паники, если бы ее искусственно и в обход законов не «подкармливали», создавая видимость благополучия. При естественном ходе вещей осталось бы хоть что-то, но... К тому времени, когда все обнаружилось, от компании не осталось практически ничего... И тех, кто был в этом виновен, уже нельзя было привлечь к ответственности — они были вне пределов досягаемости... Правда, должен вам сказать, если это хоть в какой-то мере может по-

служить вам утешением, что по существующим теперь законам ничего подобного случиться не может.

Для меня это не явилось утешением, да кроме того я и не верил в это — мой старик любил повторять, что чем сложнее закон, тем больше возможностей у разных проходимцев обойти его. Правда, он еще часто говорил, что мудрый человек должен всегда быть готов «потерять весь багаж»... Интересно, сколько раз мне нужно избавиться от «багажа», чтобы поумнеть?..

— Мистер Доути, скажите... Просто так, я хотел бы знать... из чистого любопытства... Как поживает «Общество Взаимной Гарантии»?

— «Взаимная Гарантия»? Солидная фирма. Конечно, их хорошенько потрясло во время паники, но... Справились. А что, у вас есть там?..

— Нет, — коротко ответил я, не вдаваясь в объяснения. Какой смысл? Я ведь так и не использовал контракта с ними. И судиться с «Всеобщей» тоже было бессмысленно. Что толку подавать в суд на обанкротившуюся компанию? Я, правда, могу подать в суд на Беллу и Майлса, если они еще... Но это тоже глупо — у меня нет ни единого доказательства. Кроме того, я вообще не хотел судиться с Беллой, другое дело — вытатуировать тупой иглой на ее спине и груди «ВОРЮГА»!.. Тогда я, может, заплачу ей за то, что она сделала с Питом. Впрочем, я еще не решил для себя, какой именно меры она заслуживает. А о деталях можно подумать на досуге...

Неожиданно я вспомнил, что они хотели продать «Помощницу» «Манникс Энтерпрайз», когда вышвырнули меня.

— Мистер Доути, вы уверены, что у тех... ну, из «Манникс» действительно ничего не осталось? Разве не им принадлежала «Домашняя Помощница»?

— «Домашняя Помощница»? Вы имеете в виду фирму домашней автоматической obsługi?

— Ну да.

— Вряд ли это возможно. То есть на самом деле это никак невозможно — «Манникс» больше не существует. Я, конечно, не могу с уверенностью сказать, что у них никогда не было никаких связей с «Помощницей», но... если и была, то недолгая. Иначе я бы знал.

Ну что ж, раз Белла и Майлс попались на банкротстве «Манникс», то меня это вполне устраивало... Но

с другой стороны, если «Манникс» принадлежала «Помощница», Рикки тоже должна была пострадать, а я меньше всего хотел этого... Я поднялся с кресла.

— Благодарю вас, мистер Доути, вы прекрасно мне все объяснили... Пожалуй, мне теперь пора самому заняться своими делами...

— Одну минуту, мистер Дэвис... Мы несем определенную ответственность за людей, у которых есть контракты со страховыми фирмами, и вы, как сами понимаете, безусловно, относитесь к этой категории. Совет директоров предоставил в мое распоряжение небольшой фонд как раз для подобных случаев. Этот фонд...

— Благодарю, мистер Доути, но благотворительностью я не пользуюсь. Еще раз спасибо...

— Никакой благотворительности. Обыкновенная взаимопомощь. Поверьте, если бы наши потери были велики, такой фонд просто не мог бы существовать... И потом, мы вовсе не хотим, чтобы вы уходили от нас вообще без гроша в кармане.

Я задумался. У меня не было денег даже на парикмахерскую, но... Одалживать, занимать — это все равно, что плыть с кирпичом в руках... Я знал по себе, что небольшую сумму труднее отдать, чем миллион.

— Мистер Доути! — мне кое-что пришло в голову. — Доктор Альбрехт сказал, что по контракту я могу провести еще четыре дня здесь... Еда, постель и все прочее?

— Вероятно. Я могу уточнить в вашей карточке, но... В любом случае, мистер Дэвис, мы не выбрасываем людей на улицу даже в случае истечения срока, указанного в контракте, если они к этому неготовы.

— Я так вовсе и не думал. Скажите... Сколько стоят одни сутки в этой палате?

— Но эти палаты не сдаются таким образом, и цена на них просто нет. Здесь же не больница, мы только осуществляем переход к нормальной жизнедеятельности наших клиентов. То, что называют «пробуждением» и «реориентацией».

— Да-да, конечно. Но все-таки вы должны знать, во что обходится один день. Это же необходимо для каких-то расчетов.

— М-мм... И да, и нет. Комната сама по себе не обходится нам ни во что, поэтому рассчитываются услуги... Операции, уход, диетическое питание и так далее.

Я могу подсчитать, если вам это нужно, но я, право...

— Не стоит. Скажите просто, сколько стоит аналогичная палата в больнице?

— Это немаложно не мой профиль, но... думаю, около ста долларов в сутки.

— У меня есть четыре дня, не так ли? Можете вы одолжить мне эти четыреста долларов?

Он не ответил мне, а сразу продиктовал какие-то цифры своему механическому ассистенту. Через секунду я держал в руках восемь пятидесятидолларовых бумажек.

— Спасибо, — искренно сказал я. — Я постараюсь отдать их как можно скорее. Шесть процентов вас устроит? Или сейчас этого мало?

Он покачал головой.

— Это не в долг. Раз уж вы так повернули, я оформил их как компенсацию за неиспользованное время.

— Послушайте, мистер Доути, я вовсе не хочу урвать какой-то кусок. И я, конечно же...

— Ради бога, мистер Дэвис! Ассистент уже все оформил. Не хотите же вы, чтобы я дважды переоформлял какие-то четыреста долларов? Так или иначе я собирался выдать вам значительно большую сумму, можете мне поверить.

— Что ж... тогда не буду спорить. Скажите, а какие сейчас цены?

— М-мм... Это довольно сложный вопрос.

— Ну, все-таки. Хотя бы приблизительно... Сколько стоит скажем, обед?

— Еда сравнительно дешевая. За десять долларов вы можете вполне прилично пообедать... В недорогом ресторане, разумеется.

Я еще раз поблагодарил его и вышел. В общем мистер Доути мне пришлось по душе. Он напомнил мне одного знакомого каптенармуса в армии. Каптенармусы делятся на две категории: один покажет вам параграф в уставе, из которого следует, что вы никоим образом не можете получить вам положенного; другой будет рыться в том же уставе, пока не найдет параграфа, благодаря которому вы можете получить то, что вам нужно, даже если вам это и не полагается. Доути несомненно относился ко второму разряду...

«Убежище» выходило прямо на Уилширскую аллею — перед зданием были красивые клумбы с цветами,

деревья, там и сям разбросаны скамейки. Я присел на одну из них и стал соображать, что мне делать дальше. При Доути я старался держать хвост пистолетом, но, честно говоря, настроение у меня было паршивое, хотя в кармане и похрустывали пятидесятидолларовые бумажки (обедами на несколько недель я был пока обеспечен). Но погода была прекрасная, светило солнце, я сидел в красивой аллее, было молод (во всяком случае биологически), у меня были две руки, и мозги, как мне казалось, варили неплохо. Насвистывая «Аллилуйя-аллилуйя», я раскрыл «Таймс» и нашел колонку с заголовком «Требуются на работу...» Подавив желание просмотреть немедленно раздел «Профессия — инженер», я стал искать раздел «Без квалификации». Он был до обидно мал: две или три строчки... Я с трудом нашел его.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Я устроился на работу на следующий же день — в пятницу, пятнадцатого декабря. За короткое время я ухитрился несколько раз попасть в щекотливое положение — мне то и дело приходилось вдалбливать в свою голову совершенно новые правила поведения, новые значения слов... Словом, я понял, что проходить реориентацию по словарям и пособиям, это все равно, что узнавать о сексе только из брошюр.

Думаю, у меня было бы меньше проблем, если бы я неожиданно очутился где-нибудь в Омске, Сант-Яго или Джакарте. В совершенно чужой стране, чужом городе я был бы как-то внутренне готов к тому, что вся жизнь тут со всеми ее обычаями другая. Но в Лос-Анджелесе у меня было невольное чувство, что ничего не изменилось, хотя я прекрасно видел, что изменилось многое. Конечно, тридцать лет в принципе пустяк. Человек за свою жизнь может столкнуться и с гораздо большими переменами, но постепенно, а не скачком, как это выпало на долю мне.

Взять хотя бы одно разнесчастное слово, которое я произнес, не имея в виду ничего плохого — оказалось, его ни в коем случае нельзя было произносить в присутствии дамы. И только тот факт, что я был «Спящим»

(а я поспешил сказать об этом), удержал ее мужа от явного намерения, которое было написано у него на лице, врезаться мне по зубам. Я, конечно, не буду писать его здесь... Хотя, почему бы и нет? Я ведь хочу кое-что объяснить, и если вы не верите, что в мое время под этим словом не подразумевалось ничего плохого, загляните в старые словари. Я же ручаюсь головой, что, когда я был мальчишкой, никто не писал это слово на заборах! Нормальное слово — «пиннок» (прошу прощения у дам).

Были и другие слова... Я и сейчас произношу некоторые, лишь подумав перед этим. Нет-нет, они не стали нецензурными, а просто изменили значение. Слово «хозяин», например, никогда не имело отношения к контролю рождаемости... Но, в конце концов, я привык более или менее аккуратно обращаться со словами и думать перед тем, как говорить.

Работу я себе нашел тоже не очень... м-мм, привычную: я ломал совершенно новехонькие наземные автомобили, которые потом грузили на корабли и отправляли обратно в Питсбург в качестве железного лома. «Кадиллаки», «Крайслеры», «Эйзенхауэры», «Линкольны» — огромные, мощные, только что сошедшие с конвейера турбо-автомобили без единого километра на счетчиках... Я заводил их в громадные железные «челюсти» и — скрип, треск, хруст... В результате — груда покареженного металла. Поначалу меня это раздражало (я сам добирался до работы на простом гравцикле), как-то раз я высказал свое мнение вслух... и чуть было не потерял работу. К счастью, сменный мастер вспомнил, что я «Спящий».

— Но это же простой расчет, сынок, — объяснил он. — Их купило правительство (оно всегда так делает), чтобы не нарушать баланс цен. Им всем уже, как минимум, по два года, и их невозможно продать... Потому государство и покупает их, чтобы отправить обратно, не пропадать же металлу, сынок. И потом, доменные печи не могут работать на одной руде — нужен и железный лом, уж это-то ты мог бы знать, хоть ты и «Спящий», сынок! Кстати, руды становится все меньше и меньше, потому и лом все нужнее... Промышленности позарез нужны эти машины.

— Тогда зачем их вообще делать? Это же пустая трата времени?

— Пустая, говоришь? Это по-твоему — пустая, потому что пока ты мало смыслишь в... Что же, по-твоему, тысячи людей должны остаться без работы? Ты хочешь, чтобы понизился уровень жизни?

— Ну хорошо... Почему бы тогда не отправлять их куда-нибудь за границу? Не выбросить на открытый рынок? Там, мне кажется, за них можно выручить больше, чем за железный лом...

— Ну да, — он сардонически усмехнулся, — и опозориться на весь мир... Да и, кроме того, начини мы продавать их по сниженным ценам, на нас тут же ополчатся буквально все — и Япония, и Франция, и Германия... Так чего же ты хочешь, сынок? Начать войну? — он вздохнул и отеческим тоном посоветовал:

— Сходи в библиотеку, сынок, и почитай книжки, а то болтаешь, сам не знаешь что...

Я заткнулся. Не говорить же ему, что все свое свободное время я проводил в библиотеке, читая техническую литературу. Я ведь и словом не обмолвился, что был когда-то инженером. Объявить себя инженером с е й ч а с было все равно, что придти к Дюпону, сказать, что ты алхимик и попросить работу по специальности. Лишь один раз после разговора с ним я вновь вернулся к этой теме, когда заметил, что лишь очень немногие из новехоньких машин, идущих на слом, были на ходу. Почти все они были собраны очень небрежно, в них не работали, а то и вовсе отсутствовали кондиционеры, и когда в один прекрасный день мне попалась «тачка» без двигателя, я не удержался и спросил мастера. Тот изумленно вытаращился:

— Что ж ты думал, сынок? Что в тачки, идущее на слом, будут ставить хорошее дорогое оборудование?! Да ведь они же стали ломом, еще не успев сойти с конвейера!..

На сей раз я заткнулся основательно — теперешняя экономика была мне явно не по зубам. Лучше было сосредоточиться на инженерии и думать о своей специальности... Вернее, о своей бывшей специальности. Тем более, что времени на это у меня было достаточно — мою нынешнюю работу трудно было назвать работой — на самом деле все делал не я, а «Универсальный Фрэнк» и его «родственники». Они управляли «челюстями», заводили машины на платформу, подсчитывали, взвешивали и увозили груды покареженного

сплющенного металла. Я же стоял на маленькой площадке (сидеть мне не разрешалось) и держался за рубильник, которым можно было остановить весь процесс, случись что-то непредвиденное. Ничего подобного не случилось ни разу, но вскоре я понял, что по неписанному закону один раз в смену я должен заметить какую-то неисправность, выключить рубильник и вызвать бригаду техников. Платили мне за это двадцать один доллар в день, и я мог нормально обедать. После выплаты всех налогов, медицинской гарантии и страховки у меня оставалось около шестнадцати долларов чистыми. Мистер Доути был неправ, когда говорил, что приличный обед обходится примерно долларов в десять — можно было отлично пообедать и за три, если вы не помешаны на настоящем мясе. Ручаюсь, никто на самом деле не отличит настоящее от искусственного, а если учесть, что кругом было полным полно слухов о контрабандном радиоактивном мясе... Словом, я с легким сердцем ел суррогаты и чувствовал себя отлично. Правда, выйдя из «Убежища», я сразу столкнулся с проблемой жилья. Лос-Анджелес не входил в план моментального уничтожения перед Шестинедельной войной, поэтому сюда ринулись тысячи беженцев со всей страны (таких, каким я был теперь, хотя тогда я так о себе и не думал). И никто из них потом не вернулся к себе — туда, откуда они приехали. Город был здорово перенаселен, когда я уходил в Долгий Сон, теперь же он был набит до отказа. Может зря придумали средство, как избавиться от смога — до этого хоть некоторые уезжали каждый год. Теперь же никто и не думал никуда уезжать.

Выйдя из «Убежища» я решил действовать в такой последовательности: первое — найти работу, второе — найти, где спать, третье — читать техническую литературу, четвертое — найти Рикки, пятое — заняться своей работой, чтобы я был сам себе хозяин (если это вообще в человеческих силах), шестое — найти Беллу и Майлса и... рассчитаться с ними (так, чтобы самому не угодить за решетку). Ну, и еще разные мелочи на «потом» — найти самый первый патент на «Услужливого Бородача» и выяснить точно, «Фрэнк» это или нет? Не то, чтобы это имело сейчас значение, а просто из любопытства... Выяснить, что произошло с «Дом. Пом. Инкорпорэйтед»... И прочая ерунда.

Я «вычертил» в уме такой строгий «график», потому что давно уже понял, если сразу не определить, что важно во-первых, а что во-вторых, никогда вообще не сдвинешься с места. Конечно, какие-то из перечисленных действий можно будет делать синхронно: скажем, искать Рикки и одновременно наводить справки о старушке Белле, почитывая по вечерам разные технические журналы. Но... сие важно во-первых, сие — во-вторых... Прежде всего — работа, потому что для всего остального нужны деньги. А когда они не нужны? Разве что, когда они есть.

После того как мне отказали с ночлегом в шести местах в городе, я отправился в Сан-Бернардинский приют и... опоздал на десять минут. Мне надо было бы тут же снять какую-нибудь лачугу, но я вместо этого отправился обратно в город, записался в четырех местах в списки очередников на аренду комнат и пошел в парк неподалеку. Я ходил взад и вперед по аллее, пока не продрог до мозга костей (зимы в Лос-Анджелес субтропические, но ударение нужно делать на «суб») и не зашел погреться в Уилширский гравивокзал... Там меня в два часа ночи и забрали вместе с несколькими бродягами-оборванцами.

Тюрьмы здорово изменились. Та, в которую нас привезли, хорошо отапливалась, а что касается чистоты и порядка... Они, наверное, заставляли тараканов вытирать ноги. Я был обвинен в «бараковании». Судья, молодой парень примерно моего возраста, даже не оторвал глаз от газеты, а просто спросил:

— Попались впервые?

— Да, Ваша честь.

— Но тридцать суток или трудовое воспитание.

Нас стали теснить к выходу, но я не шевельнулся.

— Подождите минутку, судья! — обратился я к нему.

— Да? Есть возражения? Не признаете себя виновным?

— Честно говоря, я и сам не знаю, потому что не знаю, что я сделал. Видите ли...

— Хотите общественного защитника? Если да, можем поддержать вас под замком, пока не найдем какого-нибудь. Правда, в ближайшие шесть дней все они, по-моему, заняты, но... Это ваше право.

— Видите ли... Я просто не знаю. Может, мне как раз нужно «трудовое воспитание», хотя я в этом не

уверен... Что мне действительно нужно, это — совет, если суд, конечно, не возражает.

— Выведите остальных, — сказал судья приставу и повернулся ко мне. — Ну? Валяйте, выкладывайте. Но предупреждаю, мой совет вам вряд ли придется по душе. Я уже достаточно давно здесь работаю и сыт по горло вашими «историями».

— Хорошо, сэр. Я не собираюсь рассказывать вам «историй», вы потом можете легко проверить. Дело в том, что я был в Долгом Сне и только вчера...

— А-а, один из этих, — он поморщился и взглянул на меня с отвращением. — Ума не приложу: неужели наши предки не могли придумать ничего лучшего, как спихивать нам свой хлам? Город и так переполнен людьми, так нам еще не хватает тех, кто и в своем времени не мог найти себе занятие! Я бы с радостью отправлял вас всех обратно, будь моя воля, и не просто так, а с припиской: «Здесь не райские кущи!» — он вздохнул. — Но это, конечно, ничего бы не дало... Ладно, что я, по-вашему, должен с вами сделать? Отпустить на все четыре стороны? Так вы же максимум через неделю опять будете здесь...

— Погодите, судья! Я вряд ли буду здесь — у меня хватит денег, пока я не найду работы...

— Вот как? Если у вас есть деньги, зачем вам понадобилось бараковать?

— Послушайте, я даже не знаю, что это значит. Дело в том, что...

На сей раз он долго слушал меня, не перебивая. Когда я рассказал о том, что у меня произошло с «Всеобщей Гарантией» — как они меня прокатили — он заговорил совсем иначе:

— Свиньи! Грязные свиньи! С моей матерью случилось то же самое, а она выплачивала им страховку на протяжении двадцати лет... Что же вы сразу не сказали? — он вытащил карточку и, написав на ней несколько слов, протянул мне. — Пойдите с этим в бюро по найму «Государственное спасение имущества». Если там вы не получите работу, придете сюда после полудня завтра же. Но учтите, больше не бараковать. Это не только порождает преступность, но и опасно для вас самих — можете нарваться на какого-нибудь ублюдка, накачавшегося «зомби»...

Таким образом я и получил работу — стал расплю-

идивать новехонькие наземные авто. Может быть, это и трудно назвать работой, но, я думаю, что правильно сделал, когда ухватился за нее. Человек может чувствовать себя где угодно, как дома, если он зарабатывает на жизнь и к нему не привязываются полицейские. Сие важно во-первых...

Довольно скоро я нашел более или менее приличную комнату, которая была мне по карману, в части Лос-Анджелеса, еще неперестроенной по Новому Плану. Раньше здесь, по-моему, была общественная уборная...

* * *

Мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь подумал, будто я невзлюбил 2000-й год. Он понравился мне, как понравился и 2001-й, пришедший ему на смену через несколько недель после моего пробуждения. И несмотря на нередкие приступы невыносимой тоски по «дому», я считал Лос-Анджелес на пороге третьего тысячелетия одним из самых чудесных и удивительных мест, которые мне приходилось видеть.

Город оказался удивительно чистым, красивым и поразительно интересным, хотя и был здорово перенаселен. Та его часть, которая уже была переделана по Новому Плану, смотрелась, как восхитительная игрушка (для инженера). Если бы городское управление могло своей властью запретить иммиграцию хотя бы лет на десять, жилищная проблема была бы решена полностью. Но поскольку они не могли наложить запрет на въезд, им приходилось делать все возможное, чтобы обеспечить жильем громадные толпы людей, бродящих по окрестностям, и то, что им удавалось делать, было потрясающе — трудно поверить, что это вообще возможно, если не увидеть своими глазами... Хотя были, конечно, и неудачи. Но, ей богу, стоило проспать тридцать лет и очутиться в мире, где ликвидирована простуда и где ни у кого никогда не могло быть насморка. Лично для меня это значило куда больше, чем исследовательская поисковая группа на Венере.

Больше всего остального меня поразили две вещи, два открытия. Одно — большое, другое — маленькое. Первое — антигравитация. В 1970-м проводились исследования в Бобсоновском Институте Гравитационных

Проблем, но я не верил, что у них может что-то выйти. У них ничего и не вышло — основная теория антигравитации была разработана в Единбургском университете. В школе меня всегда учили (и я твердо усвоил это), что избавиться от земного притяжения невозможно, что оно неотъемлемо от любой формы пространства... Так вот, был найден способ изменить саму форму пространства — на ограниченное время и в ограниченной точке, конечно, — но этого было вполне достаточно, чтобы передвинуть предмет практически любого веса. Это было возможно лишь в земной атмосфере и неприменимо в космосе (во всяком случае, в 2001-м). Для того чтобы поднять какой-то предмет, нужно было затратить определенную энергию, как и для того чтобы опустить его (иначе мог произойти взрыв). Но для транспортировки по горизонтали (скажем, от Сан-Франциско до Лос-Анджелеса) энергия была не нужна вообще — это происходило уже как бы... ну, по инерции, что ли... В общем, здорово! Я попытался было вникнуть в теорию, но там оказалась такая математика, что мои познания в ней были более чем скромными: инженер ведь вовсе не должен быть физиком или математиком, он должен уметь ухватить лишь общий смысл, общий принцип работы и сообразить, как применить его на практике.

Вторая («маленькая») вещь, поразившая меня, — это женская одежда. Меня не очень шокировала сильная экономия материи на купальных костюмах — это началось уже в 70-м. Но сверхъестественные комбинации, которые дамы ухитрились соорудить с помощью сенсорных застежек, нередко вызывала у меня почти шоковое состояние. Впрочем, мой дед, родившийся в 1890-м, наверное, тоже стоял бы с отвисшей челюстью, доведись ему видеть платья дам 1970-го...

А вообще-то мне правился этот мир, и я был в нем счастлив, если бы не испытывал жуткого одиночества. Были минуты, особенно по ночам, когда я готов был отдать все на свете за одну драную кошку или за возможность провести с Рикки хоть час где-нибудь на детских аттракционах или в зоопарке... Или за то, чтобы вернуть то доброе, старое время нашей дружбы с Майлсом, когда у нас не было ни гроша, а только тяжелая работа и... надежда...

2001-й еще только начинался, а я уже почувствовал

острое желание послать к черту свою нынешнюю тупую работу и засесть за чертежную доску. Здесь... вернее, сейчас было столько новых возможностей, столько всего, что невозможно было сделать в 70-м, и мне жутко хотелось начать — сотворить хотя бы дюжину агрегатов. Например, я был уверен, что к нынешнему времени уже появятся автоматические секретари — я имею в виду машину, которой можно было бы продиктовать письмо и получить его отпечатанным в любом формате с правильной орфографией, пунктуацией и так далее. Но оказалось, таких не было... Была изобретена машина, которая могла печатать с голоса, но она была рассчитана на язык типа Эсперанто, где каждый слог пишется так, как произносится. А большинство людей никогда не согласится говорить постоянно на неродном языке (пусть даже очень удобном и лишенном всех нелогичных словообразований и правил) ради удобства изобретателя-конструктора.

Поэтому здесь не гора должна идти к Магомету, а Магомет к горе. Девчонка, закончившая школу, редко ошибется в написании слов, так ведь? Как же научить этому машину? Самый распространенный ответ и этот вопрос: «Невозможно». Невозможно потому, что для этого, как всегда считалось, нужны чисто человеческие восприятия и понимание — человеческий разум. Но ведь любое изобретение в каком-то смысле всегда до той поры, пока его не изобретут, «невозможно». Иначе зачем было бы нужно такое понятие, как патент?

С блоками памяти и той миниатюризацией, которая теперь была возможна (я был прав насчет золота как идеального технического материала), можно было впахнуть сотню тысяч звуковых кодов в один кубический дециметр, иными словами, запрограммировать произношение и написание каждого слова, которое есть в Большом Узбстерском словаре. Да столько и не нужно — достаточно тысяч десяти...

Ведь сложные слова, разные специальные термины стенографисткам и так всегда диктуют по буквам. И потом, можно ведь научить машину воспринимать написанное, то есть оставить сколько-то незаполненных блоков для каких-нибудь специальных терминологий... Будет достаточно один раз продиктовать, скажем, слово «осциллограф» с нажатой клавишей

по буквам, и машина будет правильно печатать его в любом контексте сколько угодно раз...

Все просто. Дело лишь за тем, чтобы определенным образом совместить уже давно придуманные, изобретенные и везде продающиеся детали и создать из них что-то новое — действующую модель. Правда, будут сложности с омонимами. «Диктовальная Дэйзи» (так я уже мысленно окрестил будущий агрегат) легко справится с каким-нибудь: «Карл у Клары украл кораллы», но вот как быть со словами, звучащими одинаково и разными по смыслу? Я нашел в библиотеке словарь омонимов и стал внимательно изучать его, прикидывая, как бы закодировать значение слова в зависимости от контекста... И чем дальше, тем большее раздражение я испытывал — не только от того, что тридцать часов в неделю я был занят тупой и бессмысленной работой, но, главное, потому что я не мог заниматься своей работой в библиотеке. Мне нужна была мастерская, где могла уместиться хотя бы чертежная доска, хоть какое-то помещение, где бы я мог листать каталоги, держать технические журналы, счетную машинку и прочие необходимые мелочи. И я решил попробовать найти работу, хотя бы близкую к моей прежней. Я не тешил себя иллюзиями и прекрасно понимал, что никак не смогу стать опять инженером сразу... Слишком большой был пробел, я об очень многом не имел еще ни малейшего понятия и нередко, придумав что-то новое (как мне казалось) на основе каких-то вычитанных в библиотеке материалов, я потом узнавал, что кто-то уже сделал это, решил ту же проблему остроумнее, изящнее и дешевле, чем мои первые наброски, лет десять-пятнадцать назад. Мне позарез нужно было устроиться в какое-нибудь конструкторское бюро, чтобы как следует вникнуть во все новшества, устроиться на первых порах хотя бы младшим чертежником.

Я знал, что теперь уже есть полуавтоматические чертежные машины — видел их на рекламных картинках, хотя ни разу не держал в руках. И я знал, что сумею научиться пользоваться такой машиной минут за двадцать, потому что она была почти точно такой, какую я сам когда-то придумал (в тот знаменательный день, когда ехал к Майлсу выяснять отношения)... Однако в этом случае у меня не было и тени подозре-

ния, что кто-то украл у меня идею. Я был уверен, что никто не мог этого сделать, точно так же, как был уверен, что «Фрэнка» у меня украли, — моя чертежная машина не существовала нигде, кроме моего собственного воображения. Просто у кого-то возникла та же самая идея, и кто-то разработал агрегат тем же путем, по которому пошел бы и я... Когда приходит время железных дорог, люди строят железные дороги, не раньше и не позже.

Компания «Аладдин» — та, что делала «Услужливого Бородача» — производила и одну из лучших чертежных машин — «Чертежник Дэн». Я подтянул потуже пояс, купил более или менее приличный костюм и подержанный портфель. Портфель я набил старыми газетами, пришел в один из магазинов компании «Аладдин» в качестве «покупателя» и просил продемонстрировать мне прибор в действии.

Когда я подошел ближе к «Чертежнику Дэну», у меня возникло очень странное чувство... Знаете, как иногда приезжаешь куда-то, где никогда не был, и ясно чувствуешь, что у ж е б ы л з д е с ь... Эта чертова машина была сделана именно так, как ее сделал бы я, если бы у меня было время, если бы меня не запихнули в «холодильник» Долгого Ста.

Не спрашивайте, почему мне так показалось — человек знает свою «руку»! Искусствовед всегда может отличить манеру Рубенса от манеры Рембрандта — по композиции, по цветовой гамме, по сочетанию оттенков и по тысяче других деталей. Инженерия — не наука, а искусство, и всегда есть миллион различных вариаций в решении одной и той же технической проблемы. Инженер «подписывает» свою работу выбором каких-то своих вариантов точно так же, как это делает художник...

«Чертежник Дэн» весь был сделан в м о е й манере! Я был настолько ошеломлен, что мне невольно пришла в голову мысль о какой-то телепатии. Я посмотрел на дату первого патента и... уже не очень удивился, когда оказалось, что патент помечен 1970-м. Про себя я решил обязательно выяснить, кто сделал эту штуковину. Может быть, это какой-то из моих старых учителей, от которого я сам позаимствовал свою манеру, свой стиль работы... Или какой-нибудь инженер, с которым я когда-то работал вместе. Может он, как и я, ухитрил-

ся дожить до сих пор, и тогда... Я обязательно повидаюсь с ним — с человеком, у которого мозги работают точно так же, как у меня...

В магазине я постарался быстро взять себя в руки и стал смотреть как машина работает. Продавцу не нужно было тратить много слов на разъяснения: «Чертежник Дэн» и я были сделаны друг для друга — через десять минут я уже управлялся с машиной лучше, чем продавец... Наконец, я с трудом оторвался от «Дэна», выяснил цену, обсудил вопросы доставки и так далее и... вышел из магазина, сказав, что подумаю, как раз в тот момент, когда продавец уже ждал, что я полезу в карман за чековой книжкой. Не очень-то красивая «шутка», но, в конце концов, она обошлась ему меньше чем в час его рабочего времени.

Прямо из магазина я отправился в «Домашнюю Помощницу Инкорпорэйтед» и предложил им свои услуги...

Я знал, что ни Беллы, ни Майлса уже не было в этой фирме. Все время, которое оставалось у меня от уничтожения повенских авто и листания технических журналов в библиотеке, я проводил в поисках Беллы, Майлса и Рикки — в основном, конечно, Рикки. Никто из них не значился в телефонном справочнике Лос-Анджелеса и во всей общей телефонной сети Штатов — я запрашивал центральное бюро в Кливленде (этот запрос обошелся мне недешево, потому что Беллу пришлось искать под двумя фамилиями: «Джентри» и «Даркин»). Тот же «успех» ждал меня и в Центральном Регистрационном бюро избирателей Лос-Анджелеса.

От «Домашней Помощницы Инкорпорэйтед» я получил вежливое письмо, подписанное семнадцатым вице-президентом Компании (занимавшимся, по-видимому, исключительно ответами на идиотские запросы), в котором мне сообщалось, что тридцать лет назад в Компании были управляющие с такими фамилиями, но теперь мне ничем помочь не могут. Идти по такому «холодному» следу я просто не мог — не было ни времени, ни денег. Я мог попробовать через ФБР, но у меня не было их отпечатков пальцев. Давно уже не существовало такого бюро, в котором было бы досье на каждого гражданина, а если бы и было — кто я такой, чтобы показывать мне эти досье? Может быть,

частные детективы, если им хорошо заплатить, и могли отыскать какой-то след в старых архивах, газетных вырезках и еще бог знает где... Но у меня не было денег, чтобы платить за это, и таланта, чтобы заниматься этим самому. В конце концов, я бросил поиски Майлса и Беллы, но пообещал себе, как только у меня будет достаточно средств, нанять профессионалов для поисков Рикки.

Я уже выяснил, что у нее не было пакета акций в «Дом. Пом. Инкорпорэйтед», и обратился в Центральный Госбанк, чтобы узнать, есть ли у них или была ли когда-нибудь доверенность на нее. В ответ я получил письмо, в котором было сказано, что подобные сведения не сообщаются. Тогда я написал им снова, объяснил, что я тридцать лет провел в Долгом Сне и что она — единственная моя родственница, оставшаяся в живых. На сей раз я получил очень вежливый ответ от одного из доверенных служащих. Он объяснил, что подобную информацию они не имеют права давать даже в таких исключительных случаях, как мой. Но далее он писал, что чувствует себя все же обязанным ответить на мой вопрос. Ответ был отрицательным: ни одно отделение Госбанка никогда не получало доверенность на имя Фредерики Вирджинии Джентри.

Из этого явственно следовало одно: каким-то образом наша очаровательная парочка ухитрилась избавить бедняжку Рикки от пакета акций. Мой пакет акций должен был оказаться в Госбанке с переписью на ее имя, но его там не было... Ну что ж, Рикки, нас обоих ограбили!

Я сделал еще одну попытку: в Моджавском архиве учебных заведений была запись об ученице Фредерике Вирджинии Джентри, но... вышеуказанная учащаяся забрала документы из Моджавской школы в 1971-м году без указания места последующей учебы... Было хоть какое-то утешение о том, что, по крайней мере, кто-то когда-то письменно зафиксировал само существование Рикки. Но она могла сдать документы в любую из сотен тысяч школ в Соединенных Штатах — сколько же времени потребуется для того, чтобы написать в каждую? И позволят ли их правила и инструкции ответить мне, даже если они пожелают? Среди четверти миллиарда людей маленькая девчушка может затеряться, как песчинка на океанском побережье.

Неудача в моих поисках не означала, однако, что я не могу работать в «Домашней Помощнице Инкорпорэйтед» — ведь я выяснил, что Майлс и Белла не имели к ней никакого отношения. Я, конечно, мог обратиться в любую из сотен фирм, но «Дом. Пом.» и «Аладдин» были такими же именами в автоматике, как Форд и «Дженерал Моторс» в расцвете автомобильной промышленности. Были у меня и чисто сентиментальные побуждения — мне очень хотелось посмотреть, во что превратилось мое старое дело...

В понедельник, пятого марта 2001 года я пришел в их контору, заполнил уйму бланков, не имеющих никакого отношения к профессии инженера, и один — имеющий, и мне было сказано: «Не-звоните-нам-пока-вам-не-позвонят»...

Я поболтался некоторое время в конторе и, наконец, пробился к ассистенту, занимавшемуся такими, как я, — «отвергнутыми». Он небрежно посмотрел один из заполненных мною бланков и сказал, что моя инженерская степень недействительна, поскольку у меня тридцатилетний пропуск. Я объяснил, что я был «Спящим».

— Это еще хуже, — заявил он. — Мы вообще не берем на работу людей старше сорока пяти.

— Но мне не сорок пять! Мне тридцать!

— Когда вы родились? В 1940-м? Примите наши сожаления.

— Что же мне теперь делать? Застрелиться?

— Ну, зачем так? — он пожал плечами. — На вашем месте я бы похлопотал о пенсионном обеспечении. По старости.

Я быстро вышел из помещения, едва удержавшись, чтобы не дать ему два-три совета насчет его собственной деятельности. Постояв несколько минут у конторы и немного успокоившись, я прошел к главному входу и вошел в основное здание корпорации. Генерального директора звали Куртис, и я отправился прямо к нему.

Первые две приемные я одолел довольно быстро — твердо говоря, что у меня к нему личное дело («Дом. Пом.» не пользовалась своими изделиями у себя «дома» — приемщицы и секретарши были живыми людьми из плоти и крови). Миновав несколько этажей и очутившись, как я полагал, двери за две от самого босса, я наткнулся на образчик решительного и непре-

клошного стража, который пожелал узнать: какое именно у меня дело к Главному? Я огляделся вокруг — помещение было просторное, и находилось в нем человек сорок. Девушка сурово повторяла:

— Ну? Так какое у вас дело? Изложите мне, и я спрошу мистера Куртиса, примет ли он вас?

Громко, так, чтобы все слышали, я сказал:

— Я хочу спросить мистера Куртиса, что он собирается делать дальше с моей женой?!

Через тридцать секунд я оказался в личном кабинете босса, перед его вытаращенными глазами.

— Ну? — спросил он. — Что еще за бред вы придумали? И кто вы такой?

Потребовалось полчаса объяснений и поисков в архивах, чтобы убедить его в том, что у меня нет никакой жены и что по сути дела я являюсь основателем фирмы. После этого разговор принял несколько иной оборот, появились сигары, напитки, менеджер по реализации продукции, главный инженер и прочие руководители Корпорации.

— Мы думали, что вы давно умерли, — сказал Куртис. — Вообще в официальном реестре Компании так указано.

— Вероятно, ошибка. Какой-то однофамилец.

— Чем вы занимаетесь сейчас, мистер Дэвис? — неожиданно спросил менеджер, Джек Галлоуэй.

— Да... в общем-то, ничем особенным. Я, м-мм... был одно время в автобизнесе, но ушел оттуда. А что?

— Что?! Фантастика! — он повернулся к Главному инженеру мистеру Мак-Би: — Ты слышал, Мак? Все вы, инженеры, похожи друг на друга, ни черта не видите вокруг, кроме своих машин!.. «А что?», — он фыркнул. — А то, мистер Дэвис, что вы — легенда! Основатель Фирмы Возвратился с Того Света, Чтобы Взглянуть На Свое Детище!! Создатель Первого Автоматического Слуги Воочию Видит Результат Своего Гениального Изобретения!!

— Одну минуту! — быстро сказал я. — Я не рекламная модель и не кинозвезда... Простите, не звезда «трясучки». Я люблю спокойную, нормальную жизнь и пришел сюда вовсе не для этого, а... Я хочу у вас работать, хочу снова стать... инженером!

Брови у мистера Мак-Би поползли вверх, но он — промолчал. Некоторое время мы пререкались с Гал-

лоузем, который пытался объяснить мне, что это просто мой долг перед фирмой, которую я же и основал. Мистер Мак-Би говорил мало, но было ясно, что он сильно сомневается в моей пригодности в его департаменте... Он лишь спросил меня, что я знаю о больших многоблочных агрегатах. Я был вынужден признаться, что все мои познания почерпнуты из популярных журналов. В конце концов, Куртис предложил компромиссное решение.

— Видите ли, мистер Дэвис, — сказал он, — у вас... как бы это сказать, мм-м, особое положение. С одной стороны, вы основали не только фирму, но вообще всю данную отрасль промышленности. С другой, и тут меня поддержит мистер Мак-Би, эта отрасль здорово продвинулась с тех пор, как вы ушли в Долгий Сон. Что если мы теперь предложим вам место, м-мм... инженера-исследователя в отставке?

— А что это реально будет означать?

— Все, что вы захотите. Но скажу честно, вам лучше всего скооперироваться с мистером Галлоуэем. Знаете, мы ведь занимаемся не только производством, но и сбытом, что является не менее важным делом.

— М-мда... Но у меня будет хоть маленькая возможность заниматься своим делом? Я имею в виду — хоть попытаться стать инженером?

— Это зависит от вас. У вас будут все возможности, и вы можете делать все, что сочтете пужным.

— Производственная мастерская будет входить в эти возможности?

Куртис взглянул на главного инженера, и тот ответил с запинкой:

Да-да, конечно... В пределах разумного... — слова давались ему с таким трудом, что я еле-еле понял его.

— Решено, — быстро сказал Галлоуэй. — Извините, мистер Куртис... Мистер Дэвис, задержитесь на секунду: мы сделаем фото — вы с самой первой моделью «Помощницы»!

И они сделали это фото. Мне было жутко приятно вновь увидеть ее — ведь я сам, своими руками, пролив немало пота, когда-то собрал ее. Я хотел было посмотреть, работает ли она еще, но мистер Мак-Би вежливо оттеснил меня, так и не дав включить. Думаю, он не очень верил, что я умею с ней обращаться и вообще знаю, как она работает...

Это было хорошее время для меня — весь март и апрель в «Домашней Помощнице». В моем распоряжении были все нужные мне инструменты, технические журналы, каталоги, целая техническая библиотека, «Чертежник Дэн» («Дом. Пом.» не производила «Дэна» сама, а покупала по мере надобности у «Аладдина») и постоянные разговоры на профессиональном языке — музыка для моих ушей!

Очень скоро я подружился с ассистентом главного инженера, Чаком Фреденбергом. Ручаюсь чем угодно: он был единственным настоящим инженером в корпорации, все остальные — напичканные ненужными знаниями механики... Включая и мистера Мак-Би — Главный был блестящим примером того, что не степень и не способность надувать щеки делает человека инженером в настоящем смысле этого слова. Когда мы с Чаком сошлись поближе, он признался, что всегда думал то же самое.

— Мак на самом деле, — сказал он, — не любит ничего нового, он с огромным удовольствием, будь его воля, делал бы все по старинке, так же, как его собственный дедушка.

— Так как же он, черт возьми, работает Главным? И как под его руководством может работать вся ваша фирма?

Фреденберг не знал подробностей, но, кажется, ныне существующая фирма реально была компанией по производству, которая просто купила патенты (м о и патенты) у «Дом. Пом. Инк.» Лет двадцать тому назад наметилась общая тенденция слияния корпораций, и «Дом. Пом. Инкорпорейтед» вынуждена была продать свои акции и патенты более крупной фирме, производящей продукцию. Новая фирма взяла название той, которую когда-то основал я. Чак полагал, что Мак-Би был нанят как раз в этот период слияния: «У него есть своя доля, свой «кусочек» в фирме», — говорил он.

Нередко мы с Чаком коротали вечера за пивом и рассуждали об инженерных проблемах, о том, чем, на наш взгляд, должна заниматься фирма. Я вызывал у него интерес главным образом потому, что был Спящим. Вообще очень многие, как я обнаружил,

питали какой-то нездоровый интерес к Спящим (как будто мы были какими-то чудницами), и я старался не упоминать о своем прошлом. Но интерес Чака был совсем иного рода: его поражала сама идея «прыжка» во времени, и ему было жутко любопытно знать, каким был мир до его рождения — знать от человека, для которого этот мир был «еще вчера». Он в свою очередь с удовольствием разбивал вдребезги проекты агрегатов, которые время от времени порождало мое инженерное воображение... Порождало лишь затем, чтобы потом я услышал от Чака: когда, где, кем и каким образом был создан сходный аппарат? Под его злобным и дружеским руководством я постепенно становился «действующим» инженером... Так продолжалось вплоть до одного из апрельских вечеров, когда я высказал ему свою идею относительно автоматического секретаря-стенографа.

— Дэн, — выслушав меня, медленно проговорил он, — ты сделал всю эту работу... ну, чертежи, расчеты и прочее... в рабоче е время?

— М-мм? Да нет... в основном нет... А почему ты спрашиваешь?

— Ты не помнишь, как сформулирован твой контракт с Компанией?

— Контракт? У меня вообще нет никакого контракта? — у меня его действительно не было — Куртис назначил мне жалование, Галлоуэй сделал фото с первой «Помощницей» и натравил на меня какого-то писаку, который ходил за мной и задавал разные дурацкие вопросы — и все.

— М-мда... Вот что, я бы на твоём месте ничего с этим не предпринимал, пока не узнал, на каком я свете. Эта штука... В общем, это действительно что-то новое. Более того, мне кажется, она у тебя будет работать.

— Конечно, будет, а иначе за каким чертом?..

— Так вот, отложи ее на время. Ты ведь знаешь положение вещей в Компании на сегодняшний день: мы выпускаем нормальную, хорошую продукцию, но не более того. Если раз в пять лет мы беремся за что-то новое, то только по чьей-то лицензии. Я, например, не могу придти с каким-нибудь изобретением (своим собственным) прямо к боссу, минуя Мака. Но ты... Ты — можешь, и поэтому... Не делай этого! Если не

хочешь вручить это Компании за свою же зарплату.

Я последовал его совету — работу свою продолжал, но сжег все чертежи и заметки (они мне уже не были нужны — «Дикто-Дэйзи» была готовенькая у меня в голове). Совесть меня не мучила — меня ведь не нанимали как инженера, а просто пользовались как ходячей рекламой. Рано или поздно этот «источник» иссякнет, интерес ко мне пойдет на спад, и тогда мне заплатят месячное жалование, пожмут на прощание руку, произнесут много трогательных слов и... на все четыре стороны. Но к тому времени я буду настоящим инженером здесь... сейчас, в 2001-м! Я смогу открыть свое собственное дело и, если Чак захочет, я возьму его в долю.

Джек Галлоуэй, вместо того чтобы продать материал обо мне в газеты, распределял его постепенно, кусками в толстые журналы. Он очень хотел, чтобы «Лайф» напечатал его в качестве «продолжения» той старой заметки тридцатилетней давности, которую они поместили о самой первой «Помощнице». «Лайф» на эту приманку не клюнул, но Джек умудрился не только напечатать материал и фото в журналах, но и размножить его на рекламных открытках. Узнав об этом, я хотел было немедленно отпустить бороду, но вскоре понял, что меня все равно никто не узнает, а если бы и узнавали, никого это совершенно не интересовало. Правда, я получил несколько десятков бредовых писем, в одном из которых мне предрекались вечные муки в аду за то, что я нарушил планы господ бога относительно продолжительности моей жизни. Я порвал это послание вместе с другими, сочтя, что, если бы богу не было угодно все случившееся, он бы просто не допустил такого явления, как Долгий Сон. Логически, по-моему, все верно. Но в четверг, третьего мая 2001 года раздался телефонный звонок:

— На линии миссис Шульц, сэр. Желаете разговаривать?

Шульц?.. Ну да, черт возьми, я же обещал Доути, когда последний раз виделся с ним, что займусь этой Шульц. Но я так и не сделал этого — я был уверен, что это — одна из идиоток, донимающих Спящих дурацкими расспросами о загробной жизни. Однако она звонила много раз, — так сказал Доути, — с тех пор, как я покинул «Убежище» в декабре. В соответст-

вин с правилами в «Убежище» ей отказались дать мой адрес, хотя соглашались извещать меня о ее звонках. Что ж, Доути неплохо обошелся со мной, и, пожалуй, надо бы избавить его от этой Шульц...

— Соединяйте.

— Это Дэнни Дэвис? — аппарат в моем кабинете был без экрана, так что она меня не видела.

— Говорите. Вас зовут Шульц? Вы хотели со мной связаться?

— О, Дэнни, дорогой! Я так рада слышать твой голос! — я молчал. Она тревожно спросила: — Ты, что не узнал меня?

Я не сразу ответил, хотя узнал ее — это была Белла Джентри.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Я договорился с ней о встрече.

Когда я узнал ее голос, первым моим желанием было послать ее к чертовой матери и выключить аппарат. Я давно уже решил для себя, что все мои мечты о мести — просто мальчишество. Никакая месть не вернет мне Пита, а та месть, которую она заслуживала, просто приведет меня за решетку. Так что, с тех самых пор, когда я оставил поиски Майлса и Беллы, я больше не вспоминал о них. Но, с другой стороны, Белла почти наверняка знала, где Рикки, и потому я договорился с ней о встрече.

Она хотела, чтобы я пригласил ее пообедать вместе, но я не стал этого делать. Не то, чтобы я хотел соблюсти какие-то правила этикета, а просто пить и есть можно лишь вместе с друзьями или, по крайней мере, с людьми, которые не вызывают у вас отвращения. Белла вряд ли подходила под эти категории, поэтому я спросил, где она живет, и сказал, что буду у нее часам к восьми вечера. Жила она в части города, которую не затронула еще перестройка согласно Новому Плану — обшарпанный дом со стандартными дешевыми квартирами. Не переступая порога ее жилья, я уже знал, что Белла так и не получила того, к чему так страстно стремилась (и из-за чего провернула со мной всю эту

грязную махинацию), — иначе она жила бы совсем в другом месте.

Едва изглянув на нее, я понял, что опоздал со своей мезтью — она сама и годы сделали это за меня.

Даже если верить тому, что она говорила тридцать лет назад, Белле сейчас было никак не меньше пятидесяти трех — на самом же деле, я думаю, под шестьдесят. Женщина, которая как следует следила за своей внешностью, теперь могла в этом возрасте выглядеть тридцатилетней — многие звезды «трясучки» хвастались своими внуками, играя молоденьких девушек. Но Белла, как видно не давала себе труда следить за этим. Она была похожа на старую, перекормленную, разжиревшую кошку. При этом было видно, что она по-прежнему считает свое тело главным «орудием производства», поскольку то «неглиже», в которое она была одета (вернее, раздета), выставляло напоказ почти все ее «преlestи», а заодно наглядно демонстрировало все, что может сделать время, обильная еда и вялый, тупой образ жизни. Но она об этом не подозревала — когда-то прекрасно работавшие мозги заплыли жиром. Осталось лишь огромное самомнение и непоколебимая уверенность в своей неотразимости.

Она кинулась ко мне с радостными вскрикиваниями и чуть не повисла у меня на шее.

— Легче, Белла, легче, — сказал я и отпихнул ее от себя.

— Но, дорогой!.. Я так рада... так ужасно рада тебя видеть!!

— Еще бы, — идя к ней, я давал себе слово не нервничать, а просто узнать все, что мне нужно и убраться вон. Но это было не так легко. — Ты уже забыла, как мы виделись в последнюю нашу встречу?! Забыла, как накачала меня наркотиком и запихнула в холодильник?

На ее жирном лице отразилось неподдельное изумление и обида.

— Но, родной!.. Мы ведь сделали это только ради тебя! Ты же был ужасно болен.

Думаю, она сама уже верила в то, что говорила.

— Ну, хорошо-хорошо... Где Майлс? Ты ведь теперь миссис Шульц?

— А ты ничего не знаешь? — она широко раскрыла глаза.

— Чего я не знаю?

— Бедный Майлс!.. Он прожил меньше двух лет с той поры, когда ты оставил нас, Дэнни! — неожиданно выражение ее лица резко изменилось. — И он обманул меня, мерзавец!..

— Вот как? Жаль... — я несколько секунд раздумывал над тем, как умер Майлс: случайно поскользнулся? Или порция стрихнина в супе? Впрочем, черт с ним, нужно было узнать главное. — Что стало с Рикки?

— Рикки? — она недоуменно нахмурилась.

— Маленькая девочка... Приемная дочка Майлса — Фредерика... Ну?

— А-а, это противное создание? Откуда мне знать? Она стала жить со своей бабушкой.

— Где?! И как звали ее бабушку?

— Не помню... То ли в Туксоне, то в Юме, словом, в какой-то скучной дыре... Чуть ли не в Индии. Слушай, дорогой, я вовсе не хочу говорить об этом маленьком монстре, я хочу говорить о нас — нас с тобой!..

— Да-да, сейчас поговорим. Как звали ее бабушку?

— Ну... по-моему, Хенолен... или Хейни... Хейнз. А может быть — Хинкли... Не утомляй, дорогой, давай лучше выпьем! Давай выпьем за нас, за нашу счастливую встречу!..

— Я теперь не пью, — это была чистая правда. Тридцать лет назад, я понял, что полагаться на выпивку в трудную минуту не стоит, и теперь ограничивался лишь пивом по вечерам с Чаком.

— Ну-у, какая скука, дорогой!.. Ты не возражаешь, если я выпью одна? — не дожидаясь моего ответа, она налила себе неразбавленного джину, но выпила не сразу, а сначала достала пластиковую бутылочку и высыпала на ладонь две пилюли. — Хочешь одну?

Я знал, что это такое — эйфорин. Некоторые специалисты утверждали, что он не токсичен и не вызывает постоянной привычки. Но были и другие мнения: кое-кто утверждал, что это производное морфина в сочетании с сильным барбитуратом.

— Нет-нет, спасибо, мне и так хорошо.

— Ну, как хочешь, — она проглотила обе и запила их джином, — Как здорово, — по лицу ее разлилась блаженная улыбка. Я понял, что, если хочу вытащить из нее хоть что-то, нужно торопиться.

— Белла, — как можно мягче сказал я, — расскажи мне о себе... С самого начала, ведь я совсем не в кур-

се... Что у вас с Майлсом вышло с «Манникс Энтерпрайз»?

— М-мм? А-а, ничего не вышло... — неожиданно в глазах у нее промелькнула злоба. — И в этом ты виноват!!

— Я? Виноват? Да ведь меня тогда уже не было!..

— Ты! — упрямо, голосом обиженного ребенка проговорила она. — Ты... Это жуткое страшилище на кресле с колесиками, которое ты сделал... Они хотели только его, а его там не было... В мастерской.

— Как не было? Куда оно девалось?!

Она поглядела на меня осоловелыми заплывшими глазками, в которых явно сквозило недоверие.

— Тебе лучше знать! Ведь это ты его взял!..

— Я?! Белла, не сходи с ума! Я вообще ничего не мог взять — я же лежал в «холодильнике»! Где оно? Когда оно исчезло? — мне вообще-то приходило в голову, что кто-то другой украл «Фрэнка», раз Майлс и Белла не воспользовались им, но я точно знал, что я сам никак не мог этого сделать, я вообще в глаза не видел «Фрэнка» с той самой ночи. — Белла! Напрягись и вспомни, где он?! С чего ты взяла, что это я его взял тогда?..

— Конечно, ты! Никто, кроме тебя, не знал, что это такое!.. Это страшилище... Говорила я Майлсу, чтобы он не оставлял его в гараже!

— Но если даже кто-то посторонний и увел его, вряд ли он смог бы разобраться в нем: ведь все заметки, инструкции, чертежи — все это осталось у вас.

— Ничего не осталось! Это кретин Майлс засунул их внутрь твоего монстра в ту ночь, когда мы вынуждены были перевезти его из мастерской, чтобы он был в безопасности...

Я пропустил мимо ушей «безопасность» и уже хотел был возразить ей, что внутрь «Фрэнка» ничего нельзя было запихнуть (он и так был напичкан, как фаршированная утка), как вдруг вспомнил, что сам соорудил под днищем кресла полку для инструментов — с ней было удобно работать. В спешке можно было вполне кинуть все бумаги на эту полку... Впрочем, какая теперь разница — преступление, совершенное тридцать лет назад... Мне захотелось узнать, каким образом они проворонили акции «Помощницы».

— Скажи, когда вариант с «Манникс Эитерпрайз» отпал, что вы стали делать?

— Продолжали работать в «Помощнице», конечно... Потом, когда от нас ушел Джейк, Майлс сказал, что надо закрыть фирму. Майлс всегда был слабак!.. А я с самого начала недолюбливала этого Шмидта... Вечно он совал нос не в свои дела, что-то подозревал... Все спрашивал, почему да отчего ты вдруг ушел... Как будто мы могли тебя остановить! Я хотела нанять хорошего менеджера и продолжать дело, но Майлс — осел настоял на своем.

— И что случилось потом?

— Как что? Мы продали лицензию «Производству автоприборов», ты сам прекрасно знаешь — ты ведь там сейчас работаешь!

Это я знал — полное название фирмы звучало: «Производство автоматических приборов «Домашняя Помощница» Инкорпорэйтед», хотя на рекламе всегда стояло лишь «Дом. Пом. Инк.»... Кажется, я вытянул из этой старой развалины все, что она знала сама... Но меня интересовала еще одна маленькая подробность.

— Вы оба продали ваши пакеты акций, когда отдали лицензию «Автоприборам»?

— Что-о-о? Кто тебе сказал такое?.. — лицо у нее перекопилось, она начала быстро моргать, потянулась было за платком, но махнула рукой и разрыдалась. — Он... Он обманул меня!.. Обманул!.. Жулик про-проклятый!.. Дал мне пинка под зад!.. Вы-вы-вынырнул во-во-вон!.. — она утерла слезы, высморкалась и задумчиво добавила. — Вы все меня обманули... И ты, Дэнни, хуже всех. После того, что я столько сделала для тебя!.. — она опять начала всхлипывать и подвывать.

Я подумал, что этот чертов эйфорин не стоит того, что за него платят... Впрочем, может она получает удовольствие от рыданий?

— Как же он обманул тебя, Белла?

— А то ты не знаешь!.. Он оставил все... все... до копейки этой недоношенной девчонке!.. И это после всего, что он мне обещал!.. После того, что я нянчилась с ним, как с младенцем! А она была ему даже не родная дочь!..

Первое хорошее известие, которое я услышал за весь вечер, — Рикки, стало быть, получила солидный

куш, даже если они до этого умудрились как-то отобрать у нее мой пакет. Теперь нужно было вытащить из Беллы главное:

— Как звали бабушку Рикки? Где они живут?

— Кто живет?

— Я же сказал, бабушка Рикки!

— К-к-кто так-к-к-ая Рик-к-к-и?..

— Дочка Майлса... Белла, возьми себя в руки — это очень важно!

Она тупо уставилась на меня и в глазах у нее загорелась злоба. Она ткнула в меня пальцем и пронзительно выкрикнула:

— Я тебя знаю!.. Ты... был в нее влюблен! Точно! В эту маленькую гадину... И в своего паршивого кота!..

При упоминании о Пите ярость подкатила у меня к самому горлу, но я сдержался, только взял ее за плечи и легонько встряхнул.

— Возьми себя в руки, Белла! Мне нужно знать только одно: где они живут? Как Майлс подписывал конверты, когда писал им?

— Не буду!.. — она оттолкнула меня. — Не буду я с тобой говорить! Ты все прекрасно знал, когда пришел сюда!.. — она качнулась и неожиданно лицо ее приобрело более или менее осмысленное выражение. — Я... Я не знаю. Ее звали... кажется, Хэнекер, или что-то в этом роде. Я... видела ее всего один раз, в суде, когда слушалось дело о завещании.

— Когда это было?

— Сразу после смерти Майлса, когда же еще?

— Когда он умер, Белла?!

Она опять «отключилась».

— Т-ты оч-ч-чень много хочешь з-з-нать, Дэни... Совсем, как тот шер... шер-р-р-иф... Все вопросы, вопросы... — она потянулась ко мне. — Дэни, давай все забудем!.. Пусть только мы с тобой!.. Дорогой! У нас же вся жизнь впереди, а женщина в... тридцать девять... еще совсем не старуха! Шульц говорил, что я самая молодая из тех, кого он видел... А этот старый козел в дел многих, можешь мне поверить!.. Мы можем быть счастливы, Дэни, милый! Мы...

С меня было довольно.

— Мне нужно идти, Белла!

— Что? Как идти?.. Я думала...

— Меня мало волнует, что ты думала. Мне нужно идти. Сейчас.

— Дорогой! Какая жалость... Когда мы увидимся? Завтра? Я страшно занята, но я отменю все дела и...

— Мы больше никогда не увидимся, Белла, — сказал я и вышел.

Больше я ее никогда не видел.

Дома я принял горячую ванну и стал обдумывать все, что мне удалось узнать. Если у Беллы еще не окончательно расплавились мозги от спиртного и эйфорина (в чем я не был уверен), фамилия бабки Рики начиналась на «Х», и жили они в каком-то полупустом городе в Аризоне или в Калифорнии. Что ж... возможно профессионалам и удастся по этим скудным сведениям найти какой-то след. Возможно — да, но... возможно — и нет. В любом случае это будет стоить недешево, и мне придется немного подождать, пока у меня не накопится достаточно денег.

Что я еще знаю? Майлс умер, по словам Беллы, где-то в 72-м. Если бы действительно умер в это время, я могу установить точную дату за несколько часов, а значит, и выяснить, когда слушалось дело о завещании... Если Белла все это не выдумала, конечно. Тогда я смогу выяснить, где Рикки жила в то время? Если в суде делаются подобные записи. Но что даст мне место ее проживания двадцати восьмилетней давности?.. И, наконец, был ли смысл в том, чтобы искать сорокалетнюю женщину — наверняка, замужнюю? Старая развалина, бывшая когда-то Беллой Даркин, произвела на меня жуткое впечатление: я начал впервые осознавать, что значит тридцать лет... Нет-нет, я нисколько не сомневался в том, что Рикки осталась по-прежнему чудным и грациозным существом, но... вспомнит ли она вообще, кто я такой? Вряд ли она совсем забыла меня, но не буду ли я для нее безликой фигурой, которую она когда-то называла «дядя Дэни» и у которой была красивенькая киска? Может быть я сам сейчас как и Белла, живу иллюзией? Живу тем, чего давно уже нет и в помине, — прошлым?

Но, в конце концов, если я все же попытаюсь найти ее, ничего плохого не случится. Мы, по крайней мере, сможем обмениваться новогодними открытками — вряд ли ее муж будет возражать против такого пустяка.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

На следующее утро, в пятницу, четвертого мая, вместо того чтобы идти в контору, я отправился в Центральный Архив штата. Там записали все, что я мог им сообщить, и попросили зайти через месяц. Тогда я зашел в бюро «Таймс», взял гору подшивок и просидел над ними, пока у меня не одеревянела шея, но я все же выяснил: если Майлс умер в промежутке между двенадцатью и тридцатью шестью месяцами после моего ухода в Сон, это произошло не в штате Лос-Анджелес. Ценное открытие... В конце концов, он мог умереть где угодно — у любого человека есть это право, и его пока еще никто не отменял... Я поблагодарил служащего в бюро «Таймс», пошел позавтракал и отправился к себе в контору.

Там меня ждали два телефонных звонка и письмо — все от Беллы. Я дочитал письмо до строки: «Мой дорогой Дэнни!», — и разорвал его в клочья, велел секретарю не принимать больше никаких звонков и писем от миссис Шульц. Потом я ходил в статистическое бюро и спросил главного: можно ли как-нибудь выяснить фамилию и данные бывшего владельца того или иного пакета наших акций? Он сказал, что попробует, и я продиктовал ему по памяти номера акций, когда-то принадлежавших мне. Я их прекрасно помнил — у нас вначале была всего одна тысяча и мне принадлежали первые пятьсот десять (те, что я преподнес Белле в качестве «предсвадебного подарка», были самыми первыми).

Вернувшись в свой кабинет, я застал там Мак-Би.

— Где вы были? — спросил он.

— И там, и сям. А в чем дело?

— Это не ответ. Мистер Галлоуэй дважды спрашивал вас. Я был вынужден сказать, что не имею понятия, где вы.

— Ну так что из этого? Если я нужен Галлоуэю, он как-нибудь найдет меня. Если бы Галлоуэй побольше занимался розничной торговлей и поменьше придумыванием разных рекламных штучек и приманок, фирме это пошло бы только на пользу!

Честно сказать, Галлоуэй здорово надоел мне за последнее время. Он, по идее, должен был заниматься продажей продукции, но, по-моему, он решил просто

подменить рекламное агентство, с которым мы имели дело... Как бы там ни было, меня все это совершенно не интересовало. Меня интересовали проблемы инженерии, а все остальное для меня было не более, чем надоедливое шуршание бумаги, когда думаешь о чем-нибудь серьезном... Я прекрасно знал, чего хочет от меня Галлоуэй, и в восторг это меня не приводило: он хотел напялить на меня костюм 1900-го и заснять в таком виде. Я твердил ему, что он может снимать меня в любых позах в одежде 1970-го, но 1900-й был двенадцатью годами раньше, чем родился мой отец. Он возражал на это, что никто, дескать, не разбирается в таких тонкостях. Тогда я послал его туда, куда посылали и в 1900-м, и в 1970-м, на что он ответил: «Вы, мистер Дэвис, плохо разбираетесь в делах фирмы!» Все люди, занимающиеся одурачиванием публики, наивно думают, что никто, кроме них, не умеет ни читать, ни писать...

— Вы плохо разбираетесь в делах фирмы, мистер Дэвис, — сказал Мак-Би.

— Да? Что ж, мне очень жаль, если вы так полагаете.

— Знаете, вы ведь занимаете довольно, м-мм... необычное положение. Официально вы прикреплены к моему департаменту, но мне поручено направлять вас в отдел рекламы и продажи, когда там будут в вас нуждаться. И отныне, я думаю, вам следует придерживаться такого же строгого присутствия в рабочее время, как и всем остальным служащим... Так что, пожалуйста, ставьте меня в известность, когда вам надо куда-нибудь отлучиться... Будьте так любезны.

Я медленно про себя посчитал до десяти, а потом спросил:

— Мак, а вы сами придерживаетесь строгого присутствия?

— М-мм? Разумеется, нет. Я — главный инженер!

— Совершенно верно, вы — главный инженер. Во всяком случае, так написано на табличке, прикрепленной к двери вашего кабинета. Но вот какое дело, Мак: я был главным инженером в этом заведении еще до того, как вы начали бриться! Вы всерьез полагаете, что я буду придерживаться общего расписания?

— Ну что же... — он покраснел, как рак, — может быть, и не будете, но в этом случае хочу предупредить

вас: жалования вы получать тоже не будете.

— Неужели? Вы уверены? Ведь не вы же меня наняли, значит и увольнять меня — не в вашей компетенции.

— Г-м... Ну, для начала я могу перевести вас из моего отдела в отдел рекламы, к которому вы по существу и относитесь. Если вы вообще относитесь к какому-нибудь отделу, — он окинул взглядом мою чертежную машину. — Вы явно ничего здесь не делаете, и я не могу допустить, чтобы простаивало дорогое оборудование! Будьте здоровы, — он торопливо кивнул и вышел.

Я проводил его до двери. В кабинет вкатился «Посыльный Малый» (разновидность «Фрэнка») и положил большой конверт мне на стол. Но я не стал смотреть, что в нем, а спустился вниз в кафе и закурил первую сигарету за тридцать лет.

Как и все люди подобного склада, Мак полагал, что творческая работа должна выполняться по заданному графику с учетом человеко-часов. Ничего удивительного в том, что при таком главном инженере фирма годами не выпускала ничего нового... Ну и черт с ним! Я не собирался здесь задерживаться.

Через час-полтора я поднялся к себе и увидел на своем столе конверт нашей внутренней почты. Я распечатал его, полагая, что Мак решил принять против меня экстренные меры. Но это было письмо из статистического бюро:

Дорогой мистер Дэвис!

По поводу акций, о которых вы запрашивали.

Дивиденды с большого пакета акций выплачивались с первой четверти 1971 года по вторую четверть 1980 года представителю доверенного лица по фамилии Хейник. Что произошло после нашей реорганизации в 1980-м с этим пакетом, остается невыясненным, но удалось установить, что эквивалентный по стоимости пакет был продан «Обществу Международной Гарантии» и продолжает до сих пор оставаться там. Что касается меньшего пакета акций, то до 1972-го он принадлежал, как вы и предполагали, Белле Джентри, а в 72-м был передан корпорации «Сьерра Аксеши», которая впоследствии разорилась и распродала эти акции «из-под прилавка». Точная последовательность всего происшедшего с каждым пакетом акций может быть установлен-

на, если это потребуется, но на это уйдет больше времени.

Если наш отдел в состоянии оказать вам еще какие-либо услуги, просить незамедлительно обращаться к нам.

У. Е. Рейтер, Гл. Статист

Я позвонил Рейтеру, поблагодарил его и сказал, что ничего больше мне не требуется. Теперь я знал, что моя перепись пакета акций на Рикки никогда не вступала в силу. Так как перевод моих акций, установленный статистическим бюро, был несомненно мошеннический, в этом деле явно чувствовалась рука Беллы: этот представитель «доверенного лица» мог быть или ее следующим партнером, или фиктивным, подставным лицом, поскольку она вполне могла уже тогда рассчитывать избавиться от Майлса.

Разумеется, она очутилась на мели, когда Майлс умер, и продала меньший пакет. Но меня совершенно не волновала дальнейшая судьба этого пакета, коль скоро он вышел из-под контроля Беллы. Я забыл спросить Рейтера, что случилось с пакетом Майлса — это могло привести меня к Рикки, даже если она уже не владела им. Но сегодня была пятница, вечер, и я смогу сделать это лишь в понедельник. Сейчас же я, пожалуй, вскрою второй, большой пакет, лежащий у меня на столе с очень заинтересовавшим меня обратным адресом.

В начале марта я запрашивал Бюро Патентов о самом первом патенте на «Услужливого Бородача» и «Чертежника Дэна». Мое твердое убеждение, что «Услужливый Бородач» — это просто иное название «Универсального Фрэнка», слегка пошатнулось после моего близкого знакомства с «Чертежником Дэном». Я подумал, что коль скоро существовал (а может, и существует до сих пор) какой-то неизвестный мне мастер, чьи мозги работают почти в точности, как мои (судя по «Чертежнику»), то этот же мастер мог создать и «Бородача». Эта теория подкреплялась еще и тем, что оба патента были зарегистрированы в одно и то же время и оба принадлежали (во всяком случае, пока на них не истек положенный срок) одной и той же компании «Аладдин». Но я хотел знать наверняка. И если такой мастер действительно существовал, я очень хотел с ним повидаться — он мог кое-чему меня научить.

Сначала я получил от Бюро Патентов стандартный ответ, в котором мне сообщалось, что все сведения о патентах, на которые истек срок давности, хранятся в Национальном Архиве в Карлсбадских Убежищах. Тогда я написал в Центральный Архив и получил оттуда тоже стандартный ответ с просьбой перечислить гонорар наличными (с указанием стоимости ответа на каждый мой вопрос). Я перечислил им всю сумму за подробные сведения о каждом патенте — заметки, чертежи, дата регистрации и так далее.

Толстый конверт, лежащий сейчас у меня на столе, похоже, содержал подробный ответ на мой оплаченный запрос. Я распечатал его и сразу наткнулся на стопку документов, лежащую сверху. Это была копия патента за номером 4307909 на «Услужливого Бородача». Я пропустил заявку и описания и набросился на чертежи: заявка пишется не на языке профессионалов, из нее мало что можно узнать о технических деталях. В описаниях, прилагаемых к патенту, есть все подробности, но они есть и в чертежах, а чертежи я читаю лучше, чем отпечатанный текст...

Должен сознаться, что «Бородач» был не очень похож на «Универсального Фрэнка» — он был лучше. Он мог выполнять несравненно большее число операций, и при этом некоторые узлы были здорово упрощены. Единственное, что объединяло оба агрегата, это общая основа: «Универсальный Фрэнк» вполне мог быть «предком» «Бородача». Я даже видел, как сам иду по этому пути — работаю над «Фрэнком» и превращаю его в то, что когда-то брезжило в моем мозгу. Не ограничиваю его работой по дому, а делаю универсальным.

В конце концов, разобравшись с чертежами, я стал смотреть фамилию изобретателя на Патенте — она везде была четко проставлена: «Д. Б. Дэвис».

Некоторое время я тупо смотрел на нее, машинально насвистывая: «Время — ты в моих руках!..» (отчаянно фальшивя)... Стало быть, Белла и тут солгала. Интересно, была ли хоть сотая доля правды во всей той «каше», которой она меня здесь напичкала? Видимо, не лгать она уже просто не могла, но я где-то читал, что даже патологический лжец отталкивается от какой-то крупницы правды в своих бреднях. Очевидно, моя модель «Фрэнка» никогда не была «украдена», а ее

просто передали другому инженеру на доработку, а потом зарегистрировали на мое имя. Но «Манникс Энтерпрайз» с «Фрэнком» дела не имела — это я знал точно.

А Белла говорила, что их сделка с «Манникс» не состоялась из-за кражи «Фрэнка»... Что же произошло в действительности? Может быть, Майлс припрятал «Фрэнка» для себя лично, а Белле сказал, будто его украли?..

В конце концов я плюнул на это — что толку гадать на кофейной гуще? Пожалуй, узнав, кто автор этих патентов, я мог бы потребовать для себя работы в «Аладдине», но... С другой стороны, срок патентов давно истек, Майлс был мертв, а Белла, если и поимела какие-то барыши, давно уже все истратила. Я же был вполне доволен тем, что в результате изобретателем и создателем «Фрэнка» был я сам. Моя профессиональная гордость была удовлетворена, а деньги... Может найдутся люди, которых волнуют деньги, когда не о ком заботиться и на еду хватает, но я — не из них.

Я стал вертеть в руках копию второго патента (за номером 4307910) на «Чертежника Дэна». Чертежи были великолепны — я сам не сделал бы лучше. Меня восхитила экономия пространства и та простота, с которой трущиеся детали были сведены к минимуму! Трение — бич любой техники... Он даже воспользовался электрической пишущей машинкой — клавиатура и некоторые другие детали... Вот это был высокий класс! Никаких выдумок, если можно использовать то, что уже давно изобретено и продается на каждом углу. Кто бы он ни был, этот парень... Кстати, а кто, в самом деле? Я перевернул страницу и увидел четко выведенную фамилию:

Д. Б. Дэвис.

* * *

Я позвонил Доктору Альбрехту. Меня соединили с ним, и я назвался, поскольку он не мог меня видеть (телефон в моем кабинете был без экрана).

— Я узнал вас по голосу, — ответил он. — Как дела, сынок? Как работаете на новом месте?

— Неплохо. Хотя мне еще не предложили войти в долю.

— Дайте им время. Как в остальном? Нормально себя чувствуете в этом сумасшедшем мире?

— Более чем. Если бы я знал, как здесь здорово, я бы ушел в Сон гораздо раньше! И, главное, меня уже нельзя отправить обратно.

— Ну-ну... А я довольно хорошо помню 70-й. Я был тогда мальчишкой, конечно. Мы жили на небольшой ферме в Небраске. Я охотился и ловил рыбу. И это было здорово — куда лучше, чем сейчас.

— Док, кому что нравится. Мне нравится здесь... то есть я хочу сказать, сейчас. Но я звоню вам и отрываю вас от дел не только для того, чтобы сообщить это. Видите ли, док, у меня тут возникли небольшие затруднения...

— Валяйте, я вас слушаю. Для меня это отдых — небольшие затруднения. Обычно у людей, с которыми я имею дело, большие трудности.

— Скажите, док, может Долгий Сон вызвать потерю памяти? Амнезия — так, кажется, это у вас называется?

Он немного подумал, перед тем как ответить.

— Вообще-то это возможно. Правда я с этим не сталкивался... То есть не сталкивался с чистым случаем — обычно сопутствовали и другие факторы, не только Долгий Сон...

— А какие факторы могут вызвать амнезию?

— Их много. Самый распространенный — собственное подсознательное желание пациента. Он забывает последовательность событий, «переделывает» ее, потому что реальное положение вещей для него невыносимо... Ну, разумеется, обыкновенный удар по голове — амнезия, как последствие травмы. Существует амнезия «по приказу» — под наркотиком или под гипнозом... А что случилось, сынок? Не можете найти свою чековую книжку?

— Да нет, с этим как раз все в порядке. Но я никак не могу сопоставить какие-то вещи... словом, не помню, что и как происходило незадолго до моего ухода в Сон... И мне как-то неуютно, док.

— М-мда... Что-нибудь из перечисленного мной сейчас с вами случилось тогда?

— Да, — помолчав ответил я. — Пожалуй, все... кроме, разве что, удара по голове. К тому же... я мог что-то сделать и здорово пьяный.

— Кстати, я забыл упомянуть один из самых распространенных факторов, сынок — амнезия вследствие

постоянного употребления алкоголя... Послушайте, мне кажется, вам стоит зайти ко мне, сюда и потолковать обо всем подробно и в спокойной обстановке. Если я не сумею вытащить наружу то, что вас тревожит (вы же понимаете — я не психиатр), я сведу вас с гипноаналитиком. Уж он-то вернет вам память сполна, и вы даже расскажете ему, почему опоздали в школу четвертого февраля, когда учились во втором классе. Но это будет стоить довольно дорого, так почему бы не заглянуть сперва ко мне?

— Знаете, док, я и так вам, наверное, здорово надоел. К тому же вы очень щепетильны в смысле гоно-раров...

— Сынок, мне интересны люди, с которыми я имею дело. Они... Они — вся моя семья, сынок.

Мы еще немного поговорили, и я обещал позвонить ему в самом начале следующей недели, если «туман» не рассеется. А сейчас я хотел собраться с мыслями и попытаться обдумать все сам.

Почти все окна в здании были уже темными, свет горел только у меня. В кабинет заглянула «Помощница» (самая простенькая модель — «уборщица»), увидела, что комната еще не пустая, и тихонько выкатилась. Я продолжал сидеть за своим столом и сидел до тех пор, пока не зашел Фреденберг и не сказал:

— Я думал, ты давно ушел, а свет просто забыл выключить. Давай просыпайся и пойдём — дома досмотришь сон.

Я оторвался от разложенных на столе бумаг и взглянул на него.

— Слушай, Чак, у меня есть идея — давай купим бочку пива и чего-нибудь пожрать.

Он тщательно обдумал мое предложение.

— Ну что ж... Сегодня пятница, а в понедельник я люблю вставать со свежей головой, потому что только в этом случае я знаю, какой на дворе день недели.

— Стало быть, решено. Подожди минутку, я только соберу эту макулатуру в портфель.

Мы с ним выпили пива, потом поели, потом выпили еще пива в заведении с хорошей музыкой, потом перебрались в другое заведение, где не было никакой музыки и где вас не беспокоили, если раз в час вы что-

нибудь заказывали. Мы заказывали. И говорили. Я показал ему копии патентов. Чак внимательно просмотрел патент на «Бородача».

— Отличная работа, Дэн. Ей богу, я горжусь тобой! Дай мне свой автограф!

— Взгляни теперь на этот, — я протянул ему копию авторского свидетельства на «Чертежника».

— В каком-то смысле это даже лучше... Дэн! Ты отдаешь себе отчет в том, что ты сделал для современной техники, пожалуй, больше, чем в свое время Эдисон?! Ты хоть понимаешь?!

— Прекрати Чак! Я ведь серьезно... — Я помахал бумагами перед его носом. — Пойми! Пусть вот это (я ткнул пальцем в бумаги на «Бородача») сделал я! Но я никак не мог сделать вот это (я ткнул в «Чертежника»)!... И я этого не делал, если только... Если я не сделал это в каком-то «тумане», а теперь начисто забыл обо всем! Если у меня не амнезия!..

— Ты твердишь об амнезии последние двадцать минут! Но внешне у тебя нет никаких признаков... В тебе не больше «сумасшедшинки», чем это принято считать в качестве нормы для инженера.

Я трахнул кулаком по столу так, что звякнули кружки.

— Чак! Я должен знать правду! Д о л ж е н !!

— Хорошо. Должен... Что же ты собираешься делать?

— Собираюсь хорошо заплатить психиатру. Пусть он вытащит это из меня.

— Я так и думал, — он вздохнул. — А теперь послушай меня, Дэн. Предположим ты заплатишь этому «механизму по извилинам», и в результате он сообщит тебе, что у тебя все в полном ажуре — память целехонькая. Что тогда?

— Тогда?... Но это невозможно!

— Так все говорили Колумбу... Дэн, тебе в голову не пришло самое простое объяснение, самый тривиальный вариант.

— Какое?... Какой вариант?

Вместо ответа он подозвал официанта (модель «Помощницы») и велел принести Большой телефонный справочник.

— В чем дело? — спросил я. — Ты хочешь вызвать для меня санитаров?

— Пока нет, — он порылся в громадном фолианте, нашел какую-то страницу и протянул том мне. — Смотри сюда!

Я посмотрел — он держал указанный палец на «Дэвис». У меня зарябило в глазах от колонок с «Дэвисами». Там где он зажал пальцем страницу был «Д. Б. Дэвисы» — больше дюжины. Трое из них были Дэниэли Б. Дэвисы, одним из которых был я сам.

— Это, заметь, на меньше, чем семь миллионов жителей, — веско произнес Чак. — А что если попробовать на двести пятьдесят миллионов?

— Это ничего не доказывает, — вяло возразил я.

— Не доказывает, — согласился он. — И если окажется, что два инженера с почти одинаковыми мозгами, работающие над одними и теми же изобретениями в одно и то же время имеют одинаковые фамилии и инициалы, это будет редчайшим совпадением. По теории вероятности мы можем даже вычислить, сколь м а л а вероятность такого совпадения. Но люди почему-то всегда забывают, что, хотя теория вероятности демонстрирует обычно, сколь м а л а вероятность подобного совпадения, эта же теория утверждает возможность в принципе таких совпадений. И все твои проблемы могут иметь очень простое решение. Скажу честно, такой вариант мне лично нравится гораздо больше, чем другой, по которому выходит, что мой приятель и собутыльник свихнулся! Знаешь, приятные собутыльники, да еще с такой страстью к пиву, попадаютя очень редко!

— Что же, по-твоему, я должен делать?

— Во-первых, не тратить время и деньги на психиатра, пока ты до конца не используешь «во-вторых». Во-вторых, выяснить, как зовут того Д. Б. Дэвиса, который зарегистрировал патент, — это не так уж сложно. Только не стоит обольщаться, если его зовут Дэниэль — ведь «Б.» может означать вовсе не Бун, а, скажем Берзовский. И, в-третьих, что по идее должно было бы быть «во-первых», забыть обо всем этом в данную минуту и заказать еще по паре.

Мы заказали и стали говорить на отвлеченные темы, в основном о женщинах. У Чака по этому поводу была своя теория, которая заключалась в том, что женщина по своей сути очень схожа с автоматическим прибором, но действия ее невозможно вычислить логическим спо-

собою. В качестве доказательства он нарисовал каплями пива на столе график. Я посмотрел на этот чертёж и неожиданно сказал:

— Вот если бы можно было на самом деле путешествовать во времени, я бы знал, что мне делать.

— Что-что? Ты о чем?

— О своих делах. Слушай, Чак, я оказался здесь... в смысле, с е й ч а с, ну... как бы совершил путешествие во времени. И все беда в том, что «билет» был только в одну сторону, понимаешь? Я не могу вернуться туда... назад. Все, что меня сейчас тревожит, случилось тридцать лет назад. Я бы вернулся туда и раскопал все, если бы можно было «ездить» во времени, как по дороге... Если бы такая штука существовала...

Он уставился на меня с недоумением.

— Но ведь она с у щ е с т в у е т!

— Что-о-о-о-о?

Он вздрогнул и неожиданно протрезвел.

— Я не должен был говорить этого.

— Может, и не должен, но уже сказал. И теперь лучше говори все до конца, пока я не вылил эту кружку тебе на голову.

— Забудь об этом, Дэн! У меня случайно сорвалось...

— Говори.

— Как раз этого я не могу! — он огляделся по сторонам. Никого вокруг нас не было. — Это засекречено.

— Путешествие во времени засекречено?! Господи, почему?

— Дэн! Ты что, никогда не работал на правительственных предприятиях? Они бы там и секс засекретили, если б могли! Для этого не нужно никакой причины — они всегда так делают. Но так или иначе, это засекречено, и я не имею права... Выкинь это из головы!

— Но... Послушай, Чак! Ты ведь знаешь, как это важно для меня! Это очень важно... — он ничего не ответил (упрямый осел!), и я сказал: — В конце концов, мне ты можешь сказать — у меня у самого был допуск «Ц»!

— Что это за допуск «Ц»?

Я объяснил. Он кивнул.

— Ты имешь в виду статус «Альфа»... Что ж,

наверное, ты имел дело с «горяченьким» — у меня самого был лишь «Бета».

— Ну так в чем тогда дело? Почему ты не можешь мне сказать?

— Ты прекрасно знаешь: почему? Несмотря на свой высший статус, ты все равно не... как они говорят, не из тех, «кому нужно знать»...

— Ну и черт с ними! Ты-то знаешь, что мне нужно знать!

Но он не сдавался, пока я не скорчил презрительную гримасу и не сказал:

— Я так и думал. Ничего подобного быть не может, а ты просто напустил туману... Бета! Засекречено... Чушь!

Он сощурился и посмотрел мне прямо в глаза.

— Дэнни! — медленно проговорил он. — Я... скажу тебе. В конце концов, у тебя действительно был статус «Альфа», и я скажу... Потому что никакого вреда от этого не будет, и я хочу, чтобы ты понял: тебе это никак не поможет. Нет-нет, эта штука действительно работает, но пользоваться ею нельзя — просто невозможно...

— Почему?

— Сейчас объясню, не торопи меня... Этим невозможно пользоваться и вряд ли когда-нибудь будет возможно, даже... Словом, это бесперспективно даже с научной, исследовательской точки зрения. Это просто побочный продукт антигравитации — потому оно и засекречено.

— Что за чушь? Ведь антигравитация давным-давно рассекречена!

— Ну и что с того? Она рассекречена, потому что из нее извлекается прибыль, ею можно пользоваться практически, а этим — нет. Я все сейчас расскажу, только прошу тебя, ради бога, потом обо всем этом забудь!

Этой просьбы я не выполнил, поэтому вполне могу пересказать то, что услышал от Чака, — хуже не будет.

В последний год учебы в Колорадском университете Чак подрабатывал лаборантом — в университете была большая криогенная лаборатория, и сначала он работал в ней. Но у них был контракт с Эдинбургским университетом (где была разработана основная теория антигравитации), и поэтому в горах за городом была постро-

ена новая большая физическая лаборатория, куда и послали Чака в непосредственное подчинение профессора Твитчелла — доктора Хьюберта Твитчелла, того самого, который незадолго до этого упустил Нобелевскую премию и оттого пребывал в состоянии постоянного раздражения.

— Однажды Твитч обнаружил, — рассказывал мне Чак, — что при поляризации одной из осей гравитационное поле не устраняется, а меняет направление. Он повторил этот опыт раз, другой, но ничего особенного не произошло. Тогда он заложил все данные в компьютер и... Надо было видеть его физиономию, когда он получил результат! Глаза у него вылезли на лоб, но мне он, естественно ничего не сказал — просто положил два серебрянных доллара в камеру, велел мне пометить каждый, включил рубильник, и... они исчезли. Вообще-то я видел фокусы и почище и не очень удивился бы, если б он тут же достал их из носа какого-нибудь ассистента, но... Он почему-то был ужасно доволен, ну, и я, конечно, тоже — мне ведь платили за каждый час пребывания там... Ровно через неделю одна из монет появилась в камере — только одна! А незадолго до этого я как-то раз чистил камеру, когда Твитч уже ушел домой, и там неожиданно возникла морская свинка. У нас в лаборатории их вообще не было, и по дороге домой я отнес ее в биологическую лабораторию. Они пересчитали своих, и оказалось что все на месте, хотя... Трудно сказать наверняка, когда речь идет о морских свинках. Словом, я отнес ее к себе, стал кормить, и мы с ней подружились... После того как в камеру возвратился один из серебрянных долларов, Твитч с головой ушел в расчеты и даже стал забывать бриться. Следующий эксперимент он устроил с двумя морскими свинками — взял их в биологическую лабораторию, причем одна из них показалась мне ужасно знакомой. Правда, у меня не было времени ее рассматривать, потому что он быстро засунул их обеих в камеру и включил рубильник... Они обе исчезли. Когда дней через десять в камере появилась опять лишь одна (не та, что была похожа на мою), Твитч уже не сомневался, что он «поймал»... Вскоре после этого у нас появился субъект из Отдела Обороны, называвший себя профессором ботаники, — военного в нем было видно за версту, да он и не скрывал этого. Меньше всего его интересовал Твитч. Этот

полковник заставил нас дать подписку о неразглашении — отдельную, помимо той, к которой нас обязывала наша обычная секретность. Он думал, что наткнулся на самое потрясающее военное изобретение со времен Цезаря — возможность посылать войска по желанию в прошлое или будущее и таким образом выигрывать сражения, которые были проиграны или которые должны были быть проиграны. Противник, по его представлению, так и не поймет, что же произошло. Он был помешан на «доблестях», «героизме» и, конечно генеральском чине, но... Дело, разумеется, кончилось пшиком. Только поставленный им гриф «Совершенно секретно» остался до сих пор. Я, во всяком случае, не слышал о том, чтобы это открытие было рассекречено.

— Постой! Но... — я собрался с мыслями. — Это можно использовать в военных целях! Смотри, если действительно можно забросить взвод или дивизию иди даже армию в один присест... Хотя, подожди! Я понял, в чем тут штука... Всегда должно быть два объекта! Нужно две дивизии — одна «вперед», другая — «назад». И, таким образом, одну из дивизий придется полностью потерять...

— И да и нет, — перебил меня Чак. — Совсем не обязательно использовать пары: две дивизии, две морские свинки. Достаточно уравновесить массы. Можно взять дивизию и груду камней, которые весят ровно столько, сколько солдаты... Ну, действие должно быть равно противодействию... — он начал рисовать пивом на столе какие-то формулы.

— Да напруги же извилины, Дэнни! Ракету можно навести на цель, придать ей направление... А в каком направлении находится прошлая неделя? Попробуй, «прицелься» туда! Ведь ты и понятия не имеешь, какая именно масса уйдет «вперед», какая — «назад»... И предсказать это невозможно!

Я заткнулся, представив себе, как будет чувствовать себя командующий, ожидающий подкрепления, а вместо этого получит грудку кирпичей или гравия... Сомневаться не приходится: бывший «профессор ботаники» до генерала не дослужился.

— ...Берешь две массы, как пластинки в конденсаторе, — бубнил между тем Чак, — придаешь им одинаковый временной потенциал-заряд и выводишь на

вертикальную кривую... Потом — хр-р-р-я-сь!.. Одна из них в середине будущего года, другая — уже история, а ты не знаешь, где — какая?... Но это еще не самое худшее — никогда не сможешь вернуться н а з а д!

— М-мм? А зачем возвращаться? Кому нужно назад?

— Ты тупеешь, Дэнни. Какой же смысл во всем этом, если ты не сможешь вернуться? Какой смысл для научных исследований? Или для коммерции? Куда бы ты ни «прыгнул», обратно ты уже не вернешься — там ведь нет аппаратуры... А аппаратура, поверь мне, стоит недешево. И энергию эта штука жрет — будь здоров! Очень дорого... Еще один минус. Для энергии приходилось пользоваться ядерным реактором...

— Но ведь на самом деле можно вернуться! — неожиданно сказал я. — Холодный Сон...

— Сон? Да... Если только ты попадешь в прошлое, а ведь ты можешь попасть и в будущее... И еще: если ты попадешь в недалекое будущее — после Шестинедельной, когда уже был Холодный Сон. Но какой в этом толк? Допустим, ты хочешь узнать что-то про 1980-й — так спроси кого-нибудь или посмотри старые газеты... Вот если бы был способ сфотографировать гибель Карфагена, тогда... Но это невозможно. Нереально... Не только не сможешь вернуться, но вообще... Энергии для этого нет на всем земном шаре...

— И все-таки наверняка нашлись люди, которые попробовали... Не может быть, чтобы не было таких, а, Чак?

Он огляделся по сторонам.

— Я... Я и так сказал тебе слишком много.

— Ну так давай дальше — хуже уже не будет.

— Я думаю... Трое попробовали. Я так думаю... Один — инструктор. Я как раз был в лаборатории, когда зашел Твитч и этот... Лео Винцент его звали. Твитч сказал, что я могу идти домой, но я задержался снаружи и видел, как Твитч вышел... Один. Винцент остался. Насколько я знаю, он остался там до сих пор. Больше он в Боулдере — так называется это место, где была лаборатория, — не работал.

— А еще двое?

— Студенты. Они опять, как и Винцент, зашли туда с Твитчем. — А вышел один Твитч. Один из них

был на занятиях уже на следующий день, а второй отсутствовал неделю — выводы сделай сам.

— А ты? Ты никогда не пробовал?

— Я?! Я что, по-твоему, похож на сумасшедшего? Конечно, Твитч уговаривал меня, твердил даже, что это мой долг, что это, мол, для науки. Но я сказал: «Спасибо, обойдусь!»... Я, знаешь, еще хочу попить пива... Я сказал, что с удовольствием включу рубильник для него, если ему и науке нужна моя помощь, но он почему-то не воспользовался моей любезностью.

— А я бы попробовал... Я бы смог выяснить все, что мне нужно, и вернулся бы назад Холодным Сном. А, Чак?

— Хватит с тебя пива, Дэнни, — вздохнув, сказал он, — ты уже здорово надрался, если так ничего и не понял... Во-первых, — он стал рисовать черточки пивом на столе, — ты не знаешь, куда ты попадешь. Ты можешь «прыгнуть» в будущее, а не в прошлое...

— Что ж, я рискну. «Сейчас» нравится мне больше, чем «тогда»... Может, через тридцать лет мне понравится больше, чем теперь.

— Ну так уходи опять в «спячку» — это безопаснее. Или просто сиди и жди, пока не пройдет тридцать лет, как это собираюсь делать я... Не перебивай меня. Значит, во-первых, не знаешь: куда а? Во-вторых, даже если попадешь «назад», можешь «проскочить» 1970-й — насколько я знаю, Твитч палил наугад. Не думаю, чтоб он мог точно «прицелиться», хотя... Он, конечно, меня не посвящал. Третье, лаборатория была выстроена на месте сосновой рощи в 1980-м. Предположим, ты окажешься десятью годами раньше того, как ее построили, в аккурат посерединке желтой западной сосны, а? Можешь устроить приличный взрывчик, только ты его уж не услышишь. В-чет... Впрочем, постой! Почему ты вообще должен очутиться возле лаборатории? Почему не в точке открытого пространства, соответствующей тому месту, где лаборатория была когда-то?.. Хотя... Нет, об этом волноваться нечего, ведь морская свинка появилась точно в камере. Но «прыгнув» хотя бы на десять лет раньше того, как выстроили здание, ты можешь оказаться внутри дерева. В-четвертых, даже если ты попадешь точно в то время, которое тебе нужно, если останешься цел... Словом, если все сойдет гладко, как ты собираешься вернуться? Холодным сном?

— Ну да, а почему бы и нет? Один раз мне это удалось, так что у меня есть опыт... Меня можно даже назвать ветераном этого дела...

— Ладно, ветеран... Чем ты собираешься платить за Сон? Какими деньгами?

Я открыл было рот и... снова закрыл. Этого я действительно не учел. У меня были деньги... Тогда. Теперь у меня их не было. То, что мне удалось накопить здесь (а этого не хватило бы и на треть нужной мне «спячки»), я все равно не мог взять с собой...

Да если бы даже я ограбил сейчас банк (а я, честно говоря, очень плохо знаком с этим ремеслом), и у меня был бы миллион, я все равно не смог бы им воспользоваться в 70-м. Я просто угодил бы в тюрьму за попытку подделать банкноты — ведь изменился даже размер купюр, не говоря уже о номерах, сериях, цвете и водяных знаках.

— Но... Можно попробовать там как-то заработать... Накопить...

— Ты же умный парень, Дэн! Пока ты будешь их копить, ты окажешься здесь... то есть сейчас, но без всякого сна — лысый и беззубый.

— Ну, хорошо-хорошо. Давай сейчас вернемся к третьему пункту. Скажи, был когда-нибудь на том месте, где расположена лаборатория, взрыв? Ты слышал что-нибудь об этом?

— Нет, — он нахмурился, подумал секунду. — Нет, не думаю.

— Тогда я не попаду внутрь дерева, понимаешь? Не попаду, потому что не попадал! Улавливаешь?

— Лучше тебя. Я тоже думал обо всех этих парадоксах во времени, и куда больше, чем ты. Ты сейчас поменял местами причину и следствие... Никакого взрыва не было, и ты действительно не очутишься внутри дерева, потому что ты никогда не совершишь этот «прыжок»! Улавливаешь?

— Но я всерьез рассчитываю сделать это!..

— И не сделаешь. Я ведь не сказал еще тебе «в-пятых»... Так вот, слушай внимательно, потому что это перечеркивает все остальное: ты никогда этого не сделаешь, просто не сумеешь — ведь это з а с е к р е т н о! Тебя никто и близко не подпустит, так что забудь об этом, Дэнни! Мы провели с тобой прекрасный вечер за

крайне занимательной беседой, и утром меня будут разыскивать парни из ФБР. Давай-ка возьмем еще по паре, а в понедельник, если я еще не буду к тому времени за решеткой, я звякну главному инженеру в «Аладдине» и выясню, как зовут этого Д. Б. Дэвиса и кто он такой. Может, он даже работает там до сих пор, и тогда мы поужинаем все втроем и поболтаем... Кстати, я давно хотел тебя познакомить со Спрингером — главным в «Аладдине», он неплохой малый. И забудь ты, бога ради, всю эту чушь с «прыжками» во времени — этим невозможно пользоваться и вряд ли когда-нибудь будет возможно. Мне... Мне вообще не следовало бы говорить об этом... Если ты когда-нибудь сошлешься на меня, я заявлю, что ты лжешь, глядя тебе прямо в глаза. Знаешь, мне ведь еще может понадобиться мой статус «Бета», и я не хочу терять допуск...

Мы выпили еще по паре пива, и когда я добрался до дому, принял душ и избавился от некоторой части выпитого, я понял, что он был прав. Путешествие во времени так же могло помочь мне в решении моих проблем, как если бы я, срадая головной болью, решил перерезать себе глотку. И потом... Чак наверняка узнает все, что мне нужно, от Спрингера, или как там его... Узнает в промежутках между блюдами за обедом, без всякого риска, труда и затрат... Кроме того, мне нравится время, в котором я очутился.

Забравшись в постель, я потянулся к кипе газет, скопившихся за неделю, — с тех пор как я стал полноправным горожанином, «Таймс» присылали мне каждое утро по пневматической почте. Но я читал газеты крайне нерегулярно. Голова у меня была вечно набита разными инженерными проблемами, и газетные новости лишь раздражали: скучные раздражали скукой, а интересные — тем, что отвлекали от работы. Тем не менее я никогда не выкидывал газет, пока не прочитывал заголовки и статистические колонки — не регистрацию рождений и похорон, а «размораживание» — там, где перечисляли вышедших из Холодного Сна. У меня была все время слабая надежда, что когда-нибудь я наткнусь на знакомое имя, встречу с тем, кого знал тогда... Просто, чтобы сказать «привет» и выпить по рюмке. Шанс, конечно, был невелик, но я все же изо дня в день просматривал эти колонки в газете, получая от

этого какое-то странное удовлетворение. Думаю, подсознательно я считал всех «спящих», ну... своими, что ли... Вроде тех, кто когда-то служил с вами в одной части.

Ничего интересного я в этот вечер не нашел, разве что звездолет, затерянный где-то по дороге к Марсу, так и не был еще обнаружен. Знакомых имен в списке «проснувшихся» не было... Я выключил свет и погрузился в дремоту.

* * *

Около трех часов утра я неожиданно сел на кровати. Зажегся свет, и я на секунду зажмурился. Сна не было ни в одном глазу. Мне приснился очень странный сон, что-то вроде кошмара: будто я, читая статистическую колонку, не заметил имя Рикки.

Я понимал, что этого не могло быть. Но тем не менее, когда я огляделся и увидел, что не выкинул кипу газет в мусоропоглотитель, как нередко делал сразу после чтения, я испытал невольное облегчение. Я взял всю кипу, разложил на кровати и стал просматривать колонки заново. На этот раз я читал подряд все — рождения, смерти, разводы, браки, изменения фамилий и «размораживания» — у меня возникла мысль, что, быть может, я «зацепился» глазами за имя Рикки, сам того не сознавая, в какой-нибудь другой рубрике — не обязательно среди «размороженных». Может, Рикки вышла замуж, или у нее родился ребенок, или... Что-то еще.

Я чуть было не пропустил строчку, вызвавшую у меня ночной кошмар. Это было в «Таймсе» за второе мая 2001 — среди «размороженных» во вторник значилась: «Ф. В. Хейник, Риверсайдское Убежище». Ф. В. Хейник... «Хейник» была фамилия бабки Рикки! Я знал это, я был в этом уверен, я... Я не знал, откуда я знаю, но чувствовал, что это дремало в моем мозгу, пока я не перечитал сейчас колонку и не увидел фамилию напечатанной. Может быть, я когда-то видел ее на бумаге, может, слышал от Рикки или от Майлса, а может, даже и встречался со старухой в Сандии. Словом, так или иначе строчка в «Таймсе» разбудила спящий «кусочек» моей памяти, и теперь я знал точно... Но нужно было выяснить наверняка, что инициалы «Ф. В.» озна-

чают: Фредерика Вирджиния. Я весь дрожал от возбуждения, предвкушая радости и... страха. Я долго не мог одеться, несмотря на то что давно уже свыкся с новыми «застежками», — пытался застегнуть молнию на штанах, но через несколько минут уже был внизу, в холле, возле телефонной будки. В комнате у меня было аппарата, поэтому приходилось пользоваться общим в доме. Прежде чем звонить, мне пришлось опять подняться наверх к себе, поскольку я в суматохе забыл личную карточку телефонного кредита. Когда я наконец оказался у аппарата, у меня так дрожали руки, что я не мог попасть карточкой в прорезь. Справившись с карточкой, я нажал кнопку «Вызов», и раздался мелодичный голос:

— Называйте код, пожалуйста.

— Э-ээ, мне, гм... Мне нужно Риверсайдское Убежище... Это в Риверсайд Тауне, вероятно...

— Минуту. Поиск... Найдено... Линия свободна. Включаем.

Зажегся экран, и на меня глянул угрюмый, заспанный мужчина.

— Вы, наверное, что-то перепутали, — сказал он. — Это «Убежище», и на ночь мы закрываем...

— Пожалуйста, не отключайтесь, — торопливо проговорил я. — Если это Риверсайдское Убежище, то я не ошибся! Вы-то мне и нужны!!

— Ну, и что же вам нужно от нас? В такой час?

— У вас там клиент... Вернее, клиентка — Ф. В. Хейник! Она только что проснулась, и я бы хотел знать...

— Мы не даем информацию о наших клиентах по телефону, — покачал он головой. — Тем более посреди ночи. Позвоните после десяти утра, а лучше приезжайте сюда к этому времени.

— Я приеду! Обязательно приеду!.. Но сейчас я хочу выяснить одну вещь. Инициалы «Ф. В.» означают....

— Я же объяснил вам, что мы не даем...

— Дайте теперь мне объяснить в а м! Я знаю ваши порядки, я сам был «спящим» — Соутельское Убежище. Недавно проснулся... и я не хочу выведывать у вас ваши секреты. Но ведь вы уже опубликовали ее имя в газете. И вы, и я — оба мы знаем, что газете вы сообщаете полное имя проснувшегося, а те печатают лишь фамилию и инициалы. Разве не так?

— Так, — подумав, сказал он.

— Тогда что плохого, если вы скажете мне сейчас полное имя клиентки Ф. В. Хейник?

Он поколебался секунду, а потом сказал:

— Пожалуй, ничего. Если это все, что вам нужно... Не отходите от аппарата.

Он отошел от экрана и скрылся из поля моего зрения, как мне показалось, на час, не меньше. Потом, наконец, он появился с карточкой в руках.

— Плохое освещение, — пробормотал он, взглядываясь в карточку, — Франс... Нет, Фредерика. Фредерика Вер... Вирджиния.

— Слава богу!! — вырвалось у меня. В голове что-то взорвалось, и я чуть было не потерял сознание.

— С вами все в порядке? — услышал я тревожный голос с экрана.

— Да-да... Благодарю вас! От всего сердца благодарю! Со мной все в порядке... Теперь все в порядке!

— М-да... Что ж, я думаю, вреда не будет, если я скажу вам еще кое-что. Во всяком случае, это сэкономит вам деньги на проезд. Эта клиентка уже выписалась.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Я бы тут же схватил такси и помчался в Риверсайд, но у меня не было наличных денег. Я жил в Западном Голливуде, и ближайший круглосуточный банк был лишь в Нижнем городе возле Большого Кольца Гравивокзалов. Я отправился туда и получил наличные так же быстро, как получил бы их в своем собственном банке, напротив «Дом. Пом. Инокрпорэйтед». Только сейчас я как следует оценил новую универсальную систему чековых книжек с радиоактивным кодом, позволяющим пользоваться любым городским банком в любой момент.

Получив деньги, я немедленно сел на экспресс в Риверсайд и, едва рассвело, был в «Убежище». Там я застал лишь ночного дежурного техника, с которым разговаривал по телефону, и его жену — ночную сестру. Боюсь, своим внешним видом я не вызвал у них боль-

шого доверия — с двухдневной щетиной, невыветрившимся запахом пива и своими сбивчивыми, невнятными объяснениями. Тем не менее миссис Ларриган — ночная сестра, смотрела на меня с сочувствием, порылась в папке, достала фотографию и спросила:

— Это ваша кузина, мистер Дэвис?

Это была Рикки! Вне всяких сомнений!.. Нет, не та Рикки, которую я оставил в 1970-м, не девочка-подросток, а молодая женщина лет двадцати с взрослой прической и взрослым (очень красивым!) лицом. На фотографии она улыбалась.

От той Рикки остались только глаза — наивные, придававшие ей в детстве столько очарования. Лицо же... Лицо было взрослое, удивительно красивое, но... ошибиться было невозможно! Стереонизображение стало расплываться — глаза у меня наполнились слезами.

— Да!.. — с трудом выговорил я. — Это... Это — Рикки!

— Нэнси, — сказал мистер Ларриган. — Ты не должна была ему это показывать.

— Господи, Хэнк! Ну что случится, если он увидит ее фотографию?

— Ты же знаешь инструкцию, — он повернулся ко мне. — Мистер, я же сказал вам по телефону: мы не даем информацию о наших клиентах. Приходите к десяти, когда открывается административная контора...

— Можете придти к восьми, — вмешалась его жена. — Доктор Бернстайн уже будет здесь к этому времени.

— Помолчи, Нэнси, — вмешался ее муж. — Если ему нужна информация, он должен обратиться к директору. Бернстайн так же не имеет права ничего говорить, как и мы с тобой... К тому же она даже не его пациентка...

— Хэнк! Ты просто зануда! Для вас, мужчин, инструкция существует ради инструкции. Неужели ты не видишь, что ему не терпится ее повидать? А к десяти он уже может быть в Брауллее! — она повернулась ко мне. — Приходите к восьми, сейчас мы с мужем ничего для вас сделать не можем.

— Вы сказали: Брауллей? Она уехала в Брауллей?..

Если бы не ее муж, я думаю, она оказала бы мне больше. Она поколебалась, взглянула на него — он стоял с каменным выражением лица — и сказала:

— Повидайтесь с Бернштейном. Если вы еще на завтракали, то здесь неподалеку, на нашей же улице есть чудное местечко...

Делать было нечего, и я пошел в «чудное местечко» (действительно чудное), позавтракал, принял там ванну, купил тюбик бритвенной пасты в автомате и новую рубашку в другом автомате. Когда я вернулся в «Убежище», я уже выглядел вполне прилично. Но мистер Ларриган, по-видимому, уже поделился своими подозрениями с доктором. Бернштейн держался со мной вежливо, но непреклонно.

— Мистер Дэвис, — сказал он. — Вы утверждаете, что сами «Спящий». Вы должны знать, что сейчас полным-полно жуликов, наживающихся на расстерянности и непригодности к окружающей среде некоторых «размороженных». У большинства «Спящих» приличные капиталы, и почти все они поначалу чувствуют себя одинокими и беззащитными в чужом и непривычном для них мире. Кое-кто не прочь попользоваться этим...

— Но все, что я хочу узнать, это — куда она уехала? Я ее двоюродный брат! Я ушел в Долгий Сон до того, как она это сделала, и я просто не знал, что она тоже собиралась последовать за мной!

— Называться родственником — весьма распространенный трюк, — бесстрастно заметил Бернштейн и взгляделся в меня пристальнее. — Скажите, я мог видеть вас где-нибудь раньше?

— Вряд ли. Разве что по чистой случайности на улице, — с моей стандартной внешностью всем почему-то кажется, что они видели меня раньше. — Доктор, может быть, вы позвоните в Соутелское Убежище доктору Альбрехту и спросите обо мне?

— Знаете... — он на секунду задумался, — вы лучше приходите к десяти и повидайте директора, а он пускай звонит в Соутелское Убежище... Или в полицию — это уж как он решит.

На этом мы с ним расстались, и дальше я, быть может, совершил ошибку: вместо того чтобы повидать директора и выяснить у него все, что мне нужно, я схватил такси и помчался напрямик в Брауллей. Мне потребовалось три дня, чтобы напасть на ее след. Когда-то она жила там вместе со своей бабкой — это я легко выяснил. Но бабка умерла двадцать лет назад,

а Рикки ушла в Долгий Сон. Брауллей по сравнению с Лос-Анджелесом — небольшой городок, и найти записи двадцатилетней давности там не составило большого труда. Сложность была в другом — Рикки была не одна а с кем-то. Я же искал женщину одну одну. Когда я узнал, что с ней какой-то мужчина, я жутко перепутался, вспомнив слова Бернштейна о жуликах, охотящихся за «Спящими». Это подстегнуло меня в моих поисках: я ринулся по ложному следу в Калексико, потом вернулся обратно в Брауллей, начал все сначала и напал на их след в Юме... После этого я прекратил поиски, потому что Рикки вышла замуж. То, что я увидел написанным типографским способом в одной из газет, потрясло меня до такой степени, что я бросил все и отплыл на теплоходе в Денвер, задержавшись лишь на несколько часов — мне нужно было написать Чаку. Я попросил его очистить стол в моем кабинете, забрать оттуда все мои вещи и сложить все в моей квартире.

* * *

В Денвере я задержался ровно настолько, сколько понадобилось мне для визита в магазин зубоврачебных материалов. Я не был в Денвере с тех пор, как он стал столицей, — сразу после Шестинедельной мы с Майлсом уехали в Калифорнию. Город меня несколько опарашил. По моим представлениям, все государственные и правительственные учреждения должны были быть за городской чертой — в Скалах. Не знаю, так ли оно было на самом деле, но если так, то Денвер был переполнен иногородними — он показался мне еще более перенаселенным, чем Лос-Анджелес.

В зубоврачебном магазине я купил десять килограммов 197-го изотопа золота в виде толстого троса, заплатив по 86 долларов за кило. Это было довольно дорого и сильно облегчило мой банковский счет — техническое золото стоило примерно 70 долларов килограмм, но, во-первых, оно продавалось в таких сплавах, которые никогда не встречались в природе, во-вторых, это были 196-й или 198-й изотопы, мне же было необходимо золото, практически неотличимое от встречающегося в природе. Кроме того, я не хотел чтобы оно сожгло мои трусы при не очень осторожном обращении — доза

радиации, полученная когда-то в Сандии, заставляла меня относиться с уважением и опаской к радиоактивным элементам.

Я обмотал золотой трос вокруг живота и отправился прямехонько в Боулдер. Десять кило — вес хорошо набитой сумки, с которой вы отправляетесь на уик-энд, и я бы не рекомендовал снаряжаться таким образом для пробежки трусцой. Но слитки тащить было бы еще неудобнее.

Доктор Твитчелл по-прежнему жил в Боулдере, хотя уже не работал в университете — он был профессором в отставке и большую часть времени проводил в факультетском баре. Мне понадобилось четыре дня, чтобы поймать его в другом баре (в факультетский меня не пускали, как и всякого «чужака»), но когда мне, наконец, это удалось, угостить его выпивкой не составило никакого труда.

Он был трагической фигурой — трагической в классическом значении этого слова... Великий человек — действительно великий, — постепенно превращающийся в развалину. Он должен был быть там, наверху, рядом с Эйнштейном, Бором и Ньютоном, но случилось так, что лишь несколько специалистов по теории поля понимали значение и смысл его работы. К тому времени, когда я встретил его, этот блестящий мозг был уже отравлен желчью, скепсисом и огромными дозами спиртного... Я чувствовал себя туристом, очутившимся в полуразвалившемся древнем замке — крыша прогнила, большая часть стен наполовину развалилась и поросла диким плюшем. Но и в этом состоянии мозги у него работали лучше, чем у меня, когда я бывал в своей самой лучшей форме.

Увидев в первый раз, он окинул мое лицо внимательным взглядом и сказал:

— Это опять вы?

— Прошу прощения, сэр?..

— Вы ведь кажется были одним из моих студентов?

— Простите, нет, сэр! Никогда не имел такой чести...

— Обычно, когда людям кажется, что они уже видели меня раньше, я не возражаю, но в данном случае мне хотелось этого избежать. — Может быть, вы перепутали меня с моим двоюродным братом, профессор. Он был в выпуске 1986-го и одно время проходил практику на вашем факультете.

— Возможно, возможно... Кем же он стал?

— Ему пришлось закончить факультет без диплома, сэр. Но он был вашим большим поклонником. Честно сказать, он восхищался вами, сэр, и никогда не упускал случая сказать, что учился у вас.

Сказав молодой мамаше, что ее младенец очарователен, вы бьете наверняка. Доктор Твитчелл любезно позволил мне присесть и купить ему порцию виски. Тщеславие было слабым местом этой грандиозной развалины, а за четыре дня, пока я искал с ним встречи, я прочел о нем все, что сумел найти в университетской библиотеке. Я знал все статьи, которые он написал, знал, где он печатал их, какие ученые и почетные степени он имел и какие выпустил книги... Я попробовал было прочесть одну из последних, но если до десятой страницы я сумел понять хотя бы общий смысл, то на девятой понял, что все это просто за гранью моего понимания.

Я представился ему как почитатель науки (невежественный почитатель, разумеется) и сказал, что как раз сейчас работаю над книгой, которая будет называться «Непризнанные гении».

— О чем она будет, эта ваша книга?

Я со смущением признался, что хотел бы начать книгу с описания его жизни и работы... Если он, конечно, соизволит отказаться на время от своей неприязни к освещению его персоны в прессе — ведь большую часть материала я рассчитываю получить от него самого. Поначалу он, конечно, не поверил, но когда я стал убеждать его в том, что это просто его обязанность и долг перед потомством, он согласился подумать. Думал он недолго. Уже на следующий вечер он объявил, что я должен описать всю его биографию, причем посвятить ему не одну главу, а всю книгу...

После этого он говорил, и говорил, и говорил... А я записывал — действительно записывал, потому что иногда он возвращался к рассказанному и велел мне перечитывать записи. Но ни разу он и словом не обмолвился о путешествии во времени.

В конце концов я сказал:

— Скажите, доктор, а правда, что, если бы здесь в свое время не объявился некий полковник, Нобелевская премия была бы у вас в кармане?

Немедленно после этого на голову «полковника» об-

рушился грандиозный поток брани, а через минуты три Твитчелл перевел дыхание и подозрительно осведомился:

— Кто вам сказал об этом?

— Гм, видите ли, доктор, когда я писал одну исследовательскую работу для Отдела Обороны... Я ведь говорил вам об этом?

— Нет.

— Так вот, когда я ее писал, то слышал об этой истории от одного молодого сотрудника Отдела — он работал в другой секции. Он читал рапорт и сказал, что вне всяких сомнений ваше имя было бы первым в современной физике, если бы вы имели возможность опубликовать свою работу.

— Еще бы! Он прав... этот ваш сотрудник!

— Но я так понял, что работа была засекречена по приказу этого... Как же его... полковника Плашботомма, по-моему...

— Трашботомм! Трашботомм, сэр!... Твердолобый болван! Кретин, не способный найти собственную шляпу, даже когда она прибита гвоздем к его тупой башке!.. И ее следовало бы прибить! Гвоздем!..

— Какая жалость!

— Жалость, сэр? Вам жалко, что Трашботомм был тупицей? Но это не моя вина, сэр, а ошибка природы!

— Мне жаль, сэр, что мир так и не узнает об этой истории... Вы ведь не в праве говорить об этом, не так ли?

— Что-о-о? Кто вам сказал такую чушь? Я имею право говорить обо всем, о чем пожелаю!

— Но я так понял, сэр... Из того, что сказал мне этот сотрудник из Отдела Обороны...

— Чушь!!

Это было все, что я смог вытянуть из него этим вечером. После этого разговора прошла неделя. Видно, он все-таки колебался, но потом, наконец, решился показать мне свою лабораторию. Почти всеми помещениями теперь пользовались другие исследовательские группы, но лабораторию времени он не позволил оккупировать никому, хотя сам уже давным-давно ею не пользовался. Ссылаясь на статус секретности, он не только не позволял никому входить туда, но не разрешал вынести из помещения ни одного прибора. Когда мы вошли, мне показалось, что мы попали в погреб, куда веками не ступала нога человека... Твитчелл уже порядком набрал-

ся к этому времени, но речь его текла гладко: он прочел мне краткую лекцию о темпоральном перемещении (он ни разу не назвал это путешествием во времени), предупредив, чтобы я ничего не записывал. Впрочем, он мог бы и не предупреждать, поскольку, начав с «Совершенно очевидно, что...», стал излагать вещи, которые были совершенно очевидны лишь ему и господу богу...

Когда он закончил, я сказал:

— Из того, что говорил мне мой друг, я понял... Во всяком случае, так он объяснял... Словом, вы, кажется, не можете точно «прицелиться», не так ли? То есть не можете точно установить дату в прошлом или будущем, в которую произойдет перемещение...

— Что-о-о? Какая чушь, сэр! Если бы я действительно не мог этого, я не считал бы, что совершил открытие!... — несколько минут он раздраженно бубнил что-то себе под нос, а потом торжественно произнес. — Сейчас! Сейчас я вам покажу!

Все, что было видно снаружи из оборудования, — низенькая платформа, огороженная клеткой (он назвал это темпоральной камерой), и контрольная панель с кнопками и рубильником. Я уверен, что сумел бы быстро освоиться с пультом управления, если бы он дал мне время побыть возле него одному, но он велел мне держаться подальше. Он пощелкал какими-то тумблерами, обернулся ко мне и спросил:

— У вас есть при себе какая-нибудь мелочь?

Я порылся в карманах и вытащил пригоршню монет. Он мельком глянул на мою ладонь и выбрал две пятидолларовые монеты — новенькие пластиковые шестиугольнички зеленого цвета, выпущенные в этом году. Я испытал при этом минутное сожаление — лучше бы он взял монеты поменьше (у меня оставалось совсем немного наличных).

— У вас есть нож?

— Да, сэр.

— Нацарапайте ваши инициалы на каждой монете.

Я сделал, как он велел, и положил их по его указанию на платформу.

— Отметьте точное время. Я настроил перемещение на одну неделю ровно. С точностью — плюс-минус шесть секунд.

Я глянул на часы. Твитчелл начал считать:

— Четыре... Три... Два... Один... Г о т о в!

Я оторвался от часов и глянул на платформу и монеты исчезли. Мне не надо было изображать изумление — Чак рассказывал мне о подобных экспериментах, но одно дело — слышать, и другое — видеть своими глазами.

— Ну-с, — бодро произнес Твитчелл, — через неделю мы вернемся сюда и понаблюдаем, как в камере появится одна из монет. Что же касается другой... Вы видели в камере обе монеты? Вы с а м и их туда клали?

— Да, сэр.

— Где в это время находился я?

— У контрольного щита, сэр, — он был метрах в десяти от ближайшего к нему края «клетки» и не подходил ближе.

— Очень хорошо. Подойдите ко мне, — я подошел, а он порывлся в кармане. — Вот одна из ваших монет. Через неделю вы получите вторую, — и с этими словами он вручил мне новенький зеленый шестигранник с нацарапанными на нем моими инициалами.

Я молчал, потому что у меня буквально отвисла челюсть, и я не мог выдавить ничего членораздельного.

— Ваши слова неделю назад расстроили меня, — сказал Твитчелл, — навеяли воспоминания... И я спустился сюда, в лабораторию, чего я не делал уже... Да, уже больше года. Это была среда, и я обнаружил эту монету в камере. Таким образом я узнал, что пользовался... то есть вновь буду пользоваться аппаратурой. Вплоть до сегодняшнего вечера я колебался, а сегодня решил показать вам ее в действии.

Я тупо смотрел на монету.

— Скажите, сэр... Она... Она была у вас в кармане, когда мы вошли сюда?

— Разумеется.

— Но как же она могла быть и в моем кармане, и в вашем — одновременно?!

— О, господи, молодой человек! У вас же есть глаза и мозги! Неужели вы не в состоянии воспринять и осмыслить какое-то явление, не укладывающееся в ваши скудные представления? Вы достали ее из вашего кармана сегодня, так? И мы швырнули ее в прошлую неделю — вы сами это видели. Несколько дней назад я нашел ее здесь и положил в свой карман, а сегодня отдал ее вам... Эту же самую монету... Но на самом деле, если называть вещи своими именами, ее более

позднюю временно-пространственную структуру, понимаете? Вы можете называть ее той же самой, хотя это — все равно, что считать новорожденного младенца и взрослого человека, в которого тот когда-нибудь превратится, одним и тем же созданием... Та, которую дал вам я, старше!

— Доктор... Отправьте меня на неделю назад.

— Не может быть и речи! — яростно мотнул он головой.

— Но почему? Разве эта штука не работает с людьми?

— Что? Конечно, работает!

— Тогда почему бы нам этого не сделать? Мне ни капельки не страшно... Подумайте сами, как блестяще я смогу описать это в нашей книге, если сам испробую это! На себе!

— Вы и так можете описать все, что видели. Вы ведь сами видели... Своими собственными глазами.

— Да-да... — задумчиво протянул я. — Но кто мне поверит? Этот... трюк с монетами... Я сам это видел, и я — поверил. Но кто не поверит, читая об этом, — подумают, что меня просто обвели вокруг пальца... Показали обычный фокус.

— Что за чушь, сэр!

— Совершенно верно! Именно так и скажут — что за чушь! Мне никто не поверит, что я действительно это видел. Вот если бы вы отправили меня на неделю назад, я смог бы поделиться своими собственными ощущениями...

— Сядьте. И слушайте, — он уселся на единственный стул, а я продолжал стоять. — Когда-то... давно, я проводил эксперименты с людьми. И именно поэтому я решил никогда больше этого не делать.

— Но почему? Они что... погибли?..

— М-мм? Не мелите вздор! — он окинул меня пристальным взглядом. — То, что я сейчас скажу... Не для печати.

— Как вы решите, сэр.

— Предварительные эксперименты показали, что живое существо прекрасно переносит темпоральные перемещения. Я поделился этим с... одним парнем — моим коллегой. Он преподавал рисование в архитектурном колледже и разные другие предметы. Он, конечно, был скорее инженером, чем настоящим ученым,

но мне он нравился — у него хорошо варили мозги. Так вот, этот парень... Я могу даже сказать вам, как его звали — Леонард Винцент... Он умолял меня попробовать это на нем. Попробовать как следует — он хотел испробовать большое перемещение... Пятьсот лет. И я... я поддался на его уговоры. Я сделал это!

— И что же произошло?

— Откуда я знаю? Судите сами — пятьсот лет! Мне никогда уже не удастся узнать.

— Значит, вы полагаете, что забросили его на пятьсот лет вперед? В будущее?

— Или в прошлое. Может, он оказался в пятнадцатом веке, может — в двадцать пятом... Шансы равны. Иногда мне приходило в голову... Но нет, это, конечно, случайное сходство в звучании... Просто похожие имена.

Я хотел было спросить, что он имеет в виду, но в ту же секунду захлопнул рот, и волосы на голове у меня зашевелились: я понял, к а к о е «случайное сходство» он.... Но я постарался выкинуть это из головы — у меня были свои проблемы... Кроме того, это действительно выглядело уж слишком невероятно — как может человек попасть из Колорадо в Италию пятнадцатого века?!

— И с тех пор, — продолжал Твитч, — я решил никогда больше не экспериментировать с людьми. Раз нет возможности предвидеть, куда человек попадет, это уже не наука. Если он попал в будущее... Что ж, это еще куда ни шло. Но если в прошлое, то я, быть может, отправил своего друга на верную смерть — его могли убить дикари или сожрать дикие звери...

«Или он мог превратиться в «Великого Белого Бога»», — подумал я про себя, а вслух сказал:

— Но вам нет надобности проводить столь зятяжное перемещение со мной.

— Я прошу вас, сэр, не будем больше об этом!

— Как хотите, доктор. Но... могу я высказать одну мысль?

— Валяйте.

— Мы можем достичь достоверности, сделав, м-мм... небольшую р е п е т и ц и ю.

— Что вы хотите этим сказать?

— Ну, вы подготовите всю аппаратуру в точности, как если бы вы намеревались переместить живое су-

щество... человека — эту роль я возьму на себя. Мы сделаем все так, будто вы собираетесь отправить меня... куда-нибудь... вернее, в когда-нибудь — словом, все, кроме нажатия последней кнопки. Тогда, быть может, я лучше пойму весь механизм этой штуки и сумею достоверно описать процесс.

Некоторое время он еще отнекивался, но... Ведь это была редкая для него возможность — продемонстрировать свою любимую игрушку. Он взвесил меня, и мы вместе притащили и свалили на одну сторону «клетки» груды металлических брусков, идентичную моему весу — ста семидесяти фунтам.

— На этих же весах я взвешивал беднягу Винцента... — пробормотал он. — Ну-с, сэр, какое желаете перемещение? Это в а ш спектакль — вам и заказывать время.

— Доктор, вы можете прицелиться точно?

— Ну да, вы что, не верите мне?!

— Что вы, что вы!... Давайте-ка подсчитаем... Сегодня у нас двадцать четвертое мая... Что если мы сделаем, м-мм... Тридцать один год, три недели, один день, семь часов, тринадцать минут, двадцать пять секунд, а?

— Так не выйдет, сэр. Говоря о точности, я имел в виду точность до одной стотысячной темпорального поля, а не одной стомиллионной.

— Вот видите, доктор! Эта репетиция совершенно необходима — я ведь не знал такой простой вещи... Ну, хорошо, как насчет тридцати одного года и трех недель?

— Можно. Максимальное отклонение — плюс-минус два часа, — он склонился над пультом. — Можете занять свое место на платформе.

— И это все?

— Да. Все, кроме энергии — я же не могу осуществить такое перемещение с тем напряжением, которым я пользовался для перемещения двух монеток. Но мы ведь не собираемся делать это в натуре, так что — какая разница?

Я скорчил разочарованную мину.

— Стало быть, вы не все подготовили для перемещения? И разговор носит по-прежнему чисто теоретический характер?

— Не говорите вздор, сэр! Я сделал все, что требовалось!

— Но у вас нет энергии...

— Ладно, если вы настаиваете, сейчас будет энергия. Подождите минуту! — он прошел в угол помещения и нажал на телефонную клавишу (телефон, должно быть, остался здесь со времен основания лаборатории — проснувшись в 2000-м, я уже нигде не видел таких). Последовал быстрый диалог с ночным дежурным в университетском энергоблоке. Твитчелл разговаривал с ним, как недовольный самодержец с мелкой сошкой.

— Меня совершенно не интересует, что вы считаете!

Перечитайте инструкцию. У меня есть все полномочия! Читать, надеюсь, вы умете? Или нам надо встретиться в десять утра с Президентом, чтобы он зачитал вам параграфы вслух? Что? А-а, так вы умеете читать? Может, и писать тоже? Или на чтение вы затратили все свои умственные способности? Очень хорошо, тогда пишите: полная энергетическая мощность в Тронтонскую музей-лабораторию в течение восьми минут. Повторите! — После этого он отключил телефон, повернулся ко мне и фыркнул: — Ну народец!

Он подошел опять к пульту, щелкнул какими-то тумблерами и замер в ожидании. С того места, где я стоял, я увидел, как зажегся красный свет на контрольной панели.

— Энергия есть! — объявил Твитч.

— Да? И что теперь?

— Ничего.

— Так я и думал.

— Что вы хотите сказать? — насторожился он.

— То, что сказал. Я знал, что ничего не произойдет.

— Я вас не понимаю... Я надеюсь, что я вас не понимаю! Ничего не произойдет, пока я не включу рубильник. Если же я сделаю это, с вами произойдет темпоральное перемещение на тридцать один год и три недели.

— А я повторяю, что ровным счетом ничего не произойдет.

— Я... — он потемнел лицом, — я полагаю, сэр, вы позволяете себе лишнее.

— Считайте, как хотите, доктор, — я холодно пожал плечами, не сходя с платформы. — Я приехал

сюда, чтобы проверить интересную байку... Что ж, я проверил ее. Я видел контрольную панель с разноцветными лампочками — точь-в-точь такую, какую изображает в «трясучках» про разных тронутых профессоров. Я видел примитивный трюк с двумя монетами — действительно примитивный, потому что вы ведь сами выбирали их и велели пометить так, как вам было нужно... Любой фокусник средней руки сделал бы не хуже. Еще я слышал много разговоров, но... Разговоры стоят недорого. Перемещение во времени в принципе невозможно, и, кстати, там, в Отделе Обороны, об этом прекрасно осведомлены: ваш рапорт никогда не был засекречен, его просто отослали в архив. Иногда его берут оттуда и перечитывают — просто для развлечения, чтобы посмешить новичков...

Я боялся, что беднягу хватит удар, но другого выхода у меня не было — единственный способ раздражить его, это сыграть на его профессиональной гордости.

— А ну!... Слезайте оттуда, сэр! Выходите!! Я... Я сейчас сделаю из вас отбивную вот этими самыми руками!..

В том состоянии, в котором он сейчас пребывал, я думаю, он вполне мог это сделать, несмотря на разницу в возрасте и весе.

— Я не боюсь тебя, папаша! И не боюсь этой дурацкой кнопки! Валяй, нажми ее!

Он поглядел на меня, потом на кнопку, потом опять на меня, и... остался недвижим. Я тихонько заржал.

— Обыкновенный трюк... Дешевый трюк, как мне и говорили ребята из Отдела. Твитч! Ты просто старый жулик! Выживший из ума жулик, потому что сам поверил в свой дурацкий фокус! Полковник Трашботомм был прав!

Последней фразой я добился своего...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Когда он потянулся к кнопке, я против своей воли открыл рот, чтобы крикнуть: «Не надо!..» Но было уже поздно — я начал падать. Последней моей мыслью было, что я этого не выдержу... Я оскорбил, оскорбил смертельно пожилого человека, не сделавшего мне ничего плохого, и в результате даже не знал, в какую сторону «прыгну»... И выживу ли вообще?..

Потом я здорово обо что-то ударился. Думаю, я свалился с высоты не более чем полутора метра, но я этого совершенно не ожидал, поэтому голова у меня пошла кругом, я откинулся навзничь, в глазах потемнело...

— Откуда, черт бы меня побрал, вы сюда свалились?! — услышал я мужской голос и открыл глаза.

Передо мной стоял мужчина лет сорока, лысый, но хорошо сложенный. Он буквально навис надо мной, уперев руки в бока, и смотрел на меня умными, пронизательными глазами. Хотя видно было, что он раздражен и удивлен, но не производил впечатление злобного человека. Возле него стояла женщина, очень приятной внешности, обаятельная, немного моложе своего спутника: она не произнесла ни звука, а просто смотрела на меня широко открытыми от изумления глазами.

— Где я? — задал я глуповатый вопрос. Мне следовало бы спросить: «Когда я?..», — но это прозвучало бы еще глупее, да и вообще мне было не до таких тонкостей. При одном беглом взгляде на них, было ясно, что я попал не в 1970-й. Но я был и не 2001-м, поскольку в 2001-м так могли появиться только на пляже. Значит... Значит я «прыгнул» не туда, потому что на их телах, покрытых красивым коричневым загаром, не было ничего, но они держались совершенно естественно и не были ни капли смущены.

— Давайте-ка по порядку, — веско произнес он. — Я первый спросил вас, откуда вы появились? — он глянул вверх. — Ваш парашют не застрял среди деревьев, нет? Так или иначе, будьте добры объяснить: что вы здесь делаете? Это частные владения, и вы нарушили их границу... Да еще в какой-то... марсианской пижаме.

Я лично не находил в своей одежде ничего странного, в особенности, если сравнить ее с тем, как были одеты они... вернее, раздеты... Но я не стал возра-

жать — другое время, другие обычаи, по-видимому, мне предстоит здесь немало трудностей.

— Подожди, Джон! — женщина положила руку ему на плечо. — По-моему, он ушибся.

Он взглянул на нее, потом быстро перевел взгляд на меня.

— Вы действительно ушиблись?

— Не думаю, — я с трудом поднялся на ноги. — Несколько синяков, быть может... Скажите, какое сегодня число?

— Число?... Сегодня первое воскресенье мая... Третье мая, если я не ошибаюсь, так, Дженни?

— Да, дорогой.

— Послушайте... — неуверенно начал я, — меня что-то здорово ударило... по голове, и я не совсем соображаю... Вы не могли бы назвать дату полнотью?

— Что-о-о?!

Мне надо было бы попридержать язык, пока на глаза не попадетс я какая-нибудь газета или календарь, но я не мог удержаться — хотелось знать немедленно.

— Какой сейчас год?!

— Братишка, тебя действительно здорово стукнуло. На дворе 1970-й! — в немом изумлении он опять устоялся на мою одежду.

Трудно передать словами мое состояние... Я сделал это!! Сделал!

— Спасибо!! — только и мог произнести я. — Спасибо вам! Вы даже не знаете, какое «спасибо»!.. — однако он по-прежнему смотрел на меня так, словно подумал о полиции, и я торопливо добавил: — Знаете, у меня бывают неожиданные приступы амнезии... Такая неприятная штука — однажды я забыл, что прошло целых пять лет, представляете?

— Думаю, это и впрямь неприятная штука, — медленно проговорил он. — Вы достаточно хорошо себя теперь чувствуете? Можете ответить мне на пару вопросов?

— Не надо с ним так, милый, — вмешалась женщина. — Он выглядит симпатичным парнем... Я думаю, он просто ошибся.

— Посмотрим. Ну, так что?

— Со мной все в порядке... теперь. Минуту назад

мне действительно было скверно, но сейчас все нормально.

— Вот и отлично. Как вы сюда попали? И почему вы так странно одеты?

— Честно говоря, я и сам не знаю, как попал сюда... Я даже не знаю, где я... А что касается одежды, каждый имеет право быть слегка, м-мм... эксцентричным — вы ведь тоже, гм, одеты слегка... вернее сказать, раздеты.

Он оглядел себя и улыбнулся.

— Да, я знаю, что мы с женой одеты слегка... вернее раздеты, как вы справедливо заметили. И в других обстоятельствах в другом месте наш вид вызвал бы много расспросов. Но здесь мы обычно с а м и задаем вопросы чужакам. Видите ли, вы, одетый или раздетый, здесь явно чужой... Не наш, а мы — в том виде, в каком есть, — с о и. Дело в том, что эти земли принадлежат Денверскому Клубу Купальщиков.

* * *

Джон и Дженни Саттон относились к сорту житейски искушенных, ничему не удивлявшихся и очень дружелюбных людей. Такие могли вполне пригласить на чашку чая инопланетянина, если бы он пришелся им по душе. Джон, конечно, ни на йоту не поверил моим дурацким объяснениям и хотел продолжать «допрос», но Дженни не позволила ему. Я же твердо стоял на своем, ссылаясь на «приступы» амнезии и говорил, что ничего не помню, кроме вчерашнего вечера, когда я был в Нью-Брауне. В конце концов Джон сказал:

— Ладно, все это, конечно, очень интересно... Думаю, кто-нибудь из наших может подкинуть вас в Боулдер, а там вы доберетесь на автобусе до Денвера, — он оглядел меня с ног до головы. — Но, боюсь, если я отведу вас сейчас в клуб, нам не избежать множества вопросов.

Я тоже оглядел себя и почувствовал сильную неловкость — странно, но неловкость я испытывал от того, что я о д е т, а не потому, что о н и раздеты.

— Джон... Может быть, мне лучше раздеться? — эта перспектива нимало не смущала меня. Я никогда не отдыхал в нудистских лагерях (просто не видел в этом

особого смысла, но мы с Чаком нередко проводили уикэнды на пряже.

— Конечно, — кивнул он, — это упростит положение.

— Милый — сказал Дженни, — мы можем сказать, что он наш гость.

— М-мм... да. Ты тогда иди поброди... погуляй здесь и, встретив кого-нибудь, скажи, что к нам собирается приехать один парень из... Откуда, ей сказать, ты приехал, Дэнни?

— Из Калифорнии... Лос-Анджелес! — я чуть было не сказал: «Великий Лос-Анджелес» и подумал, что надо следить за языком. Кино больше не называли «трясучкой».

— Хорошо, пусть из Лос-Анджелеса... И «Дэнни» — вполне достаточно, мы тут все называем друг друга по именам. Давай, родная, сделай так, чтобы все были в курсе: ты через полчаса ожидаешь нашего приезда с Дэнни... А сама вместо этого приходи сюда и притащи мою дорожную сумку.

— Сумку? Зачем?

— Мы спрячем туда этот.. маскарадный костюм — он довольно необычен даже для людей с такими эксцентрическими вкусами, как у Дэнни.

Я вскочил и торопливо зашагал в сторону кустов. После того как Дженни оставила бы нас вдвоем с Джоном, я вряд ли сумел бы найти достаточно убедительную причину, чтобы переодеться в одиночестве. А мне это было необходимо... Не мог же я сразу объявить, что у меня на руках, вернее, вокруг талии, намотано на двадцать тысяч долларов золота, если считать по шестидесяти долларов за унцию по курсу 1970-го. Снять с себя это не составило труда, поскольку я давно — сразу после первой необходимости принять ванну с золотым тросом на брюхе — сшил себе специальный пояс с застежкой спереди.

Сняв с себя всю одежду, я завернул в нее золото и вышел из-за кустов, небрежно помахивая свертком, как будто он весил столько, сколько мои шмотки. Джон Саттон пристально посмотрел на сверток, но ничего не сказал, а достал пачку сигарет и предложил мне одну — пачка была привязана у него к щиколотке. Я взял сигарету и по привычке махнул ею по воздуху. Естественно, она не зажглась.

— Ну, — произнес он, давая мне прикурить, — теперь мы одни. Быть может, ты хочешь мне что-нибудь сказать? Ведь если я представляю тебя в наш клуб, то могу удостоиться чести быть уверенным, что ты не наделаешь тут никаких бед?

— Джон!.. — я затыкнулся и почувствовал странный, неприятный привкус в горле. — Я не наделаю никаких бед! Меньше всего я хочу привлечь к себе чье-то внимание, уж тем более что-то натворить!..

— М-мм-да... Возможно. А «приступы»? Эта версия остается в силе?

Я задумался. Ситуация была не простая — он имел полное право знать, но вне всяких сомнений он никогда не поверит, если я скажу правду. Я бы во всяком случае не поверил. Но еще хуже будет, если он поверит — поднимется шум, то есть именно то, чего мне совершенно не нужно. Если бы я совершил путешествие во времени, или, как выражался Твитчелл, темпоральное перемещение с научной целью, совершенно легально, я бы безусловно объявил о себе открыто, привел бы все доказательства и пригласил бы ученых для проверки. Но мне нужно было совсем другое, у меня были свои проблемы, я искал свою Дверь в Лето и не хотел привлекать к этим поискам чьего бы то ни было внимания...

— Джон!.. Если я скажу правду, ты... Ты не согласишься мне. Просто не сможешь поверить!

— М-мм... Возможно. И все же на моих глазах человек свалился прямо с неба и... почти не ушибся. На нем, мягко говоря, странная одежда. Он не знает, где он находится и какое сегодня число. Дэнни, я, как и большинство грамотных людей, читал Чарльза Форта, но никогда не полагал, что сам встречу с чем-то подобным. Однако я наткнулся на что-то такое, что вряд ли можно объяснить, как простой карточный фокус. Итак?

— Джон, ты что-то сказал раньше... какой-то такой оборот.. Словом, мне показалось, что ты юрист...

— Я действительно юрист. А в чем дело?

— Значит, я могу рассчитывать, что о нашем разговоре никто не узнает? Могу обратиться к тебе, как к юридическому лицу?

— Постой... Ты хочешь, чтобы я принял тебя в качестве клиента?

— Ну, если угодно, то — да. Мне... наверное, понадобится хороший совет специалиста.

— Что ж, валяй. Я весь — внимание... как юрист.

— Хорошо. Я... Я из будущего. Путешествие во времени.

Несколько секунд он молчал. Мы лежали с ним на самом солнце: я хотел согреться (май в Колорадо обычно солнечный, но прохладный), а Джон — просто лежал, пожевывая сосновую веточку.

— Ты был прав, — наконец произнес он. — Я не верю в это. Давай остановимся на «приступах»... Я имею в виду амнезию.

— Я же предупреждал, что не поверишь.

— Строго говоря, — вздохнул он, — я не хочу верить. Не хочу — ни в привидений, ни в оживление трупов, ни в черную магию. Я верю в простые вещи, доступные моему скромному пониманию... Точь-в-точь, как и большинство обычных, нормальных людей. И мой первый совет — совет специалиста — никому не повторяй то, что ты сейчас сказал мне.

— Этот совет мне по душе.

Он перекатился на живот.

— И я думаю, нам нужно избавиться от твоей эксцентричной одежды. Просто сжечь ее — я потом найду для тебя что-нибудь. Она, в смысле, эти твои шмотки... горят?

— Ну... не очень-то. Они... Они как бы растают.

— Да, ты зря снял туфли — мы тут обычно не ходим босиком, и твои, кажется, сойдут... Эксцентричные, правда, но если кто спросит, скажешь, что это ортопедическая обувь.

— Так оно, кстати, и есть.

— Ну и прекрасно, — он взял в охапку сверток с моей одеждой. — Что за чертовщина?..

Было уже поздно, и я молча смотрел, как он разворачивает сверток.

— Дэнни... — глухо сказал он. — Это... Действительно то, на что похоже?

— На что это, по-твоему, похоже?

— На золото.

— Да. Это золото.

Он помолчал, собираясь с мыслями.

— Где ты его взял?

— Купил.

Он потрогал пояс, взвесил его на руках.

— Вот что, Дэнни... Выслушай меня внимательно. Я задам тебе один вопрос, от ответа на который многое будет зависеть... Потому что я не держу клиентов, лгущих мне в глаза, — я от них избавляюсь. И ни в каком жульничестве я принимать участия не буду. Ты приобрел это законным путем?

— Да.

— Может, ты не слышал о Золотом Изъятии 1968-го?

— Слышал. Я приобрел это совершенно законным образом. И хочу продать это в Денвере. За доллары.

— У тебя патент ювелира?

— Нет. Слушай, Джон, я сказал тебе правду, а верить или не верить — уже твое дело. Там, откуда я пришел, это продается в обычных магазинах. И это так же легально, как право на... на жизнь, на еду и так далее. Теперь же я хочу получить за это доллары и чем скорее, тем лучше. Я знаю, что держать на руках золото сейчас незаконно. Скажи, что мне сделают, если я просто приду в банк и выложу это на прилавок?

— В принципе... ничего. Если ты будешь держаться своей версии о «приступах». Но в дальнейшем тебе могут сильно осложнить жизнь... — он окинул сверток задумчивым взглядом. — Думаю, тебе лучше слегка вывалить это в грязи.

— То есть? Закопать?

— Ну... Закапывать не обязательно... Но, если все, что ты мне рассказал, правда... Тогда ты нашел это в горах — там обычно находят золото старатели.

— Хорошо... Тебе виднее. В конце концов, можно и немножко приврать, раз я знаю, что оно досталось мне вполне легально.

— Но разве это ложь? Подумай как следует: когда ты впервые увидел это золото? Какого числа впервые стал обладателем его?

Я задумался. Это было в тот день, когда я уехал из Юмы... Значит, где-то в мае 2001-го... То есть, недели две назад, или... Тридцать один год впереди! Какого же черта?!

— Все правильно, Джон! Впервые я увидел его сегодня — третьего мая 1970-го.

— Ну, вот, стало быть, ты нашел его в горах.

Саттоны оставались здесь до понедельника, и я остался вместе с ними. Все остальные члены из клуба отнесли ко мне дружески и при этом совершенно не совали нос в мои дела, что делало их в моих глазах самыми вежливыми и обходительными людьми, которых я когда-либо встречал. У Джона и Дженни был свой отдельный коттеджик, а меня уложили спать на раскладушку в гостиной клуба — там было холодновато, но жить можно.

На следующее утро Джон дал мне рубашку и джинсы, а в мою одежду завернул золото и засунул сверток в багажник своей машины — у него был «Ягуар», из чего я заключил, что имею дело не с каким-то там пройдохой-прощельгой. Впрочем, это было видно по его манерам и без «Ягуара».

Во вторник у меня уже были какие-то деньги. Золота я больше в глаза не видел, но в следующие несколько недель Джон передал мне полную стоимость моего «багажа» минус обычный налог, который платишь перекупщикам. Я понимал, что он не обращался на монетный двор, а имел дело с перекупщиками — он каждый раз приносил мне чеки от них. Но в подробности он меня не посвящал, а я не расспрашивал — как только у меня появились деньги, дел стало по горло.

Во вторник пятого мая мы с Дженни поехали по округе, и я арендовал что-то вроде чердака в одном торговом районе. Там я поставил чертежный стол, стул и походную армейскую койку. В помещении были газ, электричество, вода и туалет, а больше мне ничего и не нужно. Тем более, что каждый цент у меня был на счету.

Было жутко неудобно работать со старым оборудованием, к тому же у меня было очень мало времени. Поэтому перед тем как делать «Универсального Фрэнка», я соорудил «Чертежника Дэна». Только на сей раз «Фрэнк» превратился в «Великого Пита» — действительно универсальный автомат, способный делать практически все, что может делать человек, если конечно, соответствующим образом запрограммировать Торсенские трубки. Разумеется, сейчас я не мог сделать в с е г о — мой «Пит» в 1970-м не мог делать того, на что был способен «Бородач» 2001-го. Но все, что можно было в него впихнуть, я впихнул.

Для взятия патента вовсе не нужна рабочая модель — достаточно описаний и чертежей. Но мне нужны были модели (и «Пита и «Чертежника»), хорошо работающие модели, способные сами себя рекламировать и которые можно было бы разрабатывать дальше — Бюро патентов забито работающими изобретениями, но совершенно бессмысленными с практической точки зрения.

Работа двигалась и быстро, и медленно. Быстро, потому что я точно знал, что я должен делать, медленно — потому что у меня не было нормальной мастерской и я не мог ни к кому обратиться за помощью. В конце концов я, скрепя сердце, тряхнул кошельком, арендовал кое-какое техническое оборудование, дело пошло на лад. Работал я семь дней в неделю с раннего утра и до полного изнеможения, позволяя себе один уик-энд в месяц с Джоном и Дженни в их клубе возле Боулдера. К первому сентября обе модели у меня работали отлично, и можно было переходить к чертежам и описаниям. Я заказал для моделей полированные кожухи и заплатил за хромирование отдельных деталей — это была единственная часть работы, которую я сделал не сам. Пришлось потратиться, но я понимал, что это необходимо — вообще-то я не люблю тратить деньги на внешний вид авторских моделей, но сейчас...

Времени болтаться по улицам у меня не было и выходил я редко. Но однажды, покупая электродвижок, я наткнулся на парня, которого знал по Калифорнии. Он окликнул меня, и я ответил, не успев как следует подумать — чисто машинально.

— Эй, Дэн! Дэнни Дэвис! Вот кого не ожидал здесь увидеть! Я думал, ты сейчас в Моджавии!

Я потряс протянутую ладонь.

— Да, я здесь ненадолго... Деловая поездка, через несколько дней возвращаюсь.

— А я еду сегодня днем. Я звякну Майлсу и скажу, что повстречал тебя здесь.

— А? — я вздрогнул. — Нет-нет, будь добр, не звони.

— А в чем дело? Разве вы с ним поссорились и больше не делаете ваши дурацкие игрушки?

— Да нет... Слушай, Морт, Майлс не знает, что я здесь. Он думает, что я сейчас в Альбекверке по

делам фирмы, а я вместо этого прилетел сюда, потому... Ну, словом, по личным делам. Понимаешь меня? Это не имеет никакого отношения к фирме, и мне не хочется, чтобы Майлс знал об этом.

Он понимающе закивал.

— Тут, конечно, не без бабы?

— Ну... В общем, да.

— Так бы сразу и сказал!

Он ткнул мне кулаком под ребра и подмигнул.

— Я все понял. Старина Майлс всегда придерживался пуританских взглядов... Но я тебя не выдам... Когда-нибудь ты тоже прикроешь меня. Она ничего?

«Чтоб ты провалился, старый козел!» — подумал я. Морт был развездным коммивояжером и все свое время тратил не на покупателей, а на то, чтобы соблазнить первую попавшуюся официантку. Кроме того, работал он в фирме, выпускавшей какое-то дерьмо, каковым, впрочем, был и он сам. И все же я выпил с ним по рюмочке — другой и всласть накормил его байкой о «замужней женщине», с которой я будто бы здесь встречаюсь. В ответ мне пришлось выслушать полдюжины примерно столь же достоверных историй о его «успехах», после чего мы распрощались.

В другой раз я чуть было не выпил с доктором Твитчеллом, но он отказался. Я повстречался с ним в кафе на Чампа Стрит — сел сначала спиной к нему, а потом увидел его отражение в зеркале. Первым моим желанием было — заползти под стол... Потом я взял себя в руки и сообразил, что из всех, живущих в 1970-м, его-то мне как раз и не нужно опасаться. Ничего не могло произойти, потому что ничего уже не произошло... вернее, не произойдет в 2001-м, или еще не... Да, если когда-нибудь путешествия во времени станут обычным делом, английской грамматике понадобится много новых оборотов в согласовании времен...

Как бы там ни было со всеми прошлыми и будущими временами, сейчас мне нечего было опасаться Твитчелла, и я расслабился. Я стал внимательно разглядывать его в зеркале — быть может, это просто случайное сходство, и я принял за него кого-то похожего? Но нет, это был он. У него было очень не стандартное лицо (не то, что мое) — надменное, высокомерно-красивое и очень запоминающееся. Я помнил это лицо уже в силь-

но постаревшем варианте, но у меня не было никаких сомнений. У меня защемило сердце, когда я вспомнил, как обошелся со стариком, и мне захотелось хоть немножко загладить это.

Твитчелл поймал мой внимательный взгляд в зеркале и обернулся ко мне.

— В чем дело? Что-нибудь случилось?

— Нет. Прошу прощения, вы ведь доктор Твитчелл? Из Университета?

— Денверский Университет, вы правы. Мы с вами встречались?

Я чуть было не выдал себя, забыв, что в этом году он как раз преподавал в Университете — трудновато было помнить сразу в двух временах.

— Нет, доктор, я просто слышал однажды вашу лекцию. Я, можно сказать, один из ваших поклонников.

На лице у него заиграла надменная полуулыбка, но он не клюнул на это, и я понял, что сейчас он еще не нуждается в признании других — ему вполне достаточно с в о е г о сознания собственной значимости.

— Вы уверены, что не принимаете меня за кинозвезду?

— Нет-нет! Вы — доктор Хьюберт Твитчелл... Великий физик!

Он опять чуть раздвинул губы в улыбке.

— Давайте остановимся на том, что я просто физик. А если уж совсем точно — стараюсь кое-что сделать в этой области.

Мы еще немного поболтали, и я попробовал задержать его после того, как он доел свои бутерброды, — сказал, что почту за честь угостить его в баре.

— Я вообще почти не пью, — покачал он головой, — и уж во всяком случае днем. Но за предложение благодарю. Рад был с вами побеседовать... Если будете еще в этих краях, загляните как-нибудь ко мне в лабораторию.

Я пообещал, что загляну непременно.

Вообще я сумел избежать многих промашек в 1970-м (когда появился там во второй раз, разумеется): во-первых, потому что время было мне знакомо, во-вторых, большинство тех, кто мог узнать меня, жили в Калифорнии. Я решил для себя, что, если вдруг я случайно наткнусь на знакомое лицо, я просто скорчу непонимающую физиономию и пройду мимо.

Но разные мелочи порядком досаждали мне. Например, застежки-молнии — я привык к гораздо более удобной одежде. Потом бритье — мне опять приходилось б р и т ь с я! А однажды я даже умудрился простудиться, забыв, что нынешняя одежда промокает от дождя. Хотел бы я, чтобы здесь очутились разные умники из 2001-го, которые сходят с ума по прошлому и клянут цивилизацию и прогресс — пускай бы попользовались тарелками, на которых протухает еда, рубашками, которые приходится стирать, запотевающимися зеркалами в ваннах и грязным бельем... Пусть бы их немножко помучил насморк, пусть подышали бы чуть-чуть гарью и копотью... Я уже успел привыкнуть к несколько иной жизни, и 70-й, признаться, по мелочам действовал мне на нервы. Но человек быстро привыкает ко всему, как собака к новой будке.

Вообще-то Денвер с его ароматом старины мне очень нравился. Новый План Реконструкции еще не затронул его, людей было не больше двух миллионов, по улицам ездили автобусы... Еще были у л и ц ы, и мне не приходилось тратить несколько часов, чтобы найти Колфакс-Авеню.

Денвер еще с трудом привыкал к своей новой роли — столице, и чувствовал себя, словно мальчишка, впервые надевший вечерний костюм. Город все еще тяготел к сапогам на высоких каблуках и западному говору, хотя и здорово разросся во всех направлениях — ведь нужно было место для посольств, магазинов и дорогих ресторанов. Новые здания вырастали, как грибы (нужно было вместить всех бюрократов, клерков, машинисток), почти вплотную друг к другу, но тем не менее на востоке черта города лишь на несколько миль заходила за Аврору, на севере — до Хендерсона, на юге — до Литлтона. Перед Воздушной академией была все еще открытая незастроенная местность. С западной стороны город, конечно, уходил далеко в горы, где размещались все правительственные учреждения. Да, мне нравился Денвер 70-го, и все же мне здорово хотелось назад, в свое время... вернее, вперед — в 2001-й. Были разные мелочи... Скажем, зубы — так только я устроился в «Помощницу Инк» и у меня появились деньги, я сразу же привел полностью рот в порядок и думал, что никогда в жизни мне уже не придется сесть в зубо-врачебное кресло. Но в 1970-м у меня не было с собой

антикариозных таблеток, и у меня здорово разболелся зуб. Пришлось идти к дантисту — я ведь совсем забыл, что он увидит, когда я открою рот... Он поморгал в растерянности, поводит зеркальцем мне по небу и воскликнул:

— Святая мадонна! Кто ваш постоянный врач?!

— А в фем фело?

Он вытащил руку у меня изо рта.

— Кто вам это сделал? И как?!

— Вы имете в виду мои зубы? А-а... Это... Это экспериментальная работа одного врача в... Индии.

— Но как это сделано?

— Откуда же мне знать? Я ведь не врач.

— М-мда... Подождите секунду, я сейчас! — он стал включать рентгеновскую аппаратуру.

— Стойте! — торопливо сказал я. — Не нужно ничего делать! Просто почистите мне дупло, залепите чем-нибудь и дайте мне спокойно уйти.

— Но, послушайте...

— Нет, это вы послушайте, доктор. Я ужасно спешу!

Он сделал то, что я просил, но, пломбуя мне дупло, то и дело бросал изумленные взгляды на всю полость рта. Я заплатил ему наличными и быстро удался, не сказав, как меня зовут и где я живу. Вообще-то можно было, конечно, позволить ему сделать снимки, ничего страшного бы не случилось, но... Я уже чисто инстинктивно избегал малейших промашек, хотя в данном случае никакой рентген не объяснил бы ему, как именно была сделана регенерация, да и я сам не сумел бы сказать, даже если бы хотел.

Времени у меня было ничтожно мало, поэтому, занимаясь часов по шестнадцать в день «Чертежником Дэном» и «Питом», параллельно я делал кое-что еще. Анонимно, через контору Джона, я нанял частных детективов, чтобы они как следует покопались в прошлом Беллы. Я дал им ее адрес, номер авторских прав (я хорошо его помнил) и серийный номер ее машины — на рулевом колесе наверняка остаются отпечатки пальцев. Я объяснил, что она могла быть уже не один раз замужем и вполне возможно, что за ней тянется какой-то «хвост». Больше никаких данных у меня не было, и проводить большое настоящее расследование я не мог — деньги были нужны мне для другого... Когда

через десять дней я не получил никаких сведений, я уже мысленно распрощался с теми, которые заплатил авансом, но еще через день-два в контору Джона прибыл толстый конверт.

Я был прав — Белла оказалась «серьезной» девочкой: родившись на шесть лет раньше, чем утверждала, она успела дважды побывать замужем еще до того, как ей исполнилось восемнадцать. Один из этих браков был юридически недействителен, поскольку человек, за которого она вышла, уже был женат. Что касается второго, то детективное агентство не смогло установить, развелась ли она с ним.

С тех пор она была замужем еще четыре раза, причем один раз, по всей вероятности, фиктивно — «муж» погиб на войне и подтвердить это, естественно, не мог. Развелась она всего лишь однажды, поэтому могла все еще быть «замужем» за всеми остальными. «Хвост» ее в полиции был весьма длинен и интересен, но на откровенном мошенничестве она попала всего один раз в Небраске, после чего сменила имя, фамилию и сделала фальшивую карточку Национальной Безопасности. Агентство запрашивало меня, следует ли им передать эти данные властям в Небраске. Я подумал и написал, чтобы они не беспокоились: прошло девять лет, да и обвинение было вполне пустяковым по сравнению с тем, что она сделала со мной. Быть может, если бы ее засекли в том, что она накачала кого-то допингом или наркотиками, я поступил бы иначе... А впрочем, не знаю. Я был занят другим — чертежами и описаниями моделей и не заметил, как наступил октябрь. Работа была сделана едва лишь наполовину, и, что еще хуже, я не мог ее закончить, пока обе модели не будут в полном ажуре. Не было у меня времени и на то, чтобы завязать необходимые знакомства, и я начал подумывать, что совершил ошибку, попросив доктора Твитчелла запрограммировать его машину всего на тридцать один год — следовало бы иметь годик в запасе. Кажется, я переоценил свои возможности.

Я не стал показывать свои «игрушки» Саттонам. Не потому, что я им не доверял, а просто не хотел бесполезной болтовни и бессмысленных советов от некомпетентных людей. В последнюю субботу сентября я должен был отправиться вместе с ними в клуб. Накануне я работал почти всю ночь, а рано утром вскочил от

звонка будильника, выключил эту выдумку садиста (слава богу, в 2001-м уже обходились без нее), побрился, вышел на улицу к ближайшему автомату, позвонил им и сказал, что не смогу поехать.

— Дэнни, — сказал Дженни, — ты и так много работаешь. Два дня отдыха тебе просто необходимы.

— Ничего не поделаешь, Дженни. Мне очень жаль, но надо работать.

— Дэн! — Джон взял трубку. — Ну что там у тебя еще?

— Мне нужно работать, Джон, и я никак не смогу выбраться. Передай всем от меня привет, и отдохните как следует.

Я вернулся к себе, сделал пару тостов, сварил пару яиц и сел за «Чертежника». Через час с небольшим они постучались ко мне в мастерскую.

В этот уик-энд никто из нас так и не поехал в горы. Я показал им обе модели и постарался объяснить, как они работают. «Чертежник» не произвел большого впечатления на Дженни (это аппарат не предназначен для женщины, если, конечно, она не инженер), но при виде «Пита» она широко открыла глаза. Она держала у себя дома «Помощницу № 2» и сразу поняла, что может делать «Пит». Джон, напротив, сразу усек смысл «Чертежника». А когда я показал ему, как могу вывести свою подпись, нажимая на клавиши, брови у него полезли на лоб.

— Дэн! Тысячи чертежников останутся без работы!..

— Ничуть не бывало! Эта штука просто поможет им работать. Через пару десятков лет ты сможешь увидеть эту машину в любой инженерской или архитектурной конторе — без нее так же не смогут обходиться, как современный механик не может обойтись без гаечного ключа.

— Ты говоришь так, словно знаешь наверняка...

— Я — з н а ю!

Он окинул задумчивым взглядом «Пита» (тот педантично убирал мой рабочий стол), потом «Чертежника», потом посмотрел на меня.

— Дэнни... — сказал он, — ты знаешь, иногда я думаю... Мне кажется, что ты сказал правду... тогда, в самый первый день нашей встречи.

— Ты можешь называть это... ну, своего рода пред-

видением, — пожал я плечами. — Но я действительно знаю. А как — разве это имеет значение?

— Пожалуй, что нет. Хорошо, а что ты собираешься делать с этими приборами?

Я нахмурился.

— В этом как раз и загвоздка, Джон. Я приличный инженер и, думаю, неплохой механик, когда это нужно. Но бизнесмен из меня никудышный — я имел случай в этом убедиться... Скажи, ты разбираешься в патентных законах?

— Я же тебе говорил: это не совсем мой профиль.

— Но ты знаешь кого-нибудь, кому я мог бы довериться? Само собой, чтобы он понимал в этом как следует. Мне это нужно позарез и именно сейчас. Мне нужно организовать что-то вроде корпорации, решить все вопросы с финансами... У меня очень мало времени! Очень мало, Джон!

— Почему?

— Я должен вернуться... Туда, откуда я пришел.

Он присел и задумался. Думал он долго, а потом спросил:

— Сколько у тебя времени?

— Около девяти недель. Ровно девять недель, считая с будущего четверга.

Он глянул на обе машины, потом на меня.

— Тебе придется отложить свою... поездку, Дэни. Тебе, как минимум, понадобится девять месяцев, и это лишь для того, чтобы начать производство... Да и то, если все пойдет гладко.

— Джон, это... невозможно!

Он кивнул:

— Невозможно... Ты прав: совершенно невозможно уложиться в твой срок.

— Да нет! Я хочу сказать, что невозможно отложить!.. Это уже... просто от меня не зависит! — Я уткнул лицо в ладони. Меня вдруг охватила смертельная усталость, я почувствовал, что уже много суток сплю меньше, чем по пять часов. Мне показалось, что есть какие-то барьеры, которые человек просто не может одолеть — можно стараться, бороться, сопротивляться, но одолеть невозможно. Я поднял голову.

— Джон! — сказал я. — Может быть... Ты сделаешь это?

— М-мм? Что именно? Какую часть?

— Все. Все, что осталось. Ведь что мог сделать я, уже сделал.

Он помолчал.

— Это большое дело, Дэн. И я могу обвести тебя вокруг пальца, как кутенка, ты понимаешь это? Ведь это, — он ткнул пальцем в «Чертежника» и «Пита», — может оказаться золотой жилой.

— Это и есть золотая жила. Я з н а ю!

— Почему же ты слепо доверяешь мне? Не лучше ли тебе просто нанять меня, как юриста, заплатить гонорар..., ну, словом, ты знаешь, как это обычно делается?

Голова у меня раскалывалась, но я попытался собраться с мыслями. Однажды я поверил своему другу... вернее, тому, кого я считал своим другом, а он... Нет! Нет, черт меня возьми... Сколько бы раз человек ни обжигался, он должен верить людям, иначе... Иначе это просто не жизнь! Иначе нужно зарыться в пещеру и спать с открытыми глазами — другого выхода жить спокойно просто нет... Сама жизнь — беспокойство. И неизбежный крах... В самом конце! Но пока человек живет, он должен жить!

— Джон, — медленно проговорил я, — ты сам знаешь ответ... Ведь ты мне поверил! Теперь мне снова нужна твоя помощь, и ты... Ты поможешь мне?

— Конечно, он поможет, — мягко сказал Дженни, — хотя я не очень вслушивалась в вашу беседу. Дэнни? Он может мыть посуду, этот аппарат? У тебя нет ни одной чистой тарелки.

— А? Ну, конечно, может...

— Тогда скажи ему, будь добр. Я хочу посмотреть, как он это делает.

— Но... Я никогда его на это не программировал... Я, разумеется, могу это сделать, если ты хочешь, но на это уйдет несколько часов. После, конечно, он уже всегда сможет это делать, но для первого раза... Понимаешь, мытье посуды требует множества вариаций... Это ведь совсем не так просто, как, скажем, класть кирпичи. Он должен из множества решений находить верное.

— Господи! Наконец-то, я встретила мужчину, который кое-что смыслит в мытье посуды! Джон, дорогой, ты слышал, что он говорит? Ладно, Дэнни, не трать сейчас на это времени, я вымою сама, — она огляделась

вокруг, — но должна тебе сказать, что ты устроил здесь самый настоящий свинарник!

Мне честно говоря, никогда не приходило в голову, что «Пит» мог ухаживать за мной. Я все время был озабочен тем, как он будет помогать другим, а сам просто сметал мусор в угол комнаты, да и то не часто. Пока Джон в задумчивости рассматривал «Чертежника», я начал учить «Пита» тому, что умел делать по дому «Фрэнк» — в «Пите» было раза в три больше Торсеновских трубок...

Дженни отпечатала для нас все описания, Джон нашел специалиста по патентам — не знаю, заплатил он ему наличными или принял в долю, я его об этом не спрашивал. Вообще я предоставил ему вести все дела, включая и распределение доходов, приняв, правда, некоторые меры предосторожности: если бы вдруг он решил прокрутить со мной такой трюк, который выкинул Майлс, у него это вряд ли бы получилось. Но, честно говоря, меня это не очень заботило — в конце концов, разве деньги — главное в жизни? Одно из двух — либо Джон и Дженни действительно были теми людьми, какими я их себе представлял, либо мне надо было зарыться в пещеру и стать отшельником.

Я настоял на двух вещах.

— Джон, я думаю, мы должны назвать нашу фирму: «Автоинженерная корпорация Аладдин». Как ты на это смотришь?

— Дурацкое название. Почему не просто: «Дэвис и Саттон»?

— Потому что должно быть именно это название.

— Вот как? Опять что-то вроде предвидения?

— Возможно, возможно. Мы сделаем такую эмблему... Аладдин, трущий лампу, и джин над ним... Ну, я тебе примерно нарисую. И еще одно: главная контора должна быть в Лос-Анджелесе.

— Что-о-о? Ну, знаешь, это уже слишком! Если ты хочешь, чтобы всем занимался я... Чем тебя не устраивает Денвер?

— Денвер чудесный город. Но строить завод тут нельзя... Негде! В один прекрасный день правительственные учреждения выживут нас отсюда, и нам придется начинать все сначала в другом месте. Кроме того, многие материалы придется выписывать из-за границы, а Лос-Ан-

джелес — морской порт, там полно рабочих любых профессий...

— Ну, а смог? Грязь? Копоть? Прикажешь терпеть все это?

— Это все очень скоро исчезнет! Это ликвидируют, поверь мне! Кроме того, ты не замечаешь, что в Денвере тоже начинает появляться смог?

— Посмотри-ка, Дэнни! Ты дал мне ясно понять, что мне придется заниматься всем этим делом, в то время как ты отправишься куда-то там... по своим делам, так? Я согласился. Но согласись и ты, что в этом варианте у меня должна быть какая-то свобода выбора...

— Джон! Так и а д о!

— Дэн! Только сумасшедший, живущий в Колорадо, отправится жить в Калифорнию. Я там был во время войны, и я знаю!.. Возьми хотя бы Дженни — она родилась в Калифорнии и в детстве жила там, но это наша маленькая семейная тайна. И ты не сможешь заставить ее вернуться! Здесь тебе и зима, и лето, и горы, и воздух, и вообще...

— И вообще, Джон, я не могу тебе сказать, что я никогда не соберусь вернуться в Калифорнию! — подала голос Дженни.

— Но, послушай, родная!..

Дженни сидела тихонько в уголке и вязала. Она вообще никогда не встревала в наши разговоры, если ей было нечего сказать. Но когда говорила, то говорила дело... Сейчас она отложила свое вязание, что было для меня хорошим знаком, и сказала:

— Если мы переедем туда, родной, мы сможем вступить в Оакдейл Клуб, а у них купания круглый год. В последний наш уик-энд я как раз подумала об этом, когда заметила кромку льда в Боулдерском озере...

Я оставался с ними до последней минуты — до 2-го декабря 1970-го. Мне пришлось занять у Джона три тысячи — цены я платил за детали сумасшедшие. Я предложил ему взамен часть акций. Он дал мне подписать сертификат, а потом при мне разорвал его в клочья и кинул в мусорную корзину.

— Отдашь, когда появишься.

— Джон! Это будет через тридцать лет!

— Действительно... так долго?

Я задумался. Он никогда ни о чем меня не расспрашивал с того самого дня, шесть месяцев назад, когда я

буквально свалился им на голову, и он честно сказал мне, что не верит во все эти штуки с путешествиями во времени. И тем не менее он на свой страх и риск ввел меня в свой клуб...

— Знаешь... — я поколебался еще секунду, — по-моему, пришло время все тебе рассказать. Может, мы разбудим Дженни? Она тоже имеет право знать...

— М-мм... Нет, пожалуй не стоит. Пусть поспит до твоего отъезда... Видишь ли, Дэн, Дженни — существо нелогичное. Ты нравишься ей, ты пришелся ей по душе — и по одному этому ей уже совершенно все равно, откуда ты появился и кто ты на самом деле.

— Ладно, как хочешь, — и я рассказал ему все, прерываясь лишь затем, чтобы наполнить наши стаканы. Себе я наливал имбирное — у меня были веские причины не притрагиваться к алкоголю. Дойдя до того места, когда я очутился в Боулдере, я замолчал, а потом сказал: — Вот и все, хотя... Пожалуй, я ошибся, полагая, что падал с двухметровой высоты. Думаю, там было не больше метра с четвертью. Если бы они построили лабораторию... То есть я хочу сказать, если они собираются строить лабораторию поглубже, я был бы заживо похоронен... А может, убил бы и вас, взорвав заодно весь штат... Я ведь не знаю и даже не могу себе представить, что происходит в случае, если одна масса стремится занять часть пространства, у же занятую другой массой.

Джон молча курил.

— Ну? — не выдержал я. — Что ты скажешь на все это?

— Дэн!.. Ты тут много наговорил насчет того, каким будет Лос... то есть Великий Лос-Анджелес. Я... Я скажу тебе, насколько ты был точен, когда мы снова увидимся.

— Я был точен. Ну, может, какие-то детали я и упустил, но в целом...

— В целом все прозвучало довольно логично. Но в данную минуту я думаю, что ты — самый логичный лунатик, которого я когда-либо встречал на своем веку. Нет-нет, это ничуть не умаляет твоего инженерского таланта — ты прекрасный инженер и... друг тоже... Ты мне нравишься, и... я, пожалуй, подарю тебе к Рождеству новый костюм.

— Ладно, будь по-твоему.

— Дэн! Я вынужден так считать, потому что... Потому что иначе мне придется смириться с тем, что я сам свихнулся, а для Дженни это явилось бы довольно неприятной неожиданностью... — он глянул на часы. — Давай-ка, разбудим ее, а то она мне голову оторвет, если я дам тебе уйти, не попрощавшись с нею.

— Давай... Я... Я совсем забыл об этом.

Они отвезли меня в Денверский аэропорт, Дженни поцеловала меня на прощанье у самого трапа и в одиннадцать поль-ноль я вылетел в Лос-Анджелес.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

На следующий вечер, третьего декабря 1970-го я подъехал на такси к дому Майлса — я приехал пораньше, поскольку не помнил точно, когда приезжал сюда в первый раз. Было уже темно, но возле ворот я различил силуэт его машины. Других машин там не было. Тогда я отошел метров на пятьдесят и принялся ждать.

Когда я докурил вторую сигарету, к дому подъехала машина, остановилась впритык к майлсовской, из нее вылез мужчина и вошел в дом. Подождав еще несколько минут, я подошел ближе... Это была моя машина... У меня не было ключей, но так как я и раньше часто забывал ключи, то всегда держал запасную пару в багажнике. Я открыл тачку и забрался внутрь. Она стояла на холме, поэтому не включая фары и мотор, я съехал вниз, повернул за угол и только потом включил зажигание и отъехал квартала за два от дома — туда, где находился гараж Майлса.

Гараж был заперт. Я заглянул внутрь через грязное окно и в углу увидел агрегат, накрытый простыней. По его очертаниям я безошибочно узнал свое детище — «Универсального Фрэнка»...

Замок на воротах был вполне надежен для 70-го, но остановить человека, разбирающегося в механике, как разбирался я, и полного решимости, он, конечно, не мог. Через несколько секунд я был внутри. На то, чтобы разбить «Фрэнка» на куски и перетащить в машину, ушло гораздо больше времени, но перед этим я нашел все чертежи и описания и кинул их в машину, а потом уже принялся за самого «Фрэнка». Никто не

знал устройство «Фрэнка», как знал его я. поэтому я не очень-то аккуратно разбирал его на части, тем не менее на все это у меня ушло больше часа. Когда я запихнул последнюю часть в багажник (кресло на колесиках), я услышал вой Пита. Я быстро влез в машину и подъехал к дому Майлса с другой стороны — тут как раз и началась Великая Битва...

Я много раз обещал себе, что не упущу ни кусочка из этого грандиозного сражения, но я ничего не мог увидеть. Задняя дверь была открыта, но ни Белла, ни Майлс ни разу не очутились в поле моего зрения — я лишь слышал их отчаянные вопли, визг и питовский боевой клич, сладкой музыкой звенящий у меня в ушах. Я подкрался к внешней двери, надеясь хоть краем глаза посмотреть на триумф Пита, но черт бы ее побрал, она была заперта изнутри на крючок! Я порылся в кармане, нашел гвоздь и скинул крючок... Инстинктивно зажмурившись, я отпрянул в сторону и сделал это вовремя: мимо меня пронеслась шипящая торпеда — Пит атаковал дверь и вылетел на улицу. От неожиданности я свалился прямо в розовый куст... Не знаю, рискнули ли Белла с Майлсом преследовать его — на их месте я не стал бы этого делать. Я поспешил убраться от двери как можно скорее, чтобы они не засекали меня здесь. Выкарабкавшись из куста, я отполз от дома и стал ждать, пока Пит не успокоится — сейчас его ни в коем случае нельзя было трогать. Даже я не рискнул бы взять его на руки.

Каждый раз, когда он проходил мимо меня, подходя к дому и вызывая находящихся там двуногих тварей на бой, я тихонько звал его, приговаривая:

— Пит... Иди сюда, старина... Все в порядке... Давай, иди ко мне, дружище...

Он уже знал, что я здесь — раз или два он глянул в мою сторону, но продолжал прохаживаться возле двери, испуская воинственные вопли. Кошки не могут заниматься двумя проблемами одновременно — у него сейчас была одна ясная цель и он не мог и не желал тратить время на объяснения с хозяином. Но я знал, что пройдет какое-то время и он успокоится. Пока я ждал, в доме раздался плеск воды, и я догадался, что те двое начали приводить себя в порядок, оставив меня одного в гостиной. М е н я!... Неожиданно мне пришла в голову жуткая мысль: что если я сейчас заберусь

внутри и перережу глотку тому беспомощному телу, которое стоит возле кресла в гостиной? С точки зрения математической логики это был бы весьма занятный эксперимент, но... Я не рискнул его проделать. Кроме того, я не хотел входить внутрь еще по одной причине — встретив там Майлса я бы нипочем не удержался. А драться с мертвецом! Нет, это было бы просто непристойно...

Пит, наконец, остановился метрах в полутора от меня и спросил:

— Н-н-м-м-н-н-у-у?..

Это означало: «Чего мы тут стоим? Давай вернемся туда и покончим с ними — врежем им как следует! Ты сверху, я — снизу! Ну-у-у-у?!»

— Нет-нет, старина. Все... Сеанс окончен!

— Ч-ч-ч-у-у-ш-ш-шь!!

— Пора смываться, Пит. Будь умницей... Иди к Дону.

Он сел и стал умываться. Потом он взглянул на меня, я протянул руки, и он прыгнул ко мне.

— С-с-с-ч-ч-а-с-с? (Где, интересно, ты шлялся, когда я вышибал из них мозги?)

Я отнес его в машину и усадил на единственное свободное место, которое там оставалось. Он обнюхал железные штуковины, которые занимали его любимое место, и недовольно оглянулся на меня.

— Ничего-ничего, старина. Придется тебе посидеть у меня на коленях. Не привередничай.

Я включил мотор, развернулся, и мы рванули в сторону Озера Большого Медведя к лагерю Скаутов для девочек. Минут через десять я вышвырнул из машины достаточно частей «Фрэнка», чтобы дать Питу улечься на его привычное место. Несколькими милями дальше я полностью очистил пол от «Фрэнка» и выбросил все его чертежи и описания, предварительно порвав их на мелкие кусочки. От кресла на колесиках я избавился уже в горах — швырнул его в пропасть и не отъезжал, пока не услышал приятный для моих ушей грохот и многократно повторившееся эхо. Около трех часов утра я остановился в кемпинге, немного не доезжая до поворота на Скаут-лагерь. Мне пришлось заплатить больше, чем обычно, за кабинку, потому что Пит вылез со своими замечаниями как раз в тот момент, когда к нам подошел хозяин кемпинга.

— Когда приходит утренняя почта из Лос-Анджелеса? — спросил я его.

— Вертолет прилетает ровно в семь тридцать.

— Очень хорошо. Можете разбудить меня в семь?

— Приятель, если вы сумеете здесь проспать до семи, я завидую вашей нервной системе. Но если вы будете спать, конечно, я разбужу вас.

К восьми часам мы с Питом позавтракали, я принял душ и побрился. При дневном освещении я как следует осмотрел Пита и убедился в том, что он вышел из битвы практически невредимым — две-три царапины, не более того. Мы влезли в машину и покатали прямо в лагерь Скаутов. Правительственный фургон с почтой ехал как раз впереди нас — положительно мне сегодня везло.

В жизни своей я не видел такого количества девочек. Они возились, как котята, и выглядели все одинаково в своих зеленых форменных платицах. Те, мимо которых я проходил, очень хотели потрогать Пита, но большинство застенчиво стояло поодаль. Я зашел в кабину с надписью «Наставница» и очутился перед фигурой в таком же зеленом платье, но это была уже не девчонка.

Встретила меня Наставница крайне недружелюбно и глядела на меня с нескрываемым подозрением. Ничего удивительного — посторонний человек, желающий встретиться с маленькой девочкой, которая вот-вот уже станет девушкой, естественно, вызывает подозрения. Я объяснил, что я — дядя этой девочки, Дэниэль Б. Дэвис, и что я должен передать ей известие, касающееся ее семьи. Она ответила на это, что любые визитеры, кроме родителей, допускаются к воспитанницам только в сопровождении родителей, а кроме того, приемные часы начинаются с четырех.

— Но я вовсе не приехал с визитом к Фредерике. У меня просто есть для нее записка, которую я должен ей передать! Это... Это очень важно!

— Тогда вы можете написать все на бумаге, а я передам ей ваше послание, как только у них кончится урок ритмики.

Я скорчил скорбную мину и медленно произнес:

— Этого я сделать не могу. Будет гораздо милосерднее для крошки, если я сам все скажу ей.

— В семье кто-то умер?

— Не совсем. Но произошла очень серьезная неприятность. Простите, мадам, но я не уполномочен говорить об этом с посторонними. Это... Это касается матери моей племянницы.

Она была заколебалась, и тут в разговор вступил Пит. Все это время я держал его под мышкой — я не хотел оставлять его одного в машине, и, кроме того знал, что Рикки будет очень рада его увидеть. Все время, пока мы разговаривали с наставницей, Пит стоически переносил нелюбимую им позу, но в конце концов ему это надоело.

— М-и-и-и-у-у?! (Долго еще мне так висеть?)

Она взглянула на него, глаза у нее потептели.

— А он у вас просто красавец, — сказала она. — У меня дема точь-в-точь такой же.

— Это кот Фредерики! — я подпустил еще скорби и торжественности в голос. — Я должен был привезти его сюда, потому что... Это было необходимо! О нем больше никому заботиться.

— Ах, ты, бедняга! — сочувственно произнесла она и почесала его под подбородком.

К счастью, она сделала это правильно, и Пит, закрыл глаза, взглянул на нее и выразил свое удовольствие обычным кошачьим мурлыканьем. Он мог быть крайне мил с чужими, но мог быть и достаточно суров, если ему не нравилось самое начало разговора. Она погладила его и попросила меня подождать за столиком под деревьями — навестить Фредерику она мне разрешила, но не наедине, а под ее недремлющим оком. Я поблагодарил и стал ждать.

Я не заметил, как подошла Рикки, и вздрогнул от ее внезапного крика:

— Дядя Дэнни!

Я мгновенно обернулся.

— Как здорово! — воскликнула она. — Как здорово, что ты привез с собой Пита!

Завидев ее, Пит издал радостное урчание и прыгнул с моих рук к ней. Она поймала его, подхватила именно так, как он больше всего любил, и на несколько секунд они совершенно забыли обо мне, исполняя кошачий ритуал встречи. Потом она, наконец, взглянула на меня и, всхлипнув, пробормотала:

— Дядя Дэнни! Я... Я так рада, что ты здесь.. Я не поцеловал ее, вообще не притронулся к ней: во-

первых, я никогда не позволял себе этого с детьми (просто не мой способ общения), во-вторых, Рикки была девчонкой того сорта, с которой эти телячьи нежности были, мягко говоря, лишними. В лучшем случае она бы лишь терпела их. Наши отношения были основаны (с самого первого дня нашего знакомства, когда ей едва стукнуло шесть) на взаимном уважении двух совершенно равноправных существ... Я только внимательно оглядел ее... С содранными коленками, сильно вытянувшаяся за последнее время, нескладная — она была не такая очаровательная, какой я помнил ее, когда она была еще совсем крошкой. Майка и шорты в сочетании с царапинами, ссадинами и грязью на мордашке не придавали ей женственности — это был лишь эскиз будущей женщины, и только по громадным глазищам и правильным чертам лица можно было догадаться, в к а к у ю женщину суждено превратиться этому нескладному созданию.

— Я сам очень рад, что я здесь, Рикки! — как можно спокойнее произнес я.

Удерживая Пита в одной руке, она полезла другой в кармашек на шортах.

— Я здорово удивилась... Всего минуту назад мне принесли письмо... От тебя. Я не успела даже распечатать его... Скажи, ты там написал, что приезжаешь сегодня? — она вытащила смятый скомканный конверт — он был явно велик для ее кармана.

— Да нет, Рикки. Я написал в нем, что я уезжаю, но... Когда я уже отправил его, я решил, что будет лучше, если я сам приеду попрощаться.

Она мгновенно помрачнела и опустила глаза.

— Ты... уезжаешь?

— Да. Я тебе сейчас все объясню, но... Это длинный разговор, так что давай присядем.

Мы сели за столик под деревьями, и я стал говорить. Пит возлежал на столе между нами, как статуя античного льва — передние лапы уложив на конверт, прищурив от удовольствия глаза — и низким баритоном урчал длинную нескончаемую песню глубочайшего удовлетворения и спокойствия. С большим облегчением я узнал, что она уже в курсе свадьбы Майлса и Беллы — когда я робко начал говорить об этом, она посмотрела мимо меня и бесцветно произнесла:

— Я знаю. Папа писал мне об этом.

— Ага... Ну, что ж...

Неожиданно она нахмурилась, и лицо ее приняло совсем не детское выражение.

— Я больше не поеду туда, Дэнни! Никогда не поеду!

— Но... Послушай, Рикки-Тикки, я понимаю тебя... понимаю, что ты чувствуешь, и совсем не хочу, чтобы ты туда ехала. Я сам бы забрал тебя отсюда, если бы... мог. Но как ты можешь не ехать туда? Ведь Майлс твой отец, а тебе всего одиннадцать...

— Мне совершенно не нужно к нему ехать. Он мне не родной папа... Меня заберет бабушка.

— Что-что? Бабушка?.. Когда она приезжает?

— Завтра. Они приедет из Брауллея. Я написала ей... Спросила, могу ли я не возвращаться туда, а жить с ней, потому что я не хочу жить с папой больше, раз... раз она там... — Рикки умудрилась вложить в одно местоимение больше смысла, чем можно было передать многими недетскими выражениями. — Ба написала в ответ, что мне совершенно не нужно туда ехать, если я этого не хочу, потому что он никогда не удочерял меня и только она — моя законная опекушка... — она с беспокойством посмотрела на меня. — Это правда, да? Они... Они не могут меня заставить?

Я испытал громадное облегчение. Многие месяцы, работая над своими приборами, я тщетно пытался придумать, как уберечь Рикки от Беллы... Уберечь ее от этой отравы, от ее влияния, как минимум, на два года... — Если он не удочерял тебя, вы с бабушкой должны стоять на своем, и, я уверен, все будет в порядке... — неожиданно мне пришла в голову другая мысль, и я закусил нижней губу. — Только... Слушай, Рикки, сложности могут возникнуть завтра... Здесь Тебя могут просто не отпустить с ней.

— Как они меня не отпустят? Я просто сяду в машину и уеду!

— Нет, Рикки, это не так-то просто. Ведь эти люди... Ну, те, кто командует здесь в лагере, они следуют своим правилам. Твой отец — Майлс... То есть я хочу сказать, что привез тебя сюда Майлс и назвался твоим отцом. И они не захотят отдать тебя никому, кроме него самого, понимаешь?

— Я не поеду с ним! — она выпятила подбородок. — Я поеду с бабушкой.

— Ну да, конечно, только давай сделаем это проще. Я бы лично на твоём месте не говорил, что уезжаю из лагеря и а с о в с е м. Сказал бы, что просто еду с бабулей покататься, а потом вернусь.

— Ладно, — подумав, произнесла она, и подбородок убрался на место.

— И... вот что, не складывай сумку или чемодан, а то они поймут, что у тебя на уме. Не бери никакой одежды, кроме той, что будет на тебе, а деньги и все, что ты хочешь забрать (только самое необходимое!), засунь в карманы. У тебя ведь нет здесь ничего такого уж ценного?

— Вообще-то нет... разве что... — она вдруг погрузилась. — у меня тут новый купальник! Совсем-совсем новый!

Ну как объяснить ребёнку, что бывают моменты, когда лучше лишиться всей поклажи, чем... Как объяснить, если они готовы ринуться в горящий дом, чтобы спасти любимую куклу?!

— М-мм... Послушай, Рикки, бабушка ведь может сказать, что повезет тебя купаться в Эрроухед... А потом вы пообедаете там в отеле и вернетесь засветло. Тогда ты можешь взять с собой купальник и полотенце. Но больше не бери ничего, я прошу тебя! Ну, так как, она скажет это? Может она чуточку солгать для тебя?

— Да... Да, я уверена, что скажет! Ба часто говорила мне, что людям обязательно приходится иногда чуточку лгать, чтобы выносить друг друга... Только чуточку...

— Что ж, она неглупая женщина, твоя бабушка. Значит, ты все сделаешь, как мы договорились?

— Да, Дэнни, я сделаю все, как ты сказал.

— Хорошо, — я повертел в руках смятый конверт. — Рикки... я уже сказал тебе, что мне нужно уехать. Мне... мне придется уехать очень надолго.

— На сколько?

— На... тридцать лет.

Ее глаза стали бы больше, если бы это было возможно. Когда тебе всего одиннадцать, то тридцать лет — это не «надолго», это — «навсегда».

— Мне очень жаль, — торопливо добавил я, — но я действительно должен, понимаешь?

— Почему?..

На этот вопрос я ответить не мог: если бы я сказал правду, она бы не поверила (да и кто бы поверил?), но и ложь тут не годилась...

— Рикки... Мне трудно это объяснить, но... Я должен. Я ничего не могу поделать... — поколебавшись, я добавил. — Я ухожу в Долгий Сон... Холодный Сон — ты ведь слышала об этом? Знаешь, что это такое?

Она знала. Дети воспринимают все новшества гораздо быстрее, чем взрослые, и гораздо легче — Холодный Сон был любимой темой всех детских комиксов.

— Дэнни!.. — воскликнула она с ужасом. — Но... Но ведь тогда я больше? и к о г д а тебя не увижу!!

— Обязательно увидишь, — торопливо сказал я. — И меня, и Пита... Пит ведь идет со мной... Я имею в виду, что он тоже идет в Долгий Сон.

Она поглядела на Пита с отчаянием.

— Но... Дэнни! Почему ты не можешь взять Пита и поехать с нами в Брауллей? Это было бы так здорово... Бабуля обязательно полюбила бы вас!.. И Пита, и тебя... Она всегда говорила, что в доме должен быть мужчина!

— Рикки, детка... Пойми, я д о л ж е н!.. И не надо меня мучить! — я стал распечатывать конверт.

Отчаяние в ее глазах сменилось яростью, подбородок стал вновь выпячиваться.

— Я думаю, — глухо сказала она, — тут не обошлось без нее!

— Что-что? Если ты имеешь в виду Беллу, то ты и близко не попала... К ней это не имеет никакого...

— Она не собирается з а с ы п а т ь с тобой?

— О, господи! — я инстинктивно передернулся. — Конечно, нет! Я к ней теперь и близко не подойду!

Рикки слегка смягчилась и убрала подбородок.

— Знаешь, — сказала она, — я... Я так злилась, когда думала о тебе и... о н е й! Это было т а к...

— Прости меня, Рикки. Прости. Ты была права, а я ошибался. Но поверь, теперь она не имеет к этому никакого отношения, с ней все покончено на веки вечные, клянусь тебе чем хочешь! Теперь вот что... — я выложил перед ней сертификат на право владения всеми моими акциями в «Дом. Пом. Инкорпорэйтед». — Ты знаешь, что это такое?

— Нет.

Я объяснил ей и сказал:

— Я хочу, чтобы это было у тебя, потому что меня

не будет очень долго. — Я взял в руки листок бумаги, на котором когда-то написал форму передачи ей пакета акций, и разорвал его в клочья. Я не мог рисковать — Белла легко могла избавиться от этого листка. Я заполнил стандартную форму на обороте сертификата и адресовал доверенность в Центральный Госбанк на имя... — Рикки, как полностью звучит твоё имя?

— Фредерика Вирджиния. Фредерика Вирджиния Джентри. Ты разве не знал.

— Но почему «Джентри»? Ты же сказала, что Майлс никогда не удочерял тебя?

— Ну... Я была Рикки Джентри, сколько я себя помню. А моё настоящее имя — такое же, как и у бабушки... Какое было и у моего родного отца — Хейник. Но меня никто так никогда не называл.

— Теперь будут называть, — я написал «Фредерике Вирджинии Хейник, для получения его по достижении двадцати одного года» и, расписавшись, почувствовал, как мурашки побежали у меня по спине... Одной моей подписи в данном случае было явно недостаточно. Я глянул на часы — мы разговаривали с Рикки уже больше часа, и у меня совершенно не было времени. Но я должен был как-то застраховаться... — Мадам, — позвал я «цербера» в зелёной униформе.

— Да? Слушаю вас?

— Скажите, здесь поблизости случайно нет нотариальной конторы? Или мне придется ехать за этим в город?

— А что вы хотите? Я сама нотариус.

— Да ведь это же прекрасно! У вас есть с собой печать?

— Разумеется. Я никуда не съезжу без нее.

Под ее бдительным оком я вывел свою подпись, и она использовала полную форму (после формального заверения Рикки, что она знает меня, и молчаливого подтверждения Пита, что я безусловно отношусь к разряду людей, умеющих обращаться с котами): «Лично известный мне Дэниэль Б. Дэвис...» Когда она поставила свою печать поверх моей и своей подписей, я вздохнул с облегчением — пусть теперь Белла попробует выкинуть какую-нибудь штуку!

Она с любопытством оглядела меня, но ничего не сказала. Я торжественно произнес:

— Конечно, от судьбы не уйдешь, но... Это может

сыграть свою роль. Воспитание ребенка требует затрат...

Она кивнула, отказалась от платы и ушла в свою кабину. Я повернулся к Рикки и сказал:

— Отдай это своей бабушке и попроси ее связаться с отделением Госбанка в Брауллее. Они там все сделают как надо, — я положил перед ней сертификат. Но она не притронулась к нему.

— Это... Это стоит больших денег, да?

— Немалых. И будет стоить еще больше.

— Мне это не нужно.

— Но Рикки!.. Мне не нужно, чтобы это было у тебя.

— А мне нет! И я не возьму это! — глаза у нее наполнились слезами и голос задрожал. — Ты уезжаешь на... навсегда, и тебе теперь все равно, что я буду делать... — она всхлипнула. — Точь-в-точь как тогда, когда ты был помолвлен с ней! А ведь тебе ничего не стоило бы взять с собой Пита и жить с нами в Брауллее... Мне не надо твоих денег!

— Рикки!.. Послушай меня... У меня очень мало времени и... теперь уже поздно! Я не могу взять это у тебя, потому что это уже твое!

— Это твои дела! А я никогда не притронусь к этому! — она погладила Пита. — Пит никогда бы не бросил меня! Это ты его заставляешь! Ты увозишь его от меня, и теперь со мной не будет даже его!..

— Рикки... — с трудом выговорил я. — Рикки-Тикки-Тави?.. Ты хочешь вновь увидеть Пита?.. И меня?

— Конечно, хочу... — она говорила так тихо, что я с трудом разбирал слова. — Но не увижу.

— Увидишь. И это совсем не сложно.

— Как? Ты... Ты сказал, что уходишь в Долгий Сон... На тридцать лет... Ведь сказал?

— Да. И я уйду, потому что... Иначе я не могу. Но ты можешь нас снова увидеть. Будь умницей, живи со своей бабушкой, ходи в школу и... возьми эти деньги. Когда тебе исполнится двадцать один, ты... если, конечно, ты будешь хотеть тогда нас снова увидеть, ты сможешь сама уйти в Долгий Сон. Денег у тебя хватит. Когда ты проснешься, мы с Питом будем тебя ждать, понимаешь? И Пит, и я — мы будем там с тобой! Это.. я клянусь тебе!

Выражение ее лица изменилось, но она по-прежнему не улыбалась. Немного подумав, она спросила:

— Вы действительно будете там?

— Да. Но нам нужно договориться. Если ты это сделаешь, то делай так. Подпиши контракт с компанией «Международной Гарантии», и пусть тебя усыпят в Риверсайдском убежище. Проснуться ты должна первого мая 2001-го — день в день. Я буду там... буду ждать тебя, и, если ты захочешь, чтобы я был с тобой сразу, когда ты откроешь глаза, ты должна оговорить это заранее... Или они не пустят меня дальше приемной — я знаю это убежище, они там очень... строго к этому относятся, — я вытащил из кармана конверт, который приготовил еще в Денвере. — Тебе не нужно сейчас запоминать все это. Я все записал здесь — сохрани и, когда тебе стукнет двадцать один, действуй по своему усмотрению. Но в любом случае ты можешь быть уверена, что мы с Питом будем тебя ждать, появишься ты или нет! — я положил конверт на сертификат и пододвинул обе бумаги к ней. Мне казалось, я убедил ее, но она по-прежнему не касалась бумаг. Некоторое время она смотрела на них, а потом сказала:

— Дэнни?

— Да, детка?

— Если... — она не поднимала глаз и говорила так тихо, что я с трудом разбирал слова. — Если я сделаю все, как ты сказал, ты... женишься на мне?

У меня зазвенело в ушах, а в глазах засверкали молнии. Но я взял себя в руки и громко и твердо сказал:

— Да, Рикки! Именно этого я и хочу. Именно поэтому я все это и затеял.

* * *

Я оставил ей еще кое-что — конверт с надписью: «Вскрыть в случае смерти Майлса Джентри». Я ничего ей не объяснял по этому поводу, просто просил сохранить его. В нем были все доказательства криминального прошлого Беллы (в том числе ее многократных замужеств). С таким документом все претензии Беллы на наследство неминуемо обернулись бы против нее.

Потом я дал Рикки свое старое кольцо, бывшее у меня еще со времен армейской службы, и сказал, что теперь мы с ней помолвлены.

— Оно тебе сейчас велико, но все-таки сохрани его. А когда проснешься, я куплю тебе другое.

Она крепко зажала его в кулаке.

— Мне не нужно другого!

— Хорошо. А теперь быстро попрощайся с Питом. У меня больше нет ни минуты времени.

Она прижала Пита к лицу, потом вернула его мне и, глядя прямо мне в глаза, сквозь слезы пробормотала:

— Прощай, Дэнни...

— Никаких «прощай», детка! — у меня самого защипало в носу. — До свидания. Мы... Мы будем ждать тебя там!



Без четверти десять я вернулся в кемпинг и выяснил, что вертолет в Лос-Анджелес вылетает через двадцать пять минут. Тогда я совершил одну из самых быстрых в истории коммерции сделок — продал свою машину за половину ее стоимости и получил деньги тут же наличными. После этого я еле-еле успел тайком протащить Пита в вертолет, и мы были в конторе Мистера Поуэлла чуть позже одиннадцати.

Поуэлл был чрезвычайно раздосадован, когда узнал, что я отменил свои распоряжения насчет акций, и прочел мне длинную лекцию о растяхпах, теряющих все документы сразу.

— Не могу же я просить юриста, — раздраженно сказал он, — подписывать ваши бумаги дважды за одни сутки. Это беспрецедентный случай...

Я помахал перед его носом несколькими крупными купюрами и сказал:

— Перестаньте есть мне печенку, сержант! Вы хотите иметь со мной дело или не хотите? Если нет, так и скажите — я схожу в Центральную Долину и засну там. Сегодня.

Он еще немного поворчал и сдался. Потом он стал возражать против дополнительных шести месяцев Холодного сна и отказался точно гарантировать мне дату пробуждения.

— Во всех контрактах указывается «плюс-минус один месяц», и я не могу...

— В моем случае так не будет, — твердо сказал я. — В моем контракте будет указано 27 апреля 2001-го. И знаете, мне в общем-то, все равно, чем штамп будет стоять сверху — Взаимной Гарантии или Центральной Долины! Мистер Поуэлл, я покупаю, вы — продаете.

Если вы не в состоянии продать то, что мне нужно, я пойду туда, где мне продадут это — только и всего.

Он внес все необходимые изменения в контракт, мы оба подписали бумаги, и ровно в двенадцать я предстал перед доктором для последней медицинской проверки. Он пристально посмотрел мне в глаза и спросил:

— Надеюсь, сейчас ты трезвый, сынок?

— Как судья, — бодро ответил я.

— Судьи тоже... бывают разные, — уклончиво заметил он. — Сейчас мы посмотрим...

Он осмотрел меня очень тщательно, даже более тщательно, чем «вчера», и, отложив в конце концов стетоскоп и молоточек, удивленно произнес:

— Это просто поразительно. Сегодня вы в гораздо лучшем состоянии, чем были вчера. Никогда не сталкивался с таким феноменом! Вас просто узнать нельзя...

— Док! Вы даже не знаете, насколько вы правы!

Я держал и гладил Пита, когда они давали ему первичную анестезию, потом сам лег на стол. Конечно, положив руку на сердце, я мог подождать и день и два — это ничего не решало. Но дело в том, что мне здорово хотелось в 2001-й.

Около четырех после полудня с Питом, свернувшись клубком у меня на груди, я закрыл глаза и погрузился в Холодный Сон — уже во второй раз в моей жизни.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Сны мои на этот раз были приятнее. Самый плохой был, пожалуй, не так уж и плох — просто мне было очень холодно, и я шел и шел по бесконечным коридорам вместе с Питом и пробовал все двери, надеясь, что хотя бы одна из них окажется Дверью в Лето. Пит все время вертелся у меня под ногами, заглядывал в каждую дверь, которую я открывал, убеждался, что и здесь зима, и пытался назад... Я очень боялся наступить ему на хвост, злился, но ни он, ни я не сомневались в том, что хотя бы одна из дверей приведет нас в Лето...

Проснулся я очень легко, никакой реориентации мне, естественно, не потребовалось, и доктор даже слегка растерялся, узнав, что мне нужен завтрак (меню минус четыре), свежий «Таймс» и никакой болтовни. Я поду-

мал, что не стоит ему объяснять причину моей быстро адаптации (как они это назвали) и рассказывать, что я уже «просыпался» однажды — вряд ли он бы мне поверил.

Меня ожидало письмо от Джона, датированное неделей раньше:

Дорогой Дэн!

Черт с тобой, я сдаюсь! Как тебе это удалось?

Дженни очень хотела тебя встретить, но я объяснил, что ты просил на некоторое время оставить тебя в покое. Она передает тебе привет, тысячу поцелуев и надеется, что ты вскоре приедешь к нам (я постарался, как мог, объяснить ей, что какое-то время ты будешь здорово занят). Мы оба живем неплохо, разве что я теперь хожу там, где раньше бегал вприпрыжку. Дженни стала еще красивее, чем была. Вот, пожалуй, и все. До скорого.

Твой Джон.

P. S.

Если того, что в конверте, тебе не хватит, сразу звякни мне — там, откуда это взялось, еще очень много. Дела наши идут неплохо.

Мне очень хотелось тут же звякнуть Джону: во-первых, сказать «привет», во-вторых, поделиться с ним потрясающей идеей, пришедшей мне в голову во время сна (я придумал аппарат, превращающий рутину ежедневного купания в ванной в настоящее удовольствие). Но я удержался, поскольку мне предстояло гораздо более важное дело. Я быстренько записал основные параметры будущего прибора и заснул с Питом, уткнувшим мордочку мне под мышку... Кстати, надо бы отучить его от этого — я здорово боюсь щекотки...

В понедельник тридцатого апреля я выписался и поехал в Риверсайд. Там я снял комнату в местной гостинице — возникли осложнения с Питом из-за того, что инструкция не позволяла держать в номерах кошек, а автоадминистратор не был запрограммирован на возможность получения взяток (мне следовало бы подумать об этом, когда я создавал свои первые модели). Но, к счастью, старший администратор, как и всякое

человекообразное, был склонен к пороку — как только сумма его устроила, все осложнения остались позади. Спал я эту ночь плохо — слишком велико было мое возбуждение от предстоящей встречи.

На следующее утро ровно в десять я предстал перед директором Риверсайдского Убежища.

— Доктор Рамсэй, — сказал я, — меня зовут Дэниэль Дэвис. Скажите, у вас есть в настоящий момент клиентка Фредерика Хейник?

— Вы можете предъявить какой-нибудь документ, подтверждающий вашу личность? — последовал вопрос.

Я показал ему водительские права, выданные в Денвере в 1970-м и справку о выписке из Убежища Лесной Поляны. Он внимательно сравнил фотографии с моей физиономией и вернул мне бумаги. С трудом сдерживая волнение, я спросил:

— Она должна быть разбужена сегодня и... Скажите, есть какие-нибудь ее распоряжения, запрещающие мне присутствовать? Я имею в виду не при самом процессе пробуждения, а когда она уже будет в полном сознании?

Он пожевал губами и бесстрастно произнес:

— Согласно воле этой клиентки, она вовсе не должна быть разбужена с е г о д н я.

— Не должна?.. — у меня заныло сердце и засосало под ложечкой.

— Не должна. Согласно ее воле, она вообще не должна быть разбужена до тех пор, пока не появитесь вы, — он смерил меня взглядом и неожиданно улыбнулся. — У вас, наверное, золотое сердце, мистер Дэвис, ибо трудновато отнести такое отношение к вам за счет вашей неотразимой внешности.

— Спасибо, доктор... — с громадным облегчением выдал я.

— Не стоит. Вы можете пока погулять или подождать в приемной. Процедура займет несколько часов.

Я вернулся в гостиницу, взял Пита и пошел с ним гулять. Он был не очень доволен новой сумкой, хотя я постарался купить для него максимально похожую на старую — наверное, она пахла как-то иначе. Мы прошли мимо маленького кафе — «чудного местечка», где я уже один раз завтракал и переодевался... Вернее, где мне еще предстояло это делать. Но сейчас мне совсем не хотелось есть, поэтому мой завтрак съел Пит. В по-

ловине двенадцатого я снова был в Убежище, и меня пропустили к ней.

Я видел только ее лицо, тело было закрыто простыней... Это была Рикки, м о я Рикки — взрослая, похожая на спящего херувима.

— Сейчас она в постгипнотическом состоянии, — тихо сказал доктор Рамсэй. — Пойдите там, я приведу ее в чувство. Да, м-мм... Вам лучше оставить кота в приемной.

— Нет-нет, доктор, он... Он должен быть здесь.

Он хотел было возразить, но, пожав плечами, отвернулся и занялся Рикки.

— Просыпайтесь, Фредерика! Просыпайтесь! Пора! Вы должны проснуться!

Ресницы у нее задрожали, она открыла глаза и огляделась. Увидев нас с Питом, она сонно улыбнулась...

— Дэнни!.. И Пит с тобой.

Она протянула к нам обе руки, и я увидел на левой мое старое кольцо... Пит мурлыкнул, прыгнул к ней на кровать и стал тереться шеей о ее плечо, выгибать спину и совершать весь ритуал кошачьего восторга.



Доктор Рамсэй хотел оставить ее в Убежище на денек-другой, но Рикки отказалась. Я подкатил такси прямо к выходу, и мы поехали в Брауллей. Ее бабка умерла в 1980-м, а больше у нее никого не было, но она оставила там кое-какие вещи — в основном книги. Я собрал все и отправил в «Аладдин-Компанию» на имя Джона Саттона. Рикки, конечно, была поражена переменами в ее родном городе и редко отпускала мою руку, но у нее не было и тени той страшной ностальгии, от которой долго не могут избавиться Спящие. Просто она хотела поскорее уехать из Брауллея.

Мы наняли другое такси и вскоре очутились в Юме. Там, в здании мэрии я написал заявление (не забыв подписаться под ним полностью — «Дэниэль Бун Дэвис», чтобы ни у кого не возникло сомнений в том, какой именно Дэвис придумал это потрясающее мероприятие) и через несколько минут уже стоял с ней рука об руку, повторяя: «Я, Дэниэль, беру в жены тебя, Фредерику... пока не разлучит нас смерть.»

Пит был у меня вместо посаженного отца. Свидетелей мы нашли тут же, в мэрии.

* * *

Сразу после бракосочетания мы уехали из Юмы и остановились в небольшом курортном санатории возле Таксона. Мы наняли отдельный номер в стороне от общего здания, снабженный «Услужливым Бородачом» — больше нам никто не был нужен. Пит немедленно затеял грандиозную битву с котом, бывшим до нашего появления полным хозяином санатория, и нам пришлось большую часть времени держать его в помещении. Рикки относилась к роли замужней женщины так, словно она сама изобрела ее. Что же касается меня, то... У меня теперь была Рикки.

* * *

Ну, вот, пожалуй, и все. Имея на руках акции Рикки в «Дом. Пом. Инк», я освободил Мак-Би от необходимости держать «инженера-изобретателя в отставке» и взял к себе Чака в качестве главного инженера. Джон теперь главный в «Аладдине» и мечтает отойти от дел, но вряд ли ему это удастся. Он, я и Дженни контролируем обе корпорации, но я лично представляю обеим конкурировать и бороться за свое существование самостоятельно, не помогая ни той, ни другой. Борьба за существование — штука верная, старик Дарвин понимал в этом деле, и я полностью с ним согласен. Я же — что-то вроде «Инженерной компании Дэвиса»: комнатка с чертежным столом, небольшая мастерская и старый механик, считающий меня сумасшедшим, но скрупулезно выполняющий все мои распоряжения и прекрасно читающий чертежи. Когда мы заканчиваем очередной агрегат, я тут же беру на него патент, и мы принимаемся за следующий.

Я отыскал свои старые записки, которые делал, беседуя с Твитчеллом, и написал ему письмо, в котором сообщил, что у меня все сошло гладко и что я вернулся Холодным Сном... Принес свои извинения за то, что позволил себе сомневаться в его гениальности. Я спрашивал его, не хочет ли он ознакомиться с рукописью,

когда та будет готова, но он так и не ответил, из чего я заключил, что он по-прежнему сердит на меня.

Тем не менее я обязательно напишу эту книгу, а когда она будет готова, издам ее — пусть даже за свой счет. Э т о я обязан для него сделать. Я ведь многим ему обязан — практически всем, потому что только благодаря ему у меня есть Рикки... И Пит... Я думаю назвать эту книгу: «Непризнанный гений».

Дженни и Джон выглядят так, словно мы и не расставались на тридцать лет. Купания на свежем воздухе, зарядка, а главное доброжелательность здорово помогают не стареть... Дженни сейчас еще красивее, чем была, и это — в свои... Да, в свои шестьдесят три. Джон по-прежнему думает, что я обладаю неким даром «ясновидения», и совершенно не хочет принимать во внимание очевидные факты: к а к я это сделал? Как... Я пытался объяснить это Рикки, но она очень огорчилась, услышав, что пока я проводил с ней медовый месяц, я еще был и в Боулдере. А когда навещал ее в лагере Скаутов, я также лежал в трансе в Сан-Фернандском Убежище... Выслушав это, она просто побелела, поэтому я взял ее за руку и торопливо сказал:

— Давай рассуждать теоретически. Если перенести все это и в область чистой математически предположим, мы берем морскую свинку — такую белую, с коричневыми пятнышками. Берем, помещаем ее в клетку и отправляем на неделю назад. Но неделей раньше мы уже должны обнаружить эту свинку. Таким образом, в момент эксперимента мы имеем дело с д в у м я свинками, хотя на самом деле, конечно, это одна и та же, только с т а р ш е.

Итак, мы берем одну из них и отправляем на неделю назад...

— Подожди минутку! Какую именно?

— Что значит «какую»? Я же объясняю тебе, что она о д н а! Конечно, мы берем ту, которая на неделю моложе, потому что...

— Сначала ты сказал, что она одна. Потом ты сказал, что их две. Потом ты сказал, что две — это о д н а. Но тебе все же придется взять о д н у из д в у х, в то время как... она одна! Как же...

— Я пытаюсь объяснить тебе, как о д н а свинка может быть в каком-то смысле д в у м я!..

— А как ты можешь отличить, какая из них моложе

на неделю, а какая старше? Ведь они на вид совершенно одинаковые?

— Ну, хорошо, мы можем отрубить ей хвост, когда пошлем ее назад. А когда она вернется, ты увидишь, что...

— Как ты можешь, Дэнни?! Это же очень жестоко!.. И вообще у морских свинок нет хвоста.

Ей казалось, что этим она мне что-то доказала... Вряд ли стоило пытаться объяснять ей. Но Рикки не желала ссориться со мной по таким пустякам. Видя, что я расстроился, она мягко сказала:

— Иди ко мне, милый, — она взъерошила мне волосы и поцеловала. — Я хочу, чтобы ты был один! С двумя я бы не справилась... Скажи мне правду: ты рад, что дождался, пока я стану взрослой?

Я изо всех сил постарался доказать ей, что безумно рад...

Однако мои собственные объяснения разъясняли не все. Один момент остался загадкой для меня самого, хотя я сам проделал все эти штуки... Как случилось, что я не заметил объявления о своем собственном пробуждении? Я имею в виду второе пробуждение в апреле 2001-го, а не то, в декабре 2001-го. Ведь я должен был его заметить — я очень внимательно просматривал списки. Во второй раз я проснулся в пятницу, двадцать седьмого апреля 2000-го. На следующее утро это сообщение должно было быть в «Таймсе», но... Я его не видел. Потом я специально просматривал подшивки, и оно там было — в субботнем выпуске, двадцать восьмого апреля: «Д. Б. Дэвис».

Рассуждая философски, одна строчка может перевернуть всю Вселенную, стереть с лица земли континент... Эта старая «песня» о «параллельных потоках времени» и «многовариантности реальности»... Быть может, так оно и есть? Быть может, я просто умудрился попасть в иной мир, и иной вариант Вселенной, который стал иным, потому что я все это проделал? И хотя я нашел здесь Рикки и Пита, быть может, существует мир, где (или когда) Пит бродил по помойкам, брошенный всеми, а Рикки так и не сумела уехать с бабкой и была вынуждена жить с... Беллой?

Нет, одной печатной строки, конечно, недостаточно. Я, вероятно, заснул этой ночью и не заметил своего собственного имени в газете, а наутро выкинул эту газе-

ту, думая, что уже прочел ее накануне. В конце концов, я ведь довольно рассеянный, когда думаю о своей работе, и вполне мог так сделать... Но что бы произошло, если бы я все-таки увидел эту строчку? Что бы я сделал? Отправился туда, встретился с самим собой и сошел с ума? Нет! Нет — потому что, если бы я увидел эту строчку, я никогда бы не сделал то, что сделал после (для меня — «после»), то, что привело к появлению этой строки, без чего она никогда не могла появиться. Само существование этого объявления зависело от того, увижу я его или нет, и сама возможность появления этой газетной строчки могла возникнуть только благодаря тому, что я не увижу (или «не увидел») ее. Свобода выбора и предопределенность слились здесь воедино, но и то и другое не переставало существовать, не теряло смысла. Существует лишь один настоящий мир, одна реальность с одним прошлым, настоящим и будущим... Один, но достаточно великий и сложный, чтобы в нем уместилось все — свобода выбора, путешествие во времени... Человеку дается возможность идти любым путем, но... внутри определенных правил. И в конце концов ты приходишь к своему порогу, к своей двери.

Не я один путешествовал во времени. И Форт, и Амброс Баирс описывали случаи, которые ничем иным объяснить нельзя. Да и потом те две дамы в садах Трианона... У меня есть подозрение, что старик Твитч включал свой рубильник чаще, чем рассказывал об этом... Не говоря уже о других ученых, которые могли наткнуться на то же самое в прошлом и в будущем. Но вряд ли из этого когда-либо вышло или выйдет что-нибудь путное. Что касается моего случая, о нем знают трое. И двое из них мне не верят... Как говорит Форт, ездить по железной дороге можно лишь тогда, когда приходит время железных дорог...

Однако я никак не могу выкинуть из головы Леонарда Винченца. Неужели он действительно... пересек континент и вернулся вместе с Колумбом? История говорит нам, что жизнь Леонардо да Винчи протекала так-то и так-то, но... Он ведь мог и «переписать» кое-какие вехи... Я-то знаю, потому то мне самому пришлось кое в чем это сделать. А тогда, в пятнадцатом веке, не было удостоверений, отпечатков пальцев... Он вполне мог выдать себя за кого угодно, и думать о том, как

он жил... Оторванный от всего привычного, от миллиона вещей, которые он отчаянно и безуспешно пытался описать, чтобы их можно было сделать, но... Терпел неудачи, потому что просто невозможно делать то, что мы делаем сегодня, без всех предыдущих столетий, на основе которых развивается наша жизнь... Сизифов труд был легче, а Танталовы муки менее страшны.

Я иногда задаюсь вопросом, что можно было бы извлечь из путешествия во времени, если рассекретить сго? Коротенькие «прыжки», не больше. И в один прекрасный момент неизбежно сделаешь такой «прыжок», откуда уже не вернешься, потому что время «железных дорог» не пришло. И подвести может любая мелочь, любой пустяк... Кроме того, не зная, в какую сторону прыгнешь... Представьте, каково будет появиться при дворе Генриха Восьмого со снаряжением, приготовленным для двадцать пятого столетия? Легче участвовать в рыцарском турнире... Нет, я всегда говорил, что нельзя продавать агрегат, пока он не работает как следует.

Но меня мало беспокоят «парадоксы во времени» и «вероятности анахронизмов». Если какой-нибудь инженер, скажем, в тридцатом веке заставит этот «агрегат» хорошо работать и устранил все «дефекты», то произойдет это только потому, что так должно было произойти: так устроена Вселенная. Нам даны глаза, руки и мозги, и все, что мы сделаем ими, не может быть «парадоксом». Чудес на свете не бывает, и слово «анахронизм» — всего лишь семантическая пустышка.

Философская сторона этого дела волнует меня не больше, чем Пита. Какие бы сложности ни были в этом мире, мне он нравится. Я нашел свою Дверь в Лето, и ни за какие коврижки меня больше не заманят в путешествия во времени — там можно, знаете ли, легко соскочить не на той «станции». Может быть, это суждено испытать моему сыну, но если так, я бы советовал ему «уехать» в будущее, а не в прошлое. Прошлое — для неудачников, для тех, кто сам не знает, чего хочет, а будущее... Если не считать нытиков и грязных длинноволосых субъектов, орущих о «грядущих бедствиях», мир становится лучше — человеческий разум делает его лучше. Для этого существуют руки, глаза, наука, искусство... Инженерия. А большинство длинноволосых сами не умеют забить гвоздя, и я бы пригласил их всех

в лабораторию доктора Твитчелла — пусть прогулялись бы в двенадцатый век, если их не устраивает 2001-й. Мне же лично нравится здесь, вернее, сейчас. Разве что Пит становится старше, немного потолстел и уже не с такой охотой стремится выяснить отношения с более молодым соперником... Скоро, уже совсем скоро ему придется уйти в Долгий... с а м ы й Долгий Сон. И я всем сердцем надеюсь, что его маленькая благородная душа найдет там свою Дверь в Лето, где для кошек уготовлены всевозможные блаженства: и специальные кошко-роботы запрограммированы на отчаянные драки с неизбежным проигрышем в финале, а у людей локти и ноги предназначены лишь для того, чтобы тереться о них, а ни в коем случае не для ударов и пинок. Рикки тоже толстеет, но совсем по другой, гораздо более приятной причине. Она стала от этого еще красивее, ее «Дэнни!» по-прежнему сладкой музыкой звучит у меня в ушах, но это причиняет ей много неудобств. Я работаю над приспособлениями, которые должны облегчить ей (и всем, кто будет в ее положении) жизнь — вообще быть женщиной, знаете ли, не совсем удобно! Тут обязательно нужно что-то придумывать, и я уверен, кое-что можно придумать уже сейчас. Я соорудил для нее гидравлическую кровать и думаю, что возьму на нее патент... Недавно мне пришло в голову, что надо бы облегчить процесс залезания в ванну, но пока я еще не решил до конца эту проблему.

Для старины Пита я сконструировал специальную «кошачью ванну», чтобы он пользовался ею в плохую погоду. Тем не менее Пит, как и всякий уважающий себя кот, предпочитает выходить наружу, и, как прежде, он твердо убежден в том, что если вы перепробуете все двери в доме, одна из них обязательно окажется Дверью в Лето...

Знаете... Я думаю, он прав.

Литературно-художественное издание

Роберт Хейнлейн

ДВЕРЬ В ЛЕТО

Редактор *Э. Н. Анкин*
Художник *К. А. Сошинская*
Художественный редактор *В. И. Шаповалов*
Технический редактор *Г. М. Носкова*

Сдано в набор 23.10.89. Подписано к печати 13.02.90. Формат 84 × 108¹/₃₂.
Бумага тип. № 2. Печать высокая. Усл. п. л. 10,92. Уч.-изд. л. 10,84.
Тираж 100 000. Заказ 766. Цена 3 р.

Издательство «Мир», 129820, ГСП, Москва, 1-й Рижский пер., 2.
При содействии издательства «Воздушный транспорт» и кооператива
«Ормон» (Всесоюзное объединение ВОКИМ).
Ярославский полиграфкомбинат Госкомпечати СССР,
150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

science fiction фантастика

...Физически я был здоров, как бык (не считая общего хронического похмелья), до тридцатилетия у меня еще оставалось в запасе несколько дней, словом, до финиша было еще далеко. Меня не разыскивали ни полиция, ни обманутые мужья, ни налоговые инспекторы — не было ничего такого, что хотелось бы полечить легкой амнезией.

Но в сердце у меня лютовала зима, и я стал искать свою Дверь в Лето.